

2025, Vol. 18, N 2

MINDAR

ISLAMIC STUDIES

Every publication in the Minbar. Islamic Studies periodical is peer-reviewed and approved for publication by a search committee.

Since 12.02.2019 the periodical Minbar. Islamic Studies is included in the list of peer reviewed journals, which are specially selected for publication of research results for those who wish to submit their PhD and PhD (habil.) thesis. This list is suggested by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation following the advice from the Commission of Higher Certification at the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=3344114001&f=3092>) for the academic divisions as follows:

5.3.1. General Psychology, Personal Psychology, History of Psychology (Psychol.).

5.6.1. National History (Hist.).

5.6.2. Universal History (Hist.).

5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (Hist.).

5.6.5. Historiography, Source study, Methods of historical research (Hist.).

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Hist.).

5.11.1. Theoretical Theology (the research direction: Orthodoxy, Islam, Judaism) (Theol.).

5.11.2. Historical Theology (the research direction: Orthodoxy, Islam, Judaism) (Theol.).

5.11.3. Practical Theology (the research direction: Orthodoxy, Islam, Judaism) (Theol.).

Minbar. Islamic Studies is a peer reviewed international scholarly journal dedicated to the study of all aspects of Islam and the Islamic world. Particular attention is paid to works dealing with history, science, anthropology, religion, philosophy and international relations, as well as ethical questions related to scientific research. The journal is committed to the publication of original research on Islam as a culture and a civilization. It particularly welcomes work of an interdisciplinary nature that brings together religion, history, psychology and theology. The journal has a special focus on Islam in the Russian Federation and contemporary Islamic Thought.

Contributions that display theoretical rigor, especially works that link the particularities of Islamic discourse to knowledge and critique in the humanities and social sciences, will find *Minbar. Islamic Studies* receptive to such submissions.

The journal creates a space where historically, psychologically and theologically grounded research into all aspects of Islam – from the birth of Islam to modern times – can be publicized, reviewed and discussed. *Minbar. Islamic Studies* is open to theoretical and critical contributions and is indexed in CrossRef, the Directory of Open Access Journals (DOAJ) and Google Scholar.

Each paper published in the journal is assigned a DOI® number, which appears with the author's affiliation in the published paper.

Minbar. Islamic Studies founded in 2008 by the Russian Islamic Institute and has been published by the RII under the title *Minbar* (2008–2018), and under the current title since August 2018. The journal is published four times a year.

It is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration Certificate ПИИ № ФЦ77-73567 issued August 24, 2018.

Founders		Partners	
	Private higher education institution Russian Islamic Institute (RII) Address: 19, Gazovaya str., 420049, Kazan, Russian Federation Website: http://www.kazanriu.ru		Bulgarian Islamic Academy Address: 1A, Kol Gali str., 422840, Bolgar, Republic of Tatarstan, Russian Federation Website: https://bolgar.academy
	Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS) Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation Website: https://www.ivran.ru		Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» Address: 9 Kalinina ave, 357532, Pyatigorsk, Stavropol Krai, Russian Federation Website: http://pglu.ru
	Kazan (Volga Region) Federal University (KFU) Address: 15, Pushkin str., 420008, Kazan, Russian Federation Website: https://kpfu.ru/imoiv		The State Museum of Oriental Art Address: 12a, Nikitskiy blvd., Moscow, 119019, Russian Federation Website: http://www.orientmuseum.ru

Publishers

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS)

Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russian Federation

Website: <https://www.ivran.ru>

Council for Islamic Education.

Address: 49, Ostozhenka str., Building 4, Moscow, Russian Federation.

Website: <http://islamobr.ru>

Contact information

420049, Russian Islamic Institute

Address: 19, Gazovaya str., Kazan, Russian Federation

Website: <http://www.minbar.su>

Phone: +7 (943) 277-55-36, mob. +7 (843) 277-55-36

E-mail: minbar_russia@mail.ru

The cover features a drawing of the Minbar seal by R. R. Nasybullov

© RII, 2025
© IOS RAS, 2025
© KFU, 2025

Published with the assistance of the
Fund for Support of Islamic Culture,
Science and Education

Editor-in-Chief

Rafik M. Mukhametshin, Dr. Sci. (Polit.), Professor, Russian Islamic Institute, Council for Islamic Education, Kazan, Russian Federation

Chairman of the Board of Advisors

Vitaliy V. Naumkin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

International Board of Advisors

Alikber K. Alikberov, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sevinj I. Aliyeva, Dr. Sci. (Hist.), Institute of History of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Bakhtiyar M. Babadjanov, Dr. Sci. (Hist.), The Abu Rayhan Biruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Igor V. Bazilenko, Dr. Sci. (Hist.), Professor, St. Petersburg state University; St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russian Federation

Mustafa I. Bilalov, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Ramil M. Valeev, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Sci. (Hist.), Associate professor, The first President of Russia

Valentina V. Gritsenko, Dr. Sci. (Hist.), Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

Svetlana D. Gurieva, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Magomed M. Dalgatov, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russian Federation

Angela S. Damadaeva, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russian Federation

Ilya V. Zaytsev, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, State Museum of Oriental Art, Moscow, Russian Federation

Emi Zulaifjah, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Universitas Islam Indonesia, Jakarta, Indonesia Editorial Board Faisulkhak G. Islayev, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

Tawfik Ibrahim, Dr. Sci., Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander Sh. Kadyrbayev, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Valentina D. Laza, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Ibrahim Marash, Dr. Sci. (Theol.), Professor, Ankara University, Ankara, Republic of Turkey

Alexander V. Martynenko, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation

Dmitry V. Mikulski, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ashirbek K. Muminov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Research Center for Islamic History, Art and Culture at the Organization of Islamic Cooperation, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Maria M. Mchedlova, Dr. Sci. (Polit.), Professor, RUDN University; Institute of Sociologie, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir V. Orlov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Mikhail B. Piotrovsky, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Arts, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Saint Petersburg State University; The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation

Vyacheslav S. Polosin, Dr. Sci. (Philos.), Fund for Support of Islamic Culture, Science and Education, Moscow, Russian Federation

Bagus Riyono, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Gadjah Mada University, Jakarta, Indonesia

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (Hist.), Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Alexander V. Sedov, Dr. Sci. (Hist.), State Museum of Oriental Art; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Fisura O. Semenova, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Umar Aliev Karachai-Cherkess State University, Karachaevsk, Russian Federation

Airat G. Sitdikov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Dilyara M. Usmanova, Ph. D habil. (Hist.), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Rail R. Fakhrutdinov, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Svetlana V. Khrebina, Dr. Sci. (Psychol.), Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Ramil K. Adygamov, Cand. Sci. (Hist.), Associate professor, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

Apollinaria S. Avrutina, Cand. Sci. (Philol.), Associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Natalia V. Efremova, Cand. Sci. (Philos.), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Islam A. Zaripov, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ibrahim J. Ibragimov, Cand. Sci. (Pedag.), Associate professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Shamil R. Kashaf, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Vladimir N. Nastich, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Olga S. Pavlova, Deputy Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Pedag.), Associate professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

Tatyana E. Sedankina, Cand. Sci. (Pedag.), Associate professor, Russian Islamic Institute, Kazan, Russian Federation

Nikolaj I. Serikoff, Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexey N. Starostin, Cand. Sci. (Hist.), Associate professor, Ural State Mining University; The first President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Aidar G. Khayrutdinov, Cand. Sci. (Philos.), Associate professor, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Oleg E. Khukhlaev, Cand. Sci. (Psychol.), Associate professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

Damir A. Shagaviev, Deputy Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Hist.), Associate professor, Russian Islamic Institute, Kazan, Bolgar Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation

2025, Vol. 18, N 2

MINBAR

ISLAMIC STUDIES

Журнал Minbar. Islamic Studies уделяет особое внимание исламу в России и современным вопросам исламской мысли, тем самым содействуя развитию отечественной мусульманской богословской школы и в целом исламского образования в Российской Федерации, а также участвуя в выполнении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» и плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017–2020 гг., утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, с изменениями от 20 декабря 2017 г. № 2878-р и от 8 июня 2018 г. № 1148-р.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Журнал с 12.02.2019 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, сформированный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=3344114001&f=3092>) по следующим группам научных специальностей/научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),
- 5.11.1. Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм) (теология)
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм) (теология)
- 5.11.3. Практическая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм) (теология)

Minbar. Islamic Studies – международный рецензируемый научный журнал, посвященный изучению важных аспектов ислама и исламского мира. Журнал создает пространство для публикации и обсуждения результатов оригинальных исследований в области истории, психологии и теологии, посвященных всем аспектам ислама, – от возникновения мировой религии до настоящего времени. Приветствуются работы, для которых характерны строго научный теоретический и критический анализ и соединение особенностей исламского дискурса с приращением новых знаний в гуманитарных и общественных науках.

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2008 г., выходит 4 раза в год

Minbar. Islamic Studies основан в 2008 г. Российским исламским институтом и выходил под названием «Минбар», параллельное название «Минбар. Исламские исследования» (2008–2018), под текущим названием издается с августа 2018 г.

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре:

ПИ № ФС77-73567 от 24 августа 2018 г.

Зарегистрировано в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации,

номер ISSN: 2618-9569 (Print)

Учредители		Партнеры	
	Частное учреждение высшего образования «Российский исламский институт» (ЧУВО РИИ) Адрес: 420049, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19 сайт: http://www.kazanrii.ru		Мусульманская религиозная организация духовная образовательная организация высшего образования «Болгарская исламская академия» Адрес: 422840, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Болгар, ул. Кул Гали, д. 1А сайт: https://bolgar.academy
	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт востоковедения Российской академии наук» (ФГБУН ИВ РАН) Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, сайт: https://www.ivran.ru		Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет». Адрес: 357532, Российская Федерация, Ставропольский край, г. Пятигорск, просп. Калинина, д. 9 сайт: http://pglu.ru
	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ) Адрес: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Пушкина, д. 1/55 сайт: https://kpfu.ru/imoiv		Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный музей искусств народов Востока». Адрес: 119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12а сайт: http://www.orientmuseum.ru

Издатели

Частное учреждение высшего образования "Российский исламский институт"

Адрес: 420049, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19,

сайт: <https://www.kazanrii.ru>

Учреждение «Совет по исламскому образованию».

Адрес: Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 49, стр. 4.

сайт: <http://islamobr.ru>

Редакция

Адрес: 420049, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19

сайт: <http://www.minbar.su>

Тел.: +7 (843) 277-55-36, Моб.: +7 (843) 277-55-36

E-mail: minbar_russia@mail.ru

В оформлении использован рисунок тугры, автор – Р. Р. Насыбуллов

© ЧУВО РИИ, 2025
© ФГБУН ИВ РАН, 2025
© КФУ, 2025

Издается при содействии
Фонда поддержки исламской культуры,
науки и образования

Главный редактор

Мухаметшин Рафик Мухаметшинович, д-р полит. наук, профессор, Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

Председатель редакционного совета

Наушкин Виталий Вячеславович, академик РАН, д-р ист. наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Алиева Севиндж Исрафил-гызы, д-р ист. наук, Институт истории Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

Бабаджанов Бахтияр Мираимович, д-р ист. наук, профессор, Институт востоковедения имени Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Базилenco Игорь Вадимович, д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Билалов Мустафа Исаевич, д-р филос. наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация

Валеев Рамиль Миргасимович, д-р ист. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Валиахметова Гульнара Ниловна, д-р ист. наук, доцент, Уральский гуманитарный институт; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Гриценко Валентина Васильевна, д-р психол. наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Гуриева Светлана Дзахотовна, д-р психол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Далгатов Магомед Магомедаминович, д-р психол. наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала, Российская Федерация

Дамадаева Анжела Сергеевна, д-р психол. наук, профессор, Дагестанский институт развития образования, г. Махачкала, Российская Федерация

Зайцев Илья Владимирович, д-р ист. наук, профессор РАН, Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва, Российская Федерация

Эми Зулайфа, Ph. D (Psychol.), профессор, Индонезийский исламский университет, г. Джакарта, Индонезия

Ислаев Файзулхак Габдулхакович, д-р ист. наук, профессор, Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

Ибрагим Тауфик, д-р филос. наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Кадырбаев Александр Шайдамович, д-р ист. наук, профессор, Институт востоковедения РАН; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Лаза Валентина Дмитриевна, д-р филос. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Мараши Ибрагим, профессор, д-р Анкарского университета, г. Анкара, Республика Турция

Мартыненко Александр Валентинович, д-р ист. наук, профессор, Мордовский государственный педагогический институт, г. Саранск, Российская Федерация

Микульский Дмитрий Валентинович, д-р ист. наук, профессор, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Муминов Аширбек Курбанович, д-р ист. наук, профессор, Исследовательский центр по исламской истории, искусству и культуре при Организации исламского сотрудничества, г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Мchedлова Марина Мирановна, д-р полит. наук, профессор, Российский университет дружбы народов; Институт социологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Орлов Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Пиотровский Михаил Борисович, академик РАН, академик Российской академии художеств, д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Полосин Вячеслав Сергеевич, д-р филос. наук, Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, г. Москва, Российская Федерация

Рийоно Багус, д-р психологии, профессор, Университет Гаджах Мада, г. Джакарта, Индонезия

Салихов Радик Римович, д-р ист. наук, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Сапронова Марина Анатольевна, д-р ист. наук, профессор РАН, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Седов Александр Всеволодович, д-р ист. наук, Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва, Российская Федерация

Семенова Файзура Ореловна, д-р психол. наук, профессор, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск, Российская Федерация

Ситдилов Айрат Габитович, д-р ист. наук, профессор, Казанский федеральный университет; Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Усманова Дилара Миркасымовна, д-р ист. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Фахрутдинов Раиль Равилович, д-р ист. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Хребина Светлана Владимировна, д-р психол. наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Аврutiна Аполлинария Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Адвгамов Рамиль Камилович, канд. ист. наук, доцент, Институт истории Академии наук Республики Татарстан им. Ш. Марджани; Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

Ефремова Наталья Валерьевна, канд. филос. наук, Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Зарилов Ислам Амирович, канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Ибрагимов Ибрагим Джавпарович, канд. пед. наук, доцент, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

Кашаф Шамиль Равильевич, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Настич Владимир Нилович, канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Павлова Ольга Сергеевна, зам. гл. редактора, канд. пед. наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Седанкина Татьяна Евгеньевна, канд. пед. наук, доцент, Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

Серигов Николай Игоревич, канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Старостин Алексей Николаевич, канд. ист. наук, Уральский государственный горный университет; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, канд. филос. наук, доцент, Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; г. Казань, Российская Федерация

Хухлаев Олег Евгеньевич, канд. психол. наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Шагавиев Дамир Адгамович, зам. гл. редактора, канд. ист. наук, доцент, Российский исламский институт, г. Казань, Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация

CONTENTS

HISTORY

<i>Khabelova M.L.</i> Shi'a Islam in the Caucasus: the Ismail Mosque	263
<i>Salakhov A.M.</i> "Mishkat al-Masabih" (The Light niche) – a source of reliable Sunnah in the public education system of the Tatars of the 19 th century: content and genesis.....	274
<i>Salakhova E.K.</i> Jamal Walidi on the nation and the role of Islam in shaping Tatar identity	287

THEOLOGY

<i>Muratov A.V.</i> The view of the classic of Arabic grammar Ibn Jinni on the function of particles in the interpretation of the Holy Quran	305
<i>Lukashev A.A.</i> Knowledge and Action in the Works by Farid al-Din Attar (Quantitative Analysis Methods)	315
<i>Khautiev I.A., Al-Lahham B.S.</i> Priorities and methodology of issuing fatwas in the Shafi'i madhhab	341
<i>Khamidov E.N., Karibullin A.A., Shafikov I.F.</i> "Istimdad" and "karamat" in popular and literary Islam: local reception on the example of the work of R. Fakhreddin	358
<i>Shibzukhov M.M.</i> The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic youth of the republic to traditional religious and cultural values: mid-2000 -mid-2010s.....	377
<i>Sharypov Z.A.</i> Islamic Fundamentalists and Sufi Tariqas in the North Caucasus: Modern Ideological Confrontation	399
<i>Egorov S.Yu.</i> Activities of dissertation councils of confessional scientific certification systems	415
<i>Polosin V.S.</i> Political Theology as a New Science: Subject and Methodology	440

PSYCHOLOGY

<i>Ganieva R.H.</i> Experience in consulting on issues of relations between daughter-in-law and mother-in-law (case analysis)	457
<i>Kerimova I.A.</i> Life Strategies of Women Business Owners in Tajikistan.....	482

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хабелова М.Л. Шиизм на Кавказе: мечеть Исмаила 263

Салахов А.М. «Мишкят аль-масабих» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны в системе народного образования татар XIX в.: содержание и генезис 274

Салахова Э.К. Джамаль Валиди о нации и роли ислама в формировании татарской идентичности 287

ТЕОЛОГИЯ

Муратов А.В. Взгляд классика арабской грамматики Ибн-Джинни на функцию частиц при интерпретации Священного Корана 305

Лукашев А.А. Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара (количественные методы анализа) 315

Хаутиев И.А., Аль-Ляххам Б.С. Приоритеты и методология издания фетв в шафиитском мазхабе 341

Хамидов Е.Н., Карибуллин А.А., Шафиков И.Ф. «Истимдад» и «карамат» в народном и книжном исламе: локальная рецепция на примере работы Р. Фахреддина 358

Шибзухов М.М. Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг. ... 377

Шарыпов З.А. Исламские фундаменталисты и суфийские тарикаты на Северном Кавказе: современное идеологическое противостояние 399

Егоров С.Ю. Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации 415

Полосин В.С. Политическая теология как новая наука: предмет, методология 440

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ганиева Р.Х. Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови (случай из практики) 457

Жеримова И.А. Жизненные стратегии женщин-предпринимателей Таджикистана 482

HISTORY

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

-
- ◆ **Шиизм на Кавказе: мечеть Исмаила**
 - ◆ **«Мишкят аль-масабих» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны в системе народного образования татар XIX в.: содержание и генезис**
 - ◆ **Джамаль Валиди о нации и роли ислама в формировании татарской идентичности**

Шиизм на Кавказе: мечеть Исмаила

М.Л. Хабелова^{1а}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7657-9106>, e-mail: mkhabelova@gmail.com

Резюме: В статье рассматривается история старейшей мечети, основанной при шахе Исмаиле I (1501–1524) в Тбилиси, и попытка преобразования религиозного ландшафта в Грузии в начале XVI в. Цель исследования заключается в реконструкции сведений о шиитской мечети, возведенной в 1522 г. и ставшей символом политического присутствия Сафавидов (1501–1722). Анализ этого памятника позволяет лучше понять стратегические цели династии, направленные на укрепление позиций через религиозные институты. Исследование проведено на источниковой базе, включающей в себя грузинскую и персидскую хронистику: «Картлис Цховреба»; «История царства Грузинского» Вахушти Батонишвили; «Тарих-и 'алямара-йи Исма'иль» («Хроника Исмаила – украшение вселенной») анонимного автора; «Тарих-и джаханара» («Летопись – украшение мира») кади Ахмада ибн Мухаммада аль-Гаффари; «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей») Хасан-бека Румлу, а также травелоги французских путешественников Жана Шардена, Жозефа Питтона де Турнефора и др. Утрата в советский период памятника – мечети Исмаила – подчеркивает значимость его изучения, делая исследование его прошлого особенно важным и способствуя сохранению памяти о культурном наследии эпохи Сафавидов.

Ключевые слова: мечеть; шиизм; Исмаил I; Сафавиды; Иран; Грузия; Тбилиси

Для цитирования: Хабелова М.Л. Шиизм на Кавказе: мечеть Исмаила. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):263–273*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-263-273

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Shi'a Islam in the Caucasus: the Ismail Mosque

M.L. Khabelova^{1a}

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7657-9106>, e-mail: mkhabelova@gmail.com

Abstract: The article examines the history of the oldest Safavid mosque of Shah Ismail I (1501–1524) in Tbilisi and the attempt to transform the religious landscape of Georgia. The aim of the research is to reconstruct information about the Shi'a mosque built in 1522, which became a symbol of the political presence of the Safavids (1501–1722). Analyzing the circumstances of the construction of this monument helps better understand the strategic goals of the dynasty aimed at strengthening their positions through religious institutions. The study was conducted based on primary sources including Georgian and Persian historiography: “Kartlis Tskhovreba”; “Description of the Kingdom of Georgia” by Vakhushti of Kartli; “Tarikh-i alamara-yi Ismail” (“The Chronicle of Ismail – the Adornment of the Universe”) by an anonymous author; “Tarikh-i jahanara” (“The Chronicle of the World-Adorning One”) by the qadi Ahmad ibn Muhammad al-Ghaffari; “Ahsan at-tawarikh” (“The Best of the Chronicles”) by Hasan Beg Rumlu; as well as travelogues by French travelers Jean Chardin and Joseph Pitton de Tournefort, among others. The loss of this historical landmark during the Soviet period makes the study of its past even more valuable and contributes to preserve the memory of the Iranian heritage in Georgia.

Keywords: mosque; Shi'a Islam; Ismail I; Safavids; Iran; Georgia; Tbilisi

For citation: Khabelova M.L. Shi'a Islam in the Caucasus: the Ismail Mosque. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):263–273. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-263-273

Введение

В ходе исследования ирано-грузинских взаимоотношений при Сафавидах обращают на себя внимание первые попытки шаха Исмаила (араб. Исма'иль) закрепить свои притязания на Восточную Грузию, которая в источниках именовалась Гурджистаном. Опираясь на кызылбашей – племенной союз с чертами дервишского братства, он сумел объединить Иран. Для Сафавидов, вовлеченных в ожесточенную борьбу с Османской империей за доминирование в регионе, важнейшим приоритетом являлось утверждение собственного контроля над территориями, что определило их дальнейшие шаги.

К началу XVI в. Грузия распалась на отдельные политические единицы, однако царство Картли со столицей Тбилиси сохраняло свое значение центра грузинской государственности и культуры. Несмотря на внешнее давле-

ние, оно оставалось олицетворением единства грузинского народа и опорой в борьбе за сохранение национального самосознания. Вражеские силы стремились всегда заполучить сердце грузинского царства – Тбилиси. Возведение шиитской мечети в городе положило начало постепенному росту шиитского влияния в регионе. Исследование построено на базе следующих источников: «Картлис Цховреба» – сборник средневековых летописей, сложившийся в первой четверти XII в.; «История царства Грузинского» Вахушти Батонишвили (1696–1757), историка и географа, сына царя Вахтанга V (1658–1675); «Тарих-и ‘алямара-йи Исма‘иль» («Хроника Исмаила – украшение вселенной») – анонимное повествование, составленное в конце XVII в.; «Тарих-и джаханара» («Летопись – украшение мира») кади Ахмада ибн Мухаммада аль-Гаффари (ум. в 1568), завершившего свой труд в 1564–65 гг. и посвятившего его шаху Тахмаспу I (1524–1576); «Ахсан ат-таварих» («Лучшая из летописей») Хасан-бека Румлу (1531/2-?), который в первом томе изложил события 1405–1494 гг., а второй посвятил правлению сафавидских шахов Исмаила I, Тахмаспа I, Исмаила II (1576–1577) и приходу к власти Мухаммада Худабанде (1578–1587); а также травелоги французских путешественников Жана Шардена (1643–1713), Жозефа Питтона де Турнефора (1656–1708) и др. Анализ данных источников восстанавливает историю мечети Исмаила, которая простояла более четырех веков.

Шиитская мечеть: история строительства и сведения из путевых заметок

Первые походы кызылбашей на грузинские земли были направлены на установление эффективного контроля династии Сафавидов в регионе. Впоследствии политический вектор дополнился попыткой религиозной экспансии. Грузинские источники сообщают о мерах, предпринятых кызылбашами, для распространения в Картли шиитского ислама. По словам Бери Эгнаташвили, шах Исмаил выступил из Агджакале и захватил Тбилиси, заняв городскую крепость. После разграбления церквей и монастырей он распорядился возвести шиитскую мечеть около Метехи [1, с. 356]. Вахушти Батонишвили, как и Бери Эгнаташвили, ничего не писал о насильственном обращении населения Тбилиси в ислам. Он подверг сомнению пребывание Исмаила в столице, отме-

чая, что в 1522 г. город оказался в руках верного полководца шаха – Див-Султана Румлу [2, с. 199].

Мечеть у Метехского моста в Тбилиси, скорее всего, была им отреставрирована и названа в честь шаха. Повествование о взятии Тбилисской крепости Исмаилом в житии перекликается с описанием захвата Тбилиси хорезмшахом Джаляль-ад-дином (1220–1231). Путаница могла возникнуть в результате некоторого искажения летописных сведений, устной передачи и таким образом распространилась в грузинской историографии. Это предположение подтверждается тем, что после поражения от османов на Чалдыранском поле (недалеко от города Маку, на северо-западе современного Ирана) в 1514 г. Исмаил передал командование кызылбашами Див-Султану Румлу [3, с. 78].

В третьем тексте «Картлис Цховреба» упоминаются следующие важные сведения: «...Явился шах Исмаил и обложил крепость Тифлисскую, и сразился яростно... Взял крепость, и город, и сотворил много зла. Разрушил святые церкви, осквернил святыни, иконы и кресты. И прикоснулся руками к Богородице Сионской и содрал с нее многоценную ризу, грузинскими царями с упованием украшенную <...> И положил ее в проходе моста <...> И схватили множество христиан, и пригнали их к мосту, и насилием принуждали попать ногою икону» [1, с. 495]. Многие предпочли смерть, однако не отреклись от веры, а некоторые «склонились по плотской немощи и лишились Царствия», икону шах сбросил в реку Мтквари (Куру), а затем построил мечеть у Метехского моста [1, с. 495–496].

Однако по сведениям Жана Шардена, путешествовавшего по Грузии в 1672–1673 гг., отмечалось: «В Тифлисе нет мечети, хотя город принадлежит магометанской империи и управляется, как и вся провинция, принцем, который также является таковым. Персы приложили все усилия, чтобы построить ее там, но так и не смогли осуществить свой замысел. Народ немедленно восстал, силой оружия сбивал работу и бранил рабочих. Грузинские принцы были рады этим народным мятежам, хотя они не одобряли их открыто: поскольку они отреклись от христианской веры только на словах и, чтобы получить повышение (наместничество), они могли неохотно протянуть руку помощи установлению магометанства» [4, с. 132].

Шарден подробно описал строительство мечети: «Несколько лет назад они построили маленькую мечеть в крепости, пристроив ее к стене, отделяющей ее от большой площади Тифлиса. Они построили ее на этом месте, чтобы приучить людей к виду мечетей и священнослужителей, которые с вершины здания призывают к молитве. Грузины не могли помешать строительству мечети, так как им не разрешалось входить в крепость с оружием в руках, где всегда была хорошая стража: но как только священнослужитель (муэдзин) поднимался на вершину, чтобы призвать к молитве, люди собирались на площади и обстреливали вершину мечети такими залпами камней, что священнослужитель (муэдзин) был вынужден быстро спуститься: после этого мятежа персы больше никогда не позволяли ни одному из своих священнослужителей появляться на вершине мечети» [4, с. 132–133]. Похожее упоминание о поведении грузин в адрес муэдзина встречается у французского ботаника Жозефа Турнефора, посетившего Тбилиси в начале XVIII в. В очерке он сообщил о двух мечетях в Тбилиси, построенных в крепости, а также еще одной заброшенной [5, с. 160].

При Сафавидах в Восточной Грузии с 30-х годов XVII в. укоренился новый порядок престолонаследия – теперь было недостаточно принадлежать к царской династии Багратиони, обязательным условием для будущего вали Гурджистана стало совершение акта вероотступничества. При Рустам-хане (царь Картли с 1633 по 1658 г. и Кахети с 1648 по 1656 г.), по сведениям Платона Иоселиани (1810–1875), была построена перед дворцом еще одна мечеть с минаретом, которая уже в 1783 г. была снесена [6, с. 239]. Историк описал случай, произошедший за четыре года до сноса мечети, когда имеретинский царевич Арчил выстрелил из ружья в муэдзина, призывавшего на полуденную молитву [6, с. 264].

В период царствования Рустама христианство в Картли не запрещалось и не преследовалось. Обращение Рустам-хана в ислам, наряду с другими факторами, подтолкнуло представителей высшего слоя тбилисского общества добровольно последовать примеру царя и принять ислам [7, с. 373]. Он провел масштабные строительные работы: укрепил городские стены и цитадель, выстроил дополнительную стену от моста до крепости Кала, а Метехи преобра-

зовал в самостоятельную крепость с мостом и разместил там охрану из кызылбашей [2, с. 64]. К 1750 г. обособленное проживание тбилисских мусульман в нижней части крепости прекратилось, поскольку царь Картли Теймураз II (1744–1762) разрушил стену, разделяющую крепость и город [8, с. 173].

По мнению грузинского историка Теймураза Беридзе (1932–2015), во время османского владычества в Тбилиси (1578–1605) мечеть шаха Исмаила могла быть разрушена, а после взятия города шахом 'Аббасом (1587–1629) в 1606 г. иранцы построили новую, увенчанную красивым минаретом, получившую в народе название «шахской мечетью» [9, с. 670]. Возможно, именно о ее строительстве в травелоге упоминал Шарден, который вначале сделал ошибочный вывод об отсутствии в Тбилиси мечетей.

Сведения об этническом составе и религиозной принадлежности жителей Тбилиси можно найти у немецкого ученого и путешественника Иоганна Гюльденштедта (1745–1781). Он отмечал: «Более половины населения города составляют армяне, другая половина – в основном грузины, кроме того, есть татары», а в Тбилиси три мечети [10, с. 106–108]. Так, к концу XVIII в. в Тбилиси оставалось три мечети, причем Платон Иоселиани в своем труде писал о строительстве османами еще двух мечетей, одна из которых располагалась в крепости, а другая в городе. После прихода к власти Надир-шаха (1736–1747) и изгнания осман в 1735 г. обе мечети были разрушены [6, с. 239]. Шах позволил Теймуразу II, царю Кахети (1733–1736, 1737–1744), а затем Картли (1744–1762) венчаться на царство в соборе Светицховели 1 октября 1745 г. Впервые с 1632 г. на престол взошел царь-христианин, после чего в Тбилиси начались публичные крещения грузин-мусульман.

В путеводителе конца XIX в. «Тифлис и его окрестности» указаны только две мусульманские достопримечательности: большая шиитская и малая суннитская мечети [11, с. 41]. В 1897 г. в Тбилиси насчитывалось около 74 тысяч мусульман, преимущественно шиитов, что составляло почти половину от общего числа жителей города – 159 590 человек [12, с. 47]. В литературной и политической газете «Кавказ» за 13 января 1884 г., в разделе «Хроника», содержатся следующие сведения: «Один из влиятельных мусульман шиитского исповедания сообщает нам, что местные мусульмане-шииты крайне недовольны состоянием их мечети, которая находится в жалком положении. Ремонта

она давно не видала никакого, вследствие чего сырость в ней невообразимая, многих стекол в окнах недостает, стены в некоторых местах как мечети, так и прилегающих к ней зданий, дали трещины, а потому представляют для молящихся некоторую опасность. Деревянные части зданий в большинстве сгнили. Минарет, по ветхости своей, положительно отживает последние дни. Мечети принадлежит несколько лавок, отдаваемых в аренду; но арендатор мало заботился о поддержке и ремонте строений, а между тем получает очень хорошую выгоду, платя сам немногим больше 250 руб. сер. в месяц, а получая более 600 р.» [13, с. 1]. Так, ответственность за проведение ремонтных работ лежала на арендаторе, а «причиной неурядиц в делах» стала бесконтрольность со стороны губернского меджлиса (собрания) [13, с. 1]. Газета заверила читателей в проведении ревизии, порученной действительному статскому советнику Безобразову [13, с. 1].

Шиитская мечеть постепенно ветшала и нуждалась все больше в реставрации, а малочисленные прихожане редко посещали ее. В «Юбилейном сборнике к столетию присоединения Грузии к России» Сергей Уманец (1859–1917) отметил, что застал мечеть в полном опустошении и без пишнамаза (имама). Несмотря на выделение значительной суммы – 9 000 рублей годовых, вполне достаточной для поддержания сооружения в надлежащем виде, реставрационных работ выполнено не было [14, с. 282]. В своем повествовании Уманец остановился на убранстве шиитской мечети, которая «интересна оригинальными украшениями из рисованных изразцов, занимающих собой всю стену над мольбером (минбар), т.е. кафедрой, с высоты которой мулла произносит молитвы и проповеди» [14, с. 282]. Купол мечети был облицован майоликовой плиткой (щоренкеци), из-за этого ее часто называли «голубой мечетью». По сведениям историка-востоковеда Адольфа Берже (1828–1886), мечеть сохранила на своих стенах текст фирмана ‘Аббаса I, но сама надпись относилась к 1130/1717 г. [15, с. 51–52].

Полуразрушенная и ушедшая в землю мечеть не представляла большой ценности для советской власти, и в конце 1950 г. по приказу Кандида Чарквиани, с 1938 по 1952 г. бывшего первым секретарем ЦК Коммунистической партии Грузинской ССР, она была разрушена вместе с Метехским мостом. На их

месте построили новый широкий мост, открытый уже 1 мая. Другая неофициальная причина сноса мечети заключалась в смерти мусульман-шиитов во время праздника «Ашура». На сегодняшний день в Тбилиси осталась только суннитская мечеть, известная как пятничная мечеть «Джума».

Заключение

Строительство шиитской мечети в Тбилиси явилось результатом целенаправленной политики Сафавидов, сосредоточенной на утверждении своей власти и распространении шиитского ислама на Южном Кавказе. Несмотря на значительные усилия Сафавидов, местное население оказывало активное сопротивление и даже применяло силу, о чем свидетельствуют путевые заметки французского путешественника Жана Шардена. Мечеть шаха Исмаила медленно приходила в упадок и требовала реставрации уже в конце XIX в., однако ее разрушение, пришедшееся на советский период, привело к тому, что именно в это время она была полностью снесена. Так Тбилиси потерял одну из знаковых построек и символов сафавидского господства в Картли.

Литература

1. *Картлис Цховреба* [История Грузии]. Каухчишвили С.Г. (ред.). Т. II. Тбилиси: Сабчота Сакартвело; 1959. 707 с.
2. Багратиони В. *История царства Грузинского*. Накашидзе Н.Т. (ред.). Тбилиси: Мецниереба; 1976. 339 с.
3. Sarwar G. *History of the Shah Ismail Safawi*. Aligarh: Muslim University; 1939. 127 p.
4. Chardin J. *Voyages de Monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient*. T. I. Amsterdam: Jean-Louis de Lorme; 1711. 279 p.
5. Tournefort J.A. *Voyage into the Levant: Perform'd by Command of the Late French King*. Vol. III. Publ. by D. Midwinter, R. Ware, C. Rivington et al. Ed. in English. London, 1741. 364 p.
6. Иоселиани П.И. *Описание древностей города Тифлиса*. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказа; 1866. 314 с.
7. Куция К.К. Сепианта Иранис да Агмосавлет Сакартвелос уртиеробис религиური аспекти [Религиозный аспект отношений между Сафавидским Ира-

ном и Восточной Грузией]. *Dedicatio: Историко-филологические изыскания*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета; 2001. С. 350–378.

8. Орбелиани П. *Амбавни Картлисани* [Вести о Картли]. Цагарейшвили Е.В. (текст установила, снабдила вступл., сл. и указ.). Тбилиси: Мецниереба; 1981. 284 с.

9. Беридзе Т. Мечети шиитебиса [Шиитская мечеть]. *Энциклопедия Тбилиси*. Сакварелидзе А.П. (ред.). Тбилиси: Картули энциклопедиис Иракли Абашидзис сахелобис мтавари сამეცნიერო რედაქცია [Главная научная редакция Грузинской энциклопедии имени И. Абашидзе]; 2002. С. 670.

10. Гюльденштедт И.А. *Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.* Шафрановская Т.К. (пер.). Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 2002. 512 с.

11. *Тифлис и его окрестности*. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальника Гражданской частью на Кавказе; 1890. 112 с.

12. Asatrian G., Margarian H. The Muslim Community of Tiflis (8th–19th Centuries). *Iran and the Caucasus*. 2004;8(1):29–52. DOI: 10.1163/1573384042002966

13. *Кавказ. Газета политическая и литературная*. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе; 13 января 1884. 4 с.

14. Уманец С.И. На берегах Куры (К столетию присоединения Грузии к России). *Исторический вестник. Историко-литературный журнал*. 1901;LXXXIII:247–303.

15. Берже А.П. *Кавказ в археологическом отношении*. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказа; 1874. 91 с.

References

1. *Kartlis Tskhovreba* [The chronicles of Georgia]. Kaukhchishvili S.G. (ed.) Vol. II. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo Publ.; 1959. 707 p. (In Georgian)

2. Bagrationi V. *Istoriya tsarstva Gruzinskogo* [Description of the Kingdom of Georgia]. Nakashidze N.T. (ed.). Tbilisi: Metsniereba Publ.; 1976. 339 p. (In Russian)

3. Sarwar G. *History of the Shah Ismail Safawi*. Aligarh: Muslim University; 1939. 127 p.
4. Chardin J. *Voyages de Monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient*. T. I. Amsterdam: Jean-Louis de Lorme; 1711. 279 p. (In French)
5. Tournefort J.A. *Voyage into the Levant: Perform'd by Command of the Late French King*. Vol. III. Publ. by D. Midwinter, R. Ware, C. Rivington et al. Ed. in English. London, 1741. 364 p.
6. Ioseliani P.I. *Opisanie drevnostey goroda Tiflisa* [Description of the antiquities of the city of Tiflis]. Tiflis: The Publishing House of the General Administration of the Governor of the Caucasus; 1866. 314 p. (In Russian)
7. Kutsia K.K. Sepianta Iranisa da aghmosavlet sakartvelos urtiertobis religiuri aspekti [The Religious Aspect in Relations between the Safavids of Iran and Eastern Georgia]. *Dedicatio: Istoriko-filologicheskie izyskaniya* [Dedicatio: Historical-philological researches]. Tbilisi: Tbilisi State University Publishing House; 2001, pp. 350–378. (In Georgian)
8. Orbeliani P. *Ambavni Kartlisani* [Histories of Kartli]. Tsagareishvili E.V. (text, notes, dictionary and indexes). Tbilisi: Metsniereba Publ.; 1981. 284 p. (In Georgian)
9. Beridze T. Mecheti Shiitebisa [Mosque of Shiites]. *Entsiklopediya Tbilisi* [The Encyclopedia Tbilisi]. Saqvarelidze A.P. (ed.). Tbilisi: The main scientific editorial staff of the I. Abashidze Encyclopedia of Georgia; 2002, P. 670. (In Georgian)
10. Güldenstädt J.A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg.* [Travel in the Caucasus in 1770–1773]. Shafranovskaja T.K. (tr.). Saint Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ.; 2002. 512 p. (In Russian)
11. *Tiflis i ego okrestnosti* [Tiflis and its environs]. Tiflis: Typographic Office of the Chancery of the Chief Administrator of Civil Affairs in the Caucasus; 1890. 112 p. (In Russian)
12. Asatrian G., Margarian H. The Muslim Community of Tiflis (8th–19th Centuries). *Iran and the Caucasus*. 2004;8(1):29–52. DOI: 10.1163/1573384042002966

13. *Kavkaz. Gazeta politicheskaya i literaturnaya* [Caucasus. Political and literary newspaper]. Tiflis: Typography of the Office of the Chief Civil Servant in the Caucasus; 13 January 1884. 4 p. (In Russian)

14. Umanets S.I. Na beregakh Kury (K stoletiyu prisoedineniya Gruzii k Rossii) [On the banks of the Kura (On the centenary of Georgia's accession to Russia); Mosques in Tiflis]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal* [Historical herald: historical and literary magazine]. 1901;LXXXIII:282–295. (In Russian)

15. Berzhe A.P. *Kavkaz v arkheologicheskoy otnoshenii* [The Caucasus in Archaeological Respect]. Tiflis: Typography of the Chief Administration of the Viceroy of the Caucasus; 1874. 91 p. (In Russian)

Информация об авторе

Хабелова Мэгги Лериевна, аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Meggi L. Khabelova, Postgraduate student of the Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 февраля 2025
Одобрена рецензентами: 05 мая 2025
Принята к публикации: 05 июня 2025

Article info

Received: February 13, 2025
Reviewed: May 05, 2025
Accepted: June 05, 2025

A.M. Salakhov

«Mishkat al-Masabih» (The Light niche) – a source of reliable Sunnah...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):274–286

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-274-286

УДК 2.472

Original Paper

Оригинальная статья

«Мишкят аль-масаби́х» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны в системе народного образования татар XIX в.: содержание и генезис

А.М. Салахов^{1, 2а}

¹Российский исламский институт, г. Казань, Российская Федерация

²Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6873-7955>, e-mail: abdullasalakhov@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена описанию свода хадисов одного из известных в истории ислама ученых-энциклопедистов аль-Хусайна аль-Багави «Масаби́х ас-сунна», легшего в основу получившего распространение во всем мусульманском мире и использовавшегося в системе народного образования татар в XIX в., в частности, сборника хадисов «Мишкят аль-масаби́х». В работе приводится оглавление «Масаби́х ас-сунна» и подробное содержание некоторых его книг для более развернутого представления о сборнике; описаны дополнения автора «Мишкят аль-масаби́х» ат-Табризи к труду аль-Багави; даны некоторые биографические сведения об аль-Багави, а также представлен фрагмент из его сочинения «Шарх ас-сунна» в качестве иллюстрации учености автора. «Мишкят аль-масаби́х» служил источником достоверной Сунны в татарских конфессиональных школах и знакомил учащихся со значительным объемом хадисов.

Ключевые слова: аль-Хусайн аль-Багави; сборник хадисов «Масаби́х ас-сунна»; основа; аль-Хатыб ат-Табризи; сборник хадисов «Мишкят аль-масаби́х»; дополнения; система народного образования татар

Для цитирования: Салахов А.М. «Мишкят аль-масаби́х» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны в системе народного образования татар XIX в.: содержание и генезис. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):274–286. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-274-286

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

А.М. Салахов

«Мишкят аль-масабих» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):274–286

“Mishkat al-Masabih” (The Light niche) – a source of reliable Sunnah in the public education system of the Tatars of the 19th century: content and genesis

A.M. Salakhov^{1, 2a}

¹*Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation*

²*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation*

^a*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6873-7955>, e-mail: abdullasalakhov@yandex.ru*

Abstract: The article is devoted to the description of the set of hadiths “Masabih al-Sunnah” by one of the most famous encyclopedist scholars in the history of Islam, Husayn al-Baghawi. This work formed the basis of the collection of hadiths “Mishkat al-Masabih”, which became widespread throughout the Muslim world and was used in the Tatar public education system in the 19th century. The work provides a table of contents of “Masabih al-Sunnah” and, moreover, the detailed contents of some of its chapters for a more complete picture of the collection. It also describes the additions of the author of “Mishkat al-Masabih” al-Tabrizi to the work by al-Baghawi. The paper reveals some biographical information about al-Baghawi and presents a fragment from his work “Sharh al-Sunnah” as an illustration of the author’s scholarship. “Mishkat al-Masabih” was a source of reliable Sunnah in Tatar religious schools and introduced students to a significant volume of hadiths.

Keywords: Husayn al-Baghawi; collection of hadiths “Masabih al-Sunnah”; basis; scientist al-Khatib al-Tabrizi; collection of hadiths “Mishkat al-Masabih”; additions; Tatar public education system

For citation: Salakhov A.M. “Mishkat al-Masabih” (Light niche) – a source of reliable Sunnah in the public education system of the Tatars of the 19th century: content and genesis. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):274–286*. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-274-286

Введение

Изучение Сунны, второго источника исламского законодательства после Священного Корана, занимает важное место в комплексе мусульманских дисциплин. Письменная фиксация большей части достоверных, переданных со слов сподвижников высказываний пророка Мухаммада (ﷺ), и описание его поступков были осуществлены в III веке по хиджре. В этот период были составлены так называемые «шесть книг» – своды хадисов, получившие

статус канонических: «Сахих» аль-Бухари (ум. 870), «Сахих» Муслима (ум. 875), «Сунан» Абу-Дауда (817–889), «Сунан» ат-Тирмизи (824–892), «Сунан» Ибн-Маджи (824–886), «Сунан» ан-Наса'и (ум. 915). Впоследствии на их основе составлялись различные собрания хадисов как тематического, так и универсального характеров («Булюг аль-марам» Ибн-Хаджара (1372–1449), «Найль аль-аутар» аш-Шаукяни (1759–1834), «Рийад ас-салихин» ан-Навави (1233–1277), «ат-Таргыб ва-т-тархиб» аль-Мунзири (1185–1258) и др.). Среди подобного рода работ особую популярность снискал сборник аль-Хатыба ат-Табризи (был жив в 1336 г.) «Мишкят аль-масабих» (Светильная ниша), представляющий собой расширенную версию сочинения аль-Багави «Масабих ас-сунна» (Светильники Сунны). О широком распространении «Мишкят аль-масабих» в системе народного образования татар свидетельствует его неоднократное упоминание в «Асаре» Р. Фахрутдина [1, с. 41, 247; 2, с. 394, 456], его присутствие в программе дисциплин, преподававшихся в Высшем медресе аль-Марджани [3, с. 163], наличие у Г. Баруди выданных различными его шейхами иджаз¹ передавать – среди прочих книг – «Мишкят аль-масабих» [4, с. 700, 842, 901, 902, 918, 1230].

Как указывает Р.Р. Сафиуллина, «Мишкят аль-масабих» издавался в 1898, 1908, 1909 гг. в Казани и в 1893, 1898, 1899 гг. в Санкт-Петербурге [5, с. 61]. Отметим также, что в ходе работы в Архиве ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова нами был описан один рукописный вариант «Масабих ас-сунна»² и два списка «Мишкят аль-масабих»³. К сожалению, все рукописи неполные.

Сведения об авторе «Масабих ас-сунна»

Абу-Мухаммад аль-Хусайн ибн Мас'уд аль-Багави родился в 1041 г. в местечке Баг, расположенном между Мервом и Гератом в Хорасане [6, с. 29–30]. В возрасте семнадцати лет он переехал в город Мерверруд, где продолжил образование и прожил вплоть до своей кончины в 1122 г. За значительный вклад в дело собрания и комментирования хадисов получил прозвище Мухйи-с-Сунна (Оживитель Сунны) [6, с. 34]. По свидетельству

¹ Иджаза – письменное разрешение, дававшееся шейхом своему ученику, передавать от него хадисы или изученные под его руководством сочинения.

² Архив ЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. № 39. Ед. хр. № 176.

³ АЦПН ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. № 39. Ед. хр. № 226, 229.

современников, аль-Багави вел аскетичный образ жизни, был непритворлив в пище (сообщается, что его рацион состоял из одних лепешек, к которым позже он стал добавлять растительное масло), носил скромную одежду, давая уроки, непременно соблюдал ритуальную чистоту [6, с. 31]. Сфера учености аль-Багави не ограничивалась лишь областью хадисов: он также являлся *муфассиром*⁴ и *факихом*⁵. Составленный им тафсир «Ма‘алим ат-танзил ва асрар ат-та’виль» (Знаки ниспослания и тайны истолкования) считается одним из наиболее авторитетных тафсиров, входящих в корпус *ат-тафсир би-ль-ма‘сур* (тафсир на основе преданий), а его труд «ат-Тахзиб фи-ль-фуру‘» является одной из опорных книг шафи‘итского мазхаба. Всего известно о 15 сочинениях, составленных аль-Багави, часть из которых, к сожалению, до наших дней не сохранилась [6, с. 43].

«Масабиḥ ас-сунна»⁶

Сочинение аль-Багави «Масабиḥ ас-сунна» представляет собой собрание достоверных (сахих) и хороших (хасан) хадисов, отобранных главным образом из шести вышеупомянутых сборников. В целях сокращения объема книги автор опустил *иснады*⁷, за исключением имен сподвижников.

Сочинение аль-Багави состоит из книг (китаб/кутуб), которые делятся на главы (баб/абваб). В начале глав приводятся достоверные хадисы, затем хорошие. Названия книг следующие: «Книга веры», «Книга знания», «Книга очищения», «Книга молитвы», «Книга похорон», «Книга закята», «Книга поста», «Книга достоинств Корана», «Книга молитвословий», «Книга обрядов [хаджа]», «Книга продаж», «Книга бракосочетания», «Книга освобождения рабов», «Книга возмездия», «Книга наказаний (хадд/хууд)», «Книга управления и судейства», «Книга джихада», «Книга охоты и зарезанных животных», «Книга еды», «Книга одежды», «Книга врачевания и *рука*⁸», «Книга сновидений», «Книга этикета», «Книга смягчения [сердец]», «Книга

⁴ Муфассир – знаток толкования Корана.

⁵ Факих – мусульманский правовед.

⁶ Согласно версии составителя примечаний к «Кашф аз-зунун» Ш. ан-Наджафи, данное название не является авторским: оно закрепилось за сочинением исходя из слов аль-Багави во введении «...Далее. Хадисы, [содержащиеся] в данной книге [являются] светильниками во мраке...» [7, с. 1698].

⁷ Иснад – цепочка передатчиков.

⁸ Рука (мн. от *rukūʿa*) – молитвословие, произносимое с целью исцеления.

смут», «Книга событий Судного дня и начала творения», «Книга благородных качеств», «Книга достоинств (манакиб)». Как можно судить из перечня книг, труд аль-Багави вобрал в себя хадисы, касающиеся как индивидуальной практики мусульманина, так и норм, регулирующих жизнь мусульманского общества в целом, начиная с вопросов вероучения и заканчивая системой наказаний.

Для более полного представления о труде аль-Багави в качестве примера несколько подробно рассмотрим содержание книг о молитве, продажах и бракосочетании.

В книге о молитве приводятся хадисы, касающиеся достоинств совершения молитвы, времен исполнения обязательных молитв, призыва на молитву (азана), совершаемых в молитве действий и произносимых в ней молитвословий, того, что делает молитву недействительной, периодов, в которые совершать молитву не дозволяется, условий, необходимых для того, чтобы предстоять в молитве (имама), дополнительных молитв, порядка совершения пятничной и праздничных молитв, молитвы при угрозе опасности, лунном затмении и испрашивании дождя и др.

В книгу о торговле вошли хадисы, в которых говорится о ценности и важности ведения праведного заработка, правилах осуществления купли-продажи, преимущественном праве покупки (аш-шув'а), возможности авансового платежа (ас-салам) и предоставления залога (ар-рахн), недозволенных сделок и формах ростовщичества, принципах организации партнерства (аш-шарика) и издольщины (аль-музара'а), правилах аренды (аль-иджара), дарении имущества (аль-хиба) и предоставлении его в безвозмездное временное пользование (аль-'арийа), о том, как надлежит поступать с находкой (аль-люката), действиях, предпринимаемых в отношении имущества банкрота (аль-ифляс) и др.

В книге о бракосочетании содержатся хадисы, в которых говорится об условиях действительности бракосочетания (необходимость согласия женщины и наличия у нее опекуна), о категориях лиц, вступать в брак с которыми не дозволяется, величине *махра*⁹, запретных видах брака (аш-

⁹ Махр – подарок, вручаемый женихом невесте во время бракосочетания.

шигар, аль-мут‘а), необходимости поддерживать между супругами добрые отношения, порядке осуществления развода и др.

В отношении достоверности аль-Багави делит хадисы на две категории: собственно достоверные (сыхах) и хорошие (хисан). Под *достоверными* автор подразумевает хадисы, которые приводятся у аль-Бухари и Муслима; под *хорошими* – хадисы, которые приводятся у других имамов [6, с. 110]. Терминология аль-Багави специфическая, поскольку ученые в своем большинстве значительную часть содержащихся в упомянутых шести сводах хадисов классифицируют как достоверные. Вместе с этим наиболее жесткие требования для принятия хадисов были у аль-Бухари и Муслима. В целях более подробного раскрытия содержания главы аль-Багави местами приводит в том числе и хадисы слабые, указывая при этом на соответствующие недостатки [6, с. 8].

Помимо хадисов, приводимых в сводах двух вышеназванных авторов, в «Масабих ас-сунна» вошли хадисы, содержащиеся в сборниках имамов Абу-Дауда, ат-Тирмизи, ан-Наса’и, Ибн-Маджи, Малика, аш-Шафи’и, ад-Дарими, ад-Даркутни, аль-Байхаки, Разина ибн Му‘авийи аль-‘Абдари и в небольшом количестве других авторов [7, с. 11–13]. Общее число хадисов «аль-Масабих ас-сунна» насчитывает 4 719; из них 325 приводятся только у аль-Бухари, 875 – только у Муслима, 1 051 – у обоих [8, с. 1698].

К «Масабих ас-сунна» были составлены различные компендиумы и многочисленные комментарии [6, с. 63]. Труд аль-Багави с дополнениями в виде указаний на источники содержащихся в нем хадисов был издан в 1987 г. в бейрутском издательстве «Дар аль-ма‘рифа».

Позже на основе «Масабих ас-сунна» аль-Багави составил обширный труд энциклопедического характера по хадисам и фикху. В него наряду с имеющимися вошли новые хадисы с упоминанием их иснадов и указанием источников; были приведены краткие биографические сведения о сподвижниках, передавших хадисы, даны пояснения к отдельным словам и словосочетаниям, комментарии, в том числе с упоминанием различных мнений относительно содержащихся в них правовых вопросов. В некоторых случаях в начале глав размещены соответствующие аяты Корана. Исходя из

содержания статьи, представляется уместным привести фрагмент из данного сочинения в качестве иллюстрации учености автора в области хадисов. Примечательно то, что аль-Багави передает хадисы со своими собственными иснадами, восходящими к Пророку (ﷺ).

Книга веры¹⁰

Пречистый и Всевышний Аллах сказал: «...для богобоязненных на правую стезю указание, для тех, что уверовали в Невидимого, совершают молитву и расходуют из дарованного Нами достояния...» (2: 2–3)¹¹.

Всемогущий и Великий Аллах сказал: «Поистине, вера Аллаха – ислам» (3: 19); «...и одобрил для вас веру ислам...» (5: 3); «А кто пожелает другую веру кроме ислама, то не будет это принято от него...» (3: 85).

Сообщил нам Абу-Тахир Мухаммад ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн ‘Али-Бувейх ар-Заррад аль-Бухари: сообщил нам Абу-ль-Касим ‘Али ибн Ахмад аль-Хуза‘и: сообщил нам Абу-Са‘ид аль-Хайсам ибн Кулайб ибн Сурайдж ибн Ма‘кыль аш-Шаши: сообщил нам Абу-Ахмад ‘Иса ибн Ахмад аль-‘Аскаляни: сообщил нам Йазид ибн Харун: сообщил нам Кахмас ибн аль-Хасан от ‘Абд-Аллаха ибн Бурайды, от Йахйи ибн Йа‘мура, [который] сказал: «Первым, кто стал говорить о предопределении (аль-кадар), то есть в Басре, был Ма‘бад аль-Джухани. [Как-то] я и Хумайд ибн ‘Абд-ар-Рахман направились в Мекку. Мы сказали: «Если бы мы встретили кого-либо из сподвижников Посланника Аллаха (ﷺ) и спросили [его] по поводу того, что он¹² говорит. [В Мекке] мы встретили ‘Абд-Аллаха ибн ‘Умара. <...> Я сказал: «О Абу-‘Абд-ар-Рахман, среди нас появились люди, которые следуют за этим знанием, ищут его и утверждают, что нет предопределения и что дела новы!» <...> Затем он сказал: «Рассказал нам ‘Умар ибн аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах), [который] сказал: «Однажды, когда мы сидели возле Посланника Аллаха (ﷺ), к нам подошел человек в ослепительно белых одеждах с иссиня-черными волосами. На нем не было следов путешествия, и никто его из нас не знал. Он приблизился и сел возле Посланника Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) так, что их колени соприкоснулись. Он сказал: «О Мухаммад, сообщи мне об

¹⁰ Здесь и далее, если нет других указаний, перевод с арабского языка автора статьи.

¹¹ Здесь и далее использован перевод смыслов Корана Б.Я. Шидфар [9].

¹² То есть Ма‘бад аль-Джухани.

исламе». Посланник Аллаха (ﷺ) ответил: «Свидетельствовать, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад – посланник Аллаха, выстаивать молитву, выплачивать закят, поститься в рамадан, совершать паломничество к Дому, если сможешь преодолеть к нему путь» <...> Затем он спросил: «А что такое благочестие (аль-ихсан)?». Пророк ответил: «Поступать ради Аллаха словно ты видишь Его. А если ты и не видишь Его, то Он видит тебя» <...>.

Он сказал: «Сообщи мне о Часе». Пророк ответил: «Спрашиваемый о нем не знает больше спрашивающего». Он сказал: «Ты прав». [Затем] он сказал: «Сообщи мне о его признаке». Пророк ответил: «Когда рабыня родит свою госпожу, и когда ты увидишь, что босые, нагие пастухи соперничают друг с другом в постройке высотных зданий из кирпича» <...>.

Это достоверный хадис; он приводится у Муслима от ‘Убайд-Аллаха ибн Му‘аза аль-‘Анбари от его отца, от Кахмаса. Они оба¹³ приводят его с передачи Абу-Хурайры.

‘Умар ибн аль-Хаттаб ибн Нуфайль, Абу-Хафс аль-Кураши, аль-‘Адави. Был убит в 23 году, в месяце зу-ль-хиджжа, в возрасте 63 лет. Сказал Ибн-Шихаб: он был у власти десять лет, и в каждый из этих годов совершал хадж.

Его слова: «следуют (йатакаффаруна) за этим знанием», то есть идут по его следу и ищут его. *Ат-Такаффу* – [значит] *идти по следу чего-либо*.

Его слова: «дела новы». Имеется в виду совершаются новыми без того, чтобы им предшествовали предопределение и воля [Аллаха] <...>.

Его слова: «сообщи мне о его признаке (амаратиха)», то есть о его предзнаменовании (‘аляматиха) <...>.

Сказал шейх, имам (да пребудет над ним милость Аллаха)¹⁴: в этом хадисе Пророк (ﷺ) сделал ислам названием для явных дел и сделал веру названием для того, что скрыто из убеждения. <...>.

Его слова: «а что [значит] добродетель». Под *добродетелью* здесь подразумевается *искренность*, что является условием действительности как веры, так и ислама.

Его слова: «когда рабыня родит свою госпожу». Смыслом является: то, что ислам получит распространение, и будет множество пленных; люди

¹³ То есть аль-Бухари и Муслим.

¹⁴ Имеется в виду аль-Багави.

обзаведутся наложницами, от которых родятся дети. Тогда сын человека от его рабыни окажется в отношении своей матери в положении господина, поскольку та является собственностью его отца, а имущество отца переходит к ребенку.

Его слова: «и когда ты увидишь, что босые, нагие пастухи соперничают друг с другом в постройке высотных зданий...» Абу-Суляйман аль-Хаттаби сказал: «Имеются в виду арабы, которые занимаются взращиванием верблюдов и пасут их. То есть ислам распространится, и они войдут в [новые] страны, станут жить в них и соперничать друг с другом в постройке высотных зданий после того, как занимались пастушеством и не вели оседлый образ жизни» <....> [10, с. 57–60].

Автор «аль-Мишкят аль-масабих» и его дополнения к «Масабих ас-сунна»

К сожалению, сведений об авторе «аль-Мишкята» в нашем распоряжении не имеется, за исключением свидетельства его шейха ат-Тыби (ум. 1342), благодаря совету и содействию которого был составлен «Мишкят аль-масабих», о том, что его брат в религии являлся человеком благочестивым и набожным [11, с. 368]; ‘Али аль-Кари (ум. 1014) называет ат-Табризи выдающимся ученым [7, с. 5].

Что касается названия книги – «Светильная ниша», то, по мнению имама ат-Тыби, автора первого комментария к ней, образное сравнение состоит в том, что указание на источники хадисов, приводимых в «Масабих ас-сунна», удерживает их от рассеивания подобно тому, как удерживает от рассеивания свет, исходящий от лампы, ниша, в которой та находится [11, с. 416]. Либо, как указывает шейх ад-Дахляви (1551–1642), «аль-Мишкят аль-масабих» ат-Табризи охватывает хадисы, приведенные аль-Багави в «Масабих ас-сунна», подобно тому, как ниша в стене охватывает размещенные в ней светильники [12, с. 163–164].

Рубрикация «Мишкат аль-масабих» та же, что и в «Масабих ас-сунна». Сборник делится на книги (китаб), те на главы (баб), которые, в свою очередь, состоят из трех разделов (фасль). Первый раздел образуют хадисы, приводимые у аль-Багави в блоке достоверных, второй – в блоке хороших,

третий раздел включает хадисы, добавленные к «аль-Масабиху» с учетом содержания главы. Также при хадисах указаны источники, в которых они приводятся. Число добавленных хадисов составляет 1 511 [8, с. 1699].

Как следствие большой научно-практической ценности к «Мишкят аль-масабих» были составлены многочисленные комментарии, из которых наиболее известными можно назвать следующие: «аль-Кяшиф фи хака'ик ас-сунан» (Обнаружитель истинных смыслов Сунны), автор – аль-Хусайн ибн Мухаммад ат-Тыби (ум. 1342); «Минхадж аль-мишкят» (Путь «Нишы»), автор – 'Абд-аль-'Азиз ибн Мухаммад аль-Абхари (ум. 1439); «Фатх аль-илиях фи шарх аль-мишкят» (Открытие Бога относительно комментария к «Нише»), автор – Ибн-Хаджар аль-Хайсами (1503–1566); «Миркат аль-мафатих шарх мишкят аль-масабих» (Лестница ключей относительно комментария к «Светильной нише»), автор – 'Али ибн Султан-Мухаммад аль-Кари [7, с. 7].

Заключение

Классическая рубрикация аль-Багави с тщательным подбором хадисов наряду с дополнениями ат-Табризи делают «Мишкят аль-масабих» важным источником достоверной Сунны, дающим подробное представление о высказываниях и практике Пророка (ﷺ). Использование данного сочинения в татарских конфессиональных школах знакомило учащихся со значительным объемом хадисов – в том числе касающихся культовой практики и гражданских отношений, а также с их передатчиками в лице сподвижников и источниками, в которых они приводятся, и отчасти избавляло от необходимости изучения других подобного рода работ.

Литература

1. Фәхретдин Р. *Асар*. Т. 3. Казан: Рухият; 2010. 389 б.
2. Фәхретдин Р. *Асар*. Т. 4. Казан: Рухият; 2010. Б. 390–522.
3. Ибрахим ибн Рашид аль-Мурайхы. *И'адат аль-кийан иля ба'д асанид 'уляма' Татаристан*. Т. 1. Тунис: Дар аль-Маликиййа; 2024. 639 с.
4. Ибрахим ибн Рашид аль-Мурайхы. *И'адат аль-кийан иля ба'д асанид 'уляма' Татаристан*. Т. 2. Тунис: Дар аль-Маликиййа; 2024. С. 640–1280.

5. Сафиуллина-Аль Анси Р.Р. *Книги на арабском языке мусульман Волго-Уральского региона: учебное пособие*. Казань: Издательство Казанского ун-та; 2018. 162 с.

6. Аль-Хусайн ибн Мас'уд аль-Багави. *Масабих ас-сунна*. Йусуф 'Абд-ар-Рахман аль-Мар'ашли, Мухаммад-Салим Ибрахим Саммара, Джамаль Хамди аз-Захаби (ред.). Т. 1. Бейрут: Дар аль-Ма'рифат; 1987. 576 с.

7. Мухаммад ибн 'Абд-Аллах ат-Табризи. *Мишкят аль-масабих*. 'Абд-аль-Хамид Хандави (ред.). Т. 1. Бейрут: аль-Мактаба аль-'Асриййа; 2008. 497 с.

8. Хаджжи Халифа. *Кашф аз-зунун*. Т. 2. Дамаск: Дар аль-Фикр; б.г. С. 943–2056.

9. *Коран* = *The Holy Qur'an*. Шидфар Б.Я. (пер. с араб. и коммент.). М.: Издательский дом Марджани; 2012. 608 с.

10. Аль-Хусайн ибн Мас'уд аль-Багави. *Шарх ас-сунна*. Т. 1. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-'ильмиййа; 2003. 440 с.

11. Аль-Хусайн ибн 'Абд-Аллах ат-Тыби. *Аль-Кяшиф 'ан хака'ик ас-сунан*. Т. 1. Эр-Рийад: Мактабат Назар Мустафа аль-Баз; 1997. С. 367–722.

12. 'Абд-аль-Хакк ибн Йусуф ад-Дахляви. *Ляма'ат ат-танких фи шарх мишкят аль-масабих*. Т. 1. Дамаск: Дар ан-Навадир; 2014. 618 с.

References

1. Fakhretdin R. *Asar* [Tracks]. Vol. 3. Kazan: Ruhayat Press; 2010. 389 p. (In Tatar)

2. Fakhretdin R. *Asar* [Tracks]. Vol. 4. Kazan: Ruhayat Press; 2010, pp. 390–522. (In Tatar)

3. Ibrahim ibn Rashid al-Muraykhi. *I'adat al-kiyan ila ba'dh asanid 'ulama' Tataristan* [Restore some isnads of Tatarstan Muslim scholars]. Vol. 1. Tunis: Dar al-Malikiyyah; 2024. 639 p. (In Arabic)

4. Ibrahim ibn Rashid al-Muraykhi. *I'adat al-kiyan ila ba'dh asanid 'ulama' Tataristan* [Restore some isnads of Tatarstan Muslim scholars]. Vol. 2. Tunis: Dar al-Malikiyyah; 2024, pp. 640–1280. (In Arabic)

А.М. Салахов

«Мишкят аль-масабих» (Светильная ниша) как источник достоверной Сунны...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):274–286

5. Safiullina-Al Ansi. *Knigi na arabskom yazyke musul'man Volgo-Ural'skogo regiona: uchebnoe posobie* [Books in Arabic of Muslims of the Volga-Ural region: a teaching aid]. Kazan: Kazan University Press; 2018. 162 p.
6. Al-Husayn ibn Mas'ud al-Baghawi. *Masabih al-Sunna* [Sunnah lamps]. Yusuf 'Abd al-Rahman al-Mar'ashli, Muhammad-Salim Ibrahim Sammarah, Jamal Hamdi al-Zahabi (ed.) Vol. 1. Beirut: Dar al-Ma'rifah; 1987. 576 p. (In Arabic)
7. Muhammad ibn 'Abd-Allah al-Tabrizi. *Mishkat al-Masabih* [Lighting niche]. 'Abd al-Hamid Handawi (ed.) Vol. 1. Beirut: al-Maktabah al-'Asriyyah; 2008. 497 p. (In Arabic)
8. Hajji Khalifah. *Kashf al-zhunun* [Removing the assumptions]. Vol. 2. Damascus: Dar al-Fikr, pp. 943–2056. (In Arabic)
9. *The Holy Quran*. Shidfar B.Y. (Tr. from Arabic and comm.). Moscow: Marjani Publishing House; 2012. 608 p. (In Russian)
10. Al-Husayn ibn Mas'ud al-Baghawi. *Sharh al-Sunnah* [Clarification of the Sunnah]. Vol. 1. Beirut: Dar al-Kutub al-'ilmiyyah; 2003. 440 p. (In Arabic)
11. Al-Husayn ibn 'Abd-Allah al-Tibi. *Al-Kashif 'an haqa'iq al-sunan* [Revealing the meanings of the Sunnah]. Vol. 1. Al-Riyadh: Maktabat Nazar Mustafa al-Baz; 1997, pp. 367–722. (In Arabic)
12. 'Abd al-Haqq ibn Yusuf al-Dahlawi. *Lama'at al-tanqih fi sharh Mishkat al-Masabih* [Shining clarifications regarding the comment to Mishkat al-Masabih]. Vol. 1. Damascus: Dar al-Nawadir; 2014. 618 p. (In Arabic)

Информация об авторе

Салахов Абдулла Мунирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан; библиотекарь Российского исламского института, г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Abdulla M. Salakhov, Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences; Librarian in Russian Islamic Institute, Kazan, the Russian Federation.

A.M. Salakhov

«Mishkat al-Masabih» (The Light niche) – a source of reliable Sunnah...

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):274–286

Раскрытие информации о конflikте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфлик-
та интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict
of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 09 января 2025

Одобрена рецензентами: 09 мая 2025

Принята к публикации: 09 июня 2025

Article info

Received: January 09, 2025

Reviewed: May 09, 2025

Accepted: June 09, 2025

Э.К. Салахова

Джамаль Валиди о нации и роли ислама в формировании татарской идентичности
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):287–302

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-287-302

УДК 930.2

Original Paper

Оригинальная статья

Джамаль Валиди о нации и роли ислама в формировании татарской идентичности

Э.К. Салахова^{1а}

¹Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6513-2915>, e-mail: ilsalah@mail.ru

Резюме: Статья посвящена анализу взглядов и рассуждений татарского ученого Джамаль Валиди относительно проблем национальной идентичности. В научной литературе Дж. Валиди больше известен как литературовед и лингвист. Однако в его научном наследии есть и социально-философские исследования, посвященные сложным вопросам «нациостроительства», национальной идентичности. Эти практически «забытые» статьи и отдельный труд «Милләт вә миллият» (Нация и национальное) являются лучшими исследованиями по данной проблематике, созданными учеными того времени. Его труды, несомненно, убеждают, что Дж. Валиди был самообытным теоретиком-мыслителем.

В настоящее время обращение к забытому наследию прошлого и изучение проблемы национальной идентичности приобретает свою актуальность, так как эта тема, не переставая интересовать общественность, требует нового, современного, взгляда и анализа. Предмет нашего исследования – история татарской национальной идентичности, объектом изучения являются труды Дж. Валиди по данной проблематике. Цель – показать вклад Дж. Валиди в изучение проблем национальной идентичности в татарской историографии.

В статье описывается история становления и развития проблем самоидентификации и изучения вопросов идентичности. Научная деятельность Дж. Валиди, его взгляды и рассуждения раскрываются в контексте аналогичных исследований других ученых и мыслителей начала XX века.

Автор акцентирует внимание и на такие важные вопросы, как наименование этнонима, значение понятий «нация» и «национальное», основополагающие факторы нации в видении ученого Дж. Валиди.

Ключевые слова: идентичность; Дж. Валиди; ислам; нация; история татарского народа; татарские мыслители

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

E.K. Salakhova

Jamal Walidi on the nation and the role of Islam in shaping Tatar identity

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):287–302

Для цитирования: Салахова Э.К. Джамаль Валиди о нации и роли ислама в формировании татарской идентичности. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):287–302. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-287-302

Jamal Walidi on the nation and the role of Islam in shaping Tatar identity

E.K. Salakhova^{1a}

¹*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6513-2915>, e-mail: ilsalah@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the views and arguments of the Tatar scientist Jamal Walidi (Validi) on the problems of national identity. In the scientific literature, J. Walidi is better known as a literary critic and linguist. However, the scientific legacy of the researcher included socio-philosophical studies on complex issues of “nation-building” and national identity. These almost “forgotten” articles and a separate work “Millat wa millyat” (Nation and national) are considered to be the best studies on this issue among the scientists of their time. His writings undoubtedly demonstrate that J. Walidi was a theorist and an original thinker.

Currently, the appeal to the forgotten legacy of the past and the study of the problem of national identity is becoming relevant, since this topic remains relevant to the public, and, moreover, it requires a new modern view and analysis. The subject of our research is the history of Tatar national identity, the object of study is the works of J. Walidi on this issue. The goal is to show the contribution by J. Walidi into the study of the problems of national identity in Tatar historiography.

The article describes the history of the formation and development of the problems of self-identification and the study of identity issues. Scientific activity of J. Walidi, his views and arguments are revealed in the context of similar studies by other scientists and thinkers of the early 20th century.

The author also emphasizes such important issues as the naming of the ethnonym, the meaning of the concepts “nation” and “national”, and the fundamental factors of the nation in the vision of the scientist J. Walidi.

Keywords: identity; J. Walidi; Islam; nation; the history of the Tatar people; Tatar thinkers

For citation: Salakhova E.K. Jamal Walidi on the nation and the role of Islam in shaping Tatar identity. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):287–302. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-287-302

Введение

Многие исторические проблемы на протяжении длительного времени не теряют своей актуальности и, дополняясь новыми знаниями, требуют современного взгляда, научного обсуждения. Одним из таких вопросов, активно дискутируемых как в начале XX века, так и в современном мире, становится философский вопрос – «Кто мы?».

Современные исследователи выделяют три этапа становления татарской нации: 1) XVIII – середина XIX в. – этап развития «мусульманской нации», 2) вторая половина XIX в. – 1905 г. – этап формирования «этнической (этнокультурной) нации», 3) 1905 г. – конец 1920-х годов – этап складывания «политической нации». Особый интерес вызывает второй этап, когда формирование такой «этнической» культуры происходило на определенном уровне развития общества. Ученый Д.М. Исхаков, ссылаясь на Э. Геллнера, пишет, что одним из индикаторов зарождения нации является переход от религии к культуре и к соединению последней с этнической принадлежностью [1, с. 141–142]. В данном исследовании внимание будет уделено вопросам периода «этнокультурной нации» татарского народа.

Проблему этнонима, этнической самоидентификации и национальной идентичности в татарской общественной мысли в конце XIX – начале XX в. можно назвать одним из ключевых вопросов, который объединил разные слои общества. В этом общественном обсуждении активно участвовали как простые обыватели, так и видные ученые того времени. На страницах периодической печати начала XX века шла активная дискуссия по проблеме идентичности.

Татарский народ в различные периоды идентифицировал себя под разными наименованиями, на это влияли исторические условия его жизни. Одни чувствовали себя частью большого тюркского мира, другие ностальгировали по Булгарскому государству, соответственно, предпочитали себя называть тюрками и булгарами. В именах ученых и мыслителей вплоть до XIX века часто встречается использование «тахаллуса» (псевдонима) «аль-Булгари». Простой народ предпочитал называть себя «мусульмане», таким образом подчеркивая религиозную принадлежность и вкладывая в его смысл назва-

ния этноса. Отметим, что конфессионим «мусульманин», господствующий в XVI–XIX вв., не является самоназванием, основанным на этничности. В своем труде «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» (Полезные вести о состоянии Казани и Булгара) Ш. Марджани, обращаясь к этому вопросу как на важнейшую проблему для обсуждения и научного осмысления, показывает ошибочность отождествления названий этнонимов «мусульманин» и «татарин»: «Разница огромна, как между [реками] Нилом и Евфратом!». [2, с. 24]. К сожалению, из-за негативного оттенка названия «татары» у народа к нему было осторожное отношение, он избегал его применения. Как писал Ш. Марджани, «если предположить, что враги твоей религии и нации не будут знать другого твоего названия, кроме как «мусульманин», конечно, тебя будут ненавидеть как «мусульманина». Если ты не татарин, не араб, не таджик и не ногаец, не китаец, не русский, не европеец, не прусс и не немец, кем ты будешь?». [2, с. 24].

В 1913 году читательница, подписавшаяся как Г. Н. Ханифа, в журнале «Аң» (Сознание) довольно смело, кратко и емко показывает свою позицию к этнониму «татары»: «Меня называют татаркой. В былые времена я бы на это злилась, а сейчас у меня грудь наполняется воздухом, сердце начинает биться гордостью <...> Мечты мои улетают к алтайцам, к Чингизу и к Сююмбике. Говорю, что я татарка, и этим для себя получаю честь» [3, с. 394]. В то же время она признает, что в обществе существуют многочисленные проблемы: «...настоящее наше состояние плачевное, но есть мощь в прошлом, вижу свет в будущем» [3, с. 394], – пишет она. Высоким культурным развитием и образованностью народ может разоблачить незаслуженный смысл, вложенный в это название. Также Сания Гиффат Кадрия пишет, что «обижаться и унижаться на это название не стоит, надо только трудиться во благо нации и добиться ее развития» [4, с. 17–29].

В начале XX века обсуждение вопроса идентичности шло в двух направлениях: последователи И. Гаспринского отстаивали идеи тюркизма, их оппонентами являлись сторонники идей татаризма. В 1911–1912 гг. на страницах журнала «Шура» развернулась бурная и яркая дискуссия между авторами, подписывавшимися под статьями как «Төрөк углы» (сын тюрка) и

«Татар углы» (сын татарина). Автор статьи под псевдонимом «Татар углы» в последующих публикациях раскрывает своё имя, и им оказался писатель, публицист Галимджан Ибрагимов. «Төрек углы», по мнению ученого Ф. Шакурова, возможно, был постоянный автор журнала – педагог Хасан Гали [5, с. 260–261].

Многочисленность публикаций в периодической печати начала XX века показывает стойкий интерес общественности к данной проблеме, появляются статьи не только об этнониме, но и обсуждается проблема этногенеза разных этнографических групп татарского народа. В 1913 году редакция журнала «Аң» (Сознание) опубликовала анкету-опросник для читателей «Как вы определяете понятие «национальность»?». с целью выявления мнений разных людей. Авторам серьезных аналитических статей редакция обещала выплачивать денежное вознаграждение. Среди 15 пунктов анкеты были вопросы научного определения понятия «национальность», основ национальности, значения понятий «нация» и «национальное чувство» в прошлом и в настоящем. Также одним из важных в этой проблеме был вопрос о связи национальности с религией и Родиной. Большой интерес представляет понимание общественностью таких понятий, как «национальное восприятие (хиссият)», «национальная совесть» и другие. В 1913 году в четырех, в 1914 году в трех номерах были опубликованы сообщения и статьи, отражающие восприятие этой проблемы разными членами общества. Научно-аналитическая обобщенная публикация по этой проблеме была выполнена Газизом Губайдуллиным (1887–1937), являвшимся автором вопросов и инициатором проведения данной анкеты [6, с. 137–138; 7, с. 395–398, с. 407–410, с. 431–433]. Статьи «Милләтне ничек тәгъриф кылырга?». (Как вы определяете понятие «нация»), «Милләтне ничек аңлыйсыз?». (Как понимаете «нацию»?) увидели свет в четырех номерах журнала «Аң» (Сознание), вышедших в 1913 году, под именем Г. Газиз. Позже рассуждения Г. Губайдуллина по этим вопросам нашли отражение в его специальных трудах «Төрекме, татармы?». (1918 г.) [8, с. 11], «Милләтчелекнең бәгъзе әсаслары» (1918 г.) [9, с. 30].

Первое специальное научно-теоретическое исследование по вопросам национальной идентичности татарского народа принадлежит Джамалю Ва-

лиди (1887–1932). Книга «Миллэт вә миллият» (Нация и национальное) объемом в 50 страниц увидела свет в 1914 г. в Оренбурге [10]. Исследование молодого педагога и преподавателя Оренбургского медресе «Хусаиния» ознаменовало приход в татарскую интеллектуальную элиту самобытного теоретика-мыслителя. Этот труд, к сожалению, до настоящего времени не был удостоен внимания исследователей и специально не изучался. Лишь отдельные высказывания Дж. Валиди, наряду со взглядами других ученых по данной проблематике, нашли отражение в немногочисленных научных публикациях [11, с. 206–211]. В данной статье впервые ставится задача более детального изучения взглядов и рассуждений ученого по различным вопросам национальной идентичности.

Дж. Валиди – татарский мыслитель, просветитель, ученый

Джамаль Валиди (Джамалетдин Джалалетдинович Валидов) – незаурядный ученый – 6 мая 1931 г. был обвинен в «султангалиевщине» и приговорен к тюремному заключению, 30 ноября 1932 года ученый скончался в тюремной больнице.

Из-за этих страниц биографии его имя долгое время не упоминалось и деятельность не изучалась. Лишь в конце 1980 – начале 1990-ых гг. в отдельных публикациях можно встретить его имя и ссылки на статьи, а спустя 75 лет после его смерти, в 2007 году, были опубликованы избранные сочинения по языкознанию. Многогранный ученый, человек с широкой эрудицией, к сожалению, до настоящего времени до конца не представлен научному сообществу [12, с. 9–33].

Дж. Валиди родился в семье духовного служителя, как и многие ученые того времени своё обучение начинал в сельском мектебе, далее продолжил учебу в знаменитом Иж-Бобинском медресе. В 1908 году после окончания медресе его оставляют преподавать в этом же учебном заведении.

После закрытия в 1911 году медресе «Иж-Буби» Дж. Валиди, переехав в г. Оренбург, продолжает педагогическую работу в медресе «Хусаиния», где он преподавал до 1917 года. В Оренбурге для молодого учителя открылась возможность не только проявить себя в качестве педагога, но и стать журналистом периодических изданий. В эти годы он активно публиковался в газе-

те «Вақыт» и журнале «Шура». Названные печатные издания пользовались большой популярностью у татарского населения. Через них можно было донести своё слово в самые отдаленные уголки страны, где проживали татары, открыто говорить о проблемах общества, предлагать пути их решения, строить планы на дальнейшее развитие. Именно эти газета и журнал стали его первой трибуной, с которой он делился своими идеями и размышлениями.

В 1918 году он переезжает в г. Казань, преподает на курсах подготовки учителей, потом учительствует в деревне Кшкар (ныне Арский район РТ), в 1919–1921 гг. Дж. Валиди трудится в своих родных краях, работает учителем в г. Тетюши. В 1921–1922 гг. преподавательскую деятельность продолжает в г. Казани, в 1922–1923 гг. учит татарскую молодежь на рабфаке Казанского университета, с 1921 года по 1924 год трудится в Народном комиссариате по земельным делам, является председателем терминологической комиссии «Истилях» (Истылях). С 1922 года преподает в педагогическом институте, с 1928 года по 1931 год работает в педагогическом техникуме.

Дж. Валиди об этнониме

К обсуждению и изучению вопроса этнонима и этногенеза татарского народа Дж. Валиди подключился раньше, чем другие ученые того времени. В 1912 г. в журнале «Шура», еще до открытия дискуссии на страницах журнала «Аң» (Сознание), он публикует аналитическую статью «Кавем вә кабиләмең арасында» (Между родом и народом) [13, с. 8–12]. Он подчеркивает, что настало время обсуждения национальных вопросов, нужно думать о перспективах развития, найти свое место в мировом многообразии наций. Прежде чем приступить к решению этой проблемы, как он подчеркивал, необходимо раскрыть суть вопроса «кто мы?»

Дж. Валиди, резюмируя все имеющиеся взгляды и мнения, на вопрос «кто мы?». указывает несколько вариантов самоидентификации народа, как то: от рода пророка Ибрахима, уммы пророка Мухаммада, рода тюрок, мусульмане России или татары [13, с. 8]. Ученый также уделяет особое внимание дискуссии между сторонниками тюркизма и татаризма. По его мнению, такой спор вполне естествен, каждый сторонник мнений, как он считает, в это понятие вкладывает свой смысл. Он приводит в пример, что термин «тюрки»

сторонниками татаризма отождествлялась с турками, а турки позиционировали себя «османами», а татар они называли татарами. По наблюдениям Дж. Валиди, к идеям тюркизма прежде всего были склонны историки, чем писатели. Он также подчеркивает, что татарская интеллигенция, даже принимая этноним «татары» и будучи защитницей языка, который был понятен всему населению, без заимствованных арабских, персидских и турецких слов, все же в своих трудах предпочитают применять термин «тюрки». Он выражает недоумение, что Риза Фахреддинов употребляет термин «казанские тюрки», а язык называет тюркским. Ахметхади Максуди – оппонет «терджеманцев», защитник татарского языка, как и Р. Фахреддинов, избегает слова «татарская», употребляет такие термины, как «жәридәи төрки» (тюркская газета), «сарыф вә нәхү төрки» (морфология и синтаксис тюркского языка), обозначает газету «Вақыт», издателем которой являлся, как газету на тюркском языке [13, с. 12]. По наблюдениям Дж. Валиди, такая же ситуация не только у татар, но имела место быть и у турков, у которых образованность и развитость определялись османским прошлым, а не турецким. Надо отметить, что в начале XX века общественность, хотя и принимала термин «татары», но не была готова резко перейти на «тюрки», присутствовала некоторая боязнь потерять свое авторитетное значение.

Дж. Валиди о вопросах «нации» и «национального»

Дж. Валиди в своем исследовании «Милләт вә миллият» (Нация и национальное) не считал нужным уделять особого внимания обсуждению проблемы самоназвания народа, так как дискуссия по этому вопросу до выхода данного труда шла долго и довольно бурно и, по его мнению, этот вопрос не был актуальным. В своем исследовании татарский народ он рассматривает уже не как этнос, а как нацию.

Нация является устойчивым социально-историческим этническим сообществом людей, объединенных самоназванием и сознанием своего родства, общей историей и культурой (литературный язык, религия, обычаи и традиции). Следует отметить, что в этнологии и политологии понятие «нация» трактуется по-разному – как этническая общность и как согражданство [14].

Дж. Валиди начинает исследование с определения содержания понятия «нация», рассуждает об этапах формирования и об основных компонентах в становлении и развитии народа как единой нации. По мнению Дж. Валиди, в понятие «нация» в разное время вкладывали разный смысл. Возникновение новой трактовки этого термина, как он считает, связано с появлением у татар во второй половине XIX века социального слоя интеллигенции. Племена того времени имели такое же значение и были подобно уровню современной нации, даже если они не брали на себя аналогичную обязанность. Однако «племя» не может быть равнозначно понятию «нация» в современном понимании [12, с. 41]. По мнению Дж. Валиди, единой нацией становятся те общества, которые основываются на таких духовных ценностях, как собственная литература, культура, верование, историческая традиция, и которые проходят все стадии объединения в одно целое, имеют свою определенную территорию проживания. Такие социальные объединения людей, как семья, род, племя, народ (кавем), являются разными уровнями на пути формирования нации. По убеждению ученого, нация – конгломерат, основанный на единстве родства по крови, религии, языка, образа жизни и традиций (*«кан, дин, тел, гадэт вә ганганә кеби әсасларның берлеге сәбәпле бергә жыелган бер жәмгыяте инсания»*) [12, с. 45].

Язык. Как и многие исследователи, Дж. Валиди одним из основ нации считает наличие единого языка, но в то же время он подчеркивает, что только единство языка, к сожалению, не может гарантировать единство нации [12, с. 46]. Близким к мнению Дж. Валиди является суждение Газиза Губайдуллина, который в качестве примера приводил еврейский народ, представители которого, несмотря на то что проживают на территории разных государств и общаются на разных языках, тем не менее являются единой нацией [15, с. 463]. В то же время Дж. Валиди отмечает, к примеру, не все англоговорящие составляют единую нацию. При этом ученый подчеркивает, что во взаимодействии и развитии первостепенную роль все-таки играет язык. Языковой барьер может стать препятствием в развитии, а знание нескольких языков может дать серьезный импульс к познаниям мировой науки и культуры [12, с. 47].

Религия и верование. По убеждению ученого, после языка важными составляющими нации являются религия (*дин*) и верование (*игътикад*) [12, с. 47]. Как известно, люди действуют по своим убеждениям и мировоззрению. Единое верование способствует единству действий, следовательно, это является объединяющим фактором. Дж. Валиди писал, что «мы – татары в течение многих веков, среди чужих и сильных наций не распались и не потерялись, а сохранились как единая нация только благодаря религии и под ее сенью» [12, с. 75]. Другие ученые начала XX века также выделяли особое место религии в формировании и развитии нации. Например, Г. Губайдуллин считал, если даже в формировании нации единая религия не может быть главным условием, то единое верование может способствовать более тесным внутренним отношениям [9, с. 9–10]. По мнению Дж. Валиди, религия играет важную роль в жизни и развитии нации, но в тоже время в какой-то степени она со своими жесткими правилами и установками сдерживает ее развитие. Безусловно, религия обладает колоссальной объединяющей силой в консолидации своей уммы, в усилении ее творческого потенциала [12, с. 75]. По его мнению, нетитульные народы под покровительством религии имели возможность открывать школы, развивать литературу, создавать свои общественные организации. В татарском обществе через религиозное создавалось национальное. С ним солидарны и современные исследователи, которые также признают, что в начале XX века в татарском обществе национальные идеи довольно быстро соединялись с исламом, который способствовал укреплению позиции религии и одновременно усиливал иммунитет национальной культуры против воздействия на нее других культур [16, с. 94–95].

В понимании Дж. Валиди, ислам должен быть свободен от предрассудков и создавать почву для развития знаний и культуры. Религиозные объединения, в том числе и Духовное собрание мусульман, по его ожиданиям, могли бы стать духовными лидерами, но, к сожалению, чиновнический аппарат этой организации, как он считает, оказался некомпетентным, чтобы принять на себя такие обязанности. Если даже в настоящее время религиозная схоластика все еще сильна, но, когда есть молодежь, которая стремится к знаниям,

открыта новым идеям, в созданной ими среде, считает Дж. Валиди, «старый слой» сам отслоится.

Родина. Дж. Валиди отмечает влияние среды обитания, окружающего мира и Родины на формирование народа как нации. Оно может быть двух видов: естественное и общественное. Естественное влияние – это ландшафт и климат, а под общественным ученый называет их окружение, с которым происходят общение и взаимокультурные отношения. По его убеждению, климат может оказывать как прямое, так и косвенное влияние. Как считает ученый, климат местности обитания народа определяет род его деятельности, влияет на образ жизни, соответственно, определяет его благополучие. Дж. Валиди видит прямое отношение территории обитания и климата со здоровьем, характером и благополучием нации. По убеждению ученого, северные народы по характеру бывают практичнее и естественнее, а южные жители склонны к творчеству. Вне зависимости от национальной принадлежности в сообществах, находящихся в одинаковых природных условиях, по его мнению, бывают схожими род деятельности и уровень экономического развития. Тем не менее он показывает немаловажную роль местности и природы в развитии национальных сообществ [12, с. 48–49].

Национальная традиция (ганганә), по мнению Дж. Валиди, является одной из главных нитей, связующих народы в единую нацию. Появление и проникновение в общество научных и философских идей, считает он, способны ослабевать эту связь. Тем не менее, как бы ни развивалось общество, существование традиций всегда будет актуальным. По этому поводу Дж. Валиди приводит интересное описание: «Исторические события текут словно речная вода, оставляя после себя песок, глину, так и традиции создаются в течение времени, событий, с годами они крепчают и становятся опорами в жизни» [12, с. 53].

Все указанные выше факторы являются хранителями нации, но единство языка, литературы, религии и веры имеет особую силу, которая способна объединять людей разного пола, социального и экономического состояния. Эти факторы он называет основами нации, они определяют формирование нации, но, к сожалению, они не могут гарантировать ее развитие [12, с. 53].

Для развития нации нужна подпитка (*гыйза*), это образование, культура, нравственность и род деятельности, а в совокупности они служат прогрессу нации. Эти условия свойственны всему человеческому сообществу, а не только определенной нации. При положительном решении этих задач нация достигнет высоты диалога и взаимоотношений с другими нациями, по мнению Дж. Валиди, это и есть один из показателей развитости нации.

Дж. Валиди путь развития наций показывает в двух измерениях: внутреннее развитие и в то же время каждая нация находится в пространстве человеческого мира (*инсаният*). Он этот процесс сравнивает с движением парохода: вне зависимости от того, что люди или группа людей на палубе двигаются в разном направлении, с разной скоростью или же стоят на одном месте, пароход продолжает идти своим путем и со своей скоростью, так и каждая нация выбирает свой путь и скорость развития в мировом пространстве [12, с. 80].

Главным условием для формирования нации является наличие *национального самосознания*. Национальное самосознание основывается на общем сознании. По мнению Дж. Валиди, джадидское движение в 1885–1905 гг. формировало общее сознание, которое могло стать серьезным шагом к национальному самосознанию [12, с. 65]. Хотя в научной литературе принято давать довольно положительную оценку этому периоду в развитии татарского общества [17, с. 128–160], однако Дж. Валиди оценивает его более сдержанно и считает, что джадидизм лишь привел общество в порядок, но, к сожалению, как он считает, джадидизм не мог рождать национальную литературу, музыку, искусство, национальное сознание, что составляют основу нации. Дж. Валиди ставил довольно высокую планку развития нации, даже существенные достижения татарского народа в период джадидизма он считал лишь шагом к возможному развитию общества [12, с. 65].

Высшая степень развития нации – это достижение высоты «миллият» (национальное). Как считает Дж. Валиди, вопрос о нужности и ненужности «национального» был бы некорректен, подобно вопросу «нужны ли нам река Волга или Уральские горы, должны ли они быть или не должны быть?». По его убеждению, «миллият» (национальное) – естественен, а его создате-

ли – природа и история. Возможно, рассуждает он, когда-нибудь «миллият» обретет другую форму или же исчезнет, но это будет под влиянием не человеческой силы, а природы и истории [12, с. 83].

«Миллият» на сегодняшний день находится совсем на другом уровне. Он не представляет собой только сообщество людей, ориентированное на прогресс, а является отдельным сообществом, связанным крепкими естественными и общественными законами. В отличие от общества прошлого, его держит не только внешняя оболочка, которая очень хрупка на внешние воздействия, а современное национальное сообщество сильно своими внутренними связующими нитями [12, с. 86]. Настоящее состояние нации ученый сравнивает с лесом, который имеет свою территорию и корни деревьев которого достигли определенной глубины, они едины, им не страшны ни дождь, ни палящее солнце. Если говорят об исчезновении нации, как поясняет ученый, под этим выражением надо подразумевать угрозу исчезновения национальных основ, о которых речь шла выше [12, с. 84].

Вопрос сохранения «миллият» является ключевым вопросом развития нации. Сохранение национального и нации, по убеждению Дж. Валиди, может быть только при соблюдении главного правила «татарлык (татаризм) и гражданство России». Во-первых, ученый считает, что сохранение национального возможно только в условиях наличия своей национальной школы, национальной литературы и национального искусства. Во-вторых, все эти национальные ценности должны подпитываться русской школой, культурой и литературой. У татар, он пишет, имеются две опоры: национальная и государственная. Развитие наступает только в том случае, если между этими составляющими будет взаимопонимание и взаимоуважение.

Заключение

Труд Дж. Валиди «Милләт вә миллият» (Нация и национальное) в историографии национальной истории стал знаковым исследованием, которое ставило изучение проблем идентичности на высокий научный уровень. Эта работа является первым в татарской историографии общетеоретическим изысканием в данной области. Последующие работы, изданные на эту тематику, продолжили начертанную Дж. Валиди линию.

Его понимание «нации» (милләт) как общности, «объединившейся благодаря единству таких основ, как кровь, религия, язык, обычаи и традиции», признается и современными исследователями. В Татарской энциклопедии определение этого понятия дается так, как его сформулировал Дж. Валиди [14]. Также для ученого было важным показывать роль веры (религии), литературы, культуры, исторических традиций в формировании и развитии нации. В его исследованиях ставится и вопрос сохранения нации, достигая высоты «миллият». В своих трудах Дж. Валиди татар представил состоявшейся, самостоятельной этнонацией.

Литература

1. *Татары*. М.: Наука; 2001. 583 с.
2. Марджани Ш. *Полезные вести о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар)*. Ч. 1. Казань: Магариф-Вакыт; 2022. 216 с.
3. Милләтне ничек аңлыйсыз? *Аң*. 1913;22:394.
4. Сәлахова Э.К. XX гасыр башында татар хатын-кызлары күзлегеннән милләт проблемалары. *Историческая этнология*. 2024;1:17–29.
5. Шәкүров Ф. «Төрөк углы» кем ул? *Гасырлар авазы=Эхо веков*. 2000;1/2:260–261.
6. Газиз Г. Милләтне ничек тәгъриф кылырга? *Аң*. 1913;8:137–138.
7. Газиз Г. Милләтне ничек аңлыйсыз? *Аң*. 1913;22:395–398; 23:407–410; 24:431–433.
8. Газиз Г. *Төрөкме, татармы?* Казан: Корылтай; 1918. 11 б.
9. Гобәйдуллин Г. *Милләтчелекнең бәгъзе әсасслары*. Казан: Аң; 1918. 30 б.
10. Вәлиди Ж. *Милләт вә миллият*. Оренбург: Вакыт; 1914. 50 б.
11. *Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки*. Мухаметшин Р.М. (науч. ред.). Казань: Мастер Лайн; 2001. 516 с.
12. *Жамал Вәлиди: әдәби һәм тарихи-документаль җыентык*. Казан: Жыен; 2010. 624 б.
13. Вәлиди Ж. Кавем вә кабиләмез арасында *Шура*. 1912;1:8–12.
14. Измайлов И.Л. *Нация. Tatarica. Татарская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/narody/naciya> (дата обращения: 10.03.2025).

15. Сәлахова Э.К. Газиз Гобәйдуллин хезмәтләрендә «халык», «милләт» төшенчәләре. *Историческая этнология*. 2022;3:457–467.

16. Мухаметшин Р. *Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке*. Казань: Татар. кн. изд-во; 2008. 246 с.

17. *Очерки истории татарской общественной мысли*. Амирханов Р.М. (науч. ред.). Казань: Татар. кн. изд-во; 2000. 191 с.

References

1. *Tatary* [Tatars]. Moscow: Nauka Press; 2001. 583 p. (In Russian)
2. Mardzhani Sh. *Poleznye vesti o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [The useful news about the state of Kazan and Bulgaria (Mustafad al-akhbar fi ahwal Qazan wa Bulghar)]. P. 1. Kazan: Magarif-Vakyt Press; 2022. 216 p. (In Russian)
3. Millätne nichek anlisiz [How do you understand the nation]. *An*. 1913;22:394. (In Tatar)
4. Salakhova E.K. 20 gasyr bashynda tatar khatyn-kyzлары күзлегенән millät problemalary [The problem of Tatar national identity at the beginning of the 20th century through the prism of a woman's view]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2024;1:17–29. DOI: 10.22378/he.2024-9-1-17-29. (In Tatar)
5. Shakurov F. “Törek ugly” kem ul? [Who is the “son of the Turk”?] *Gasyrlar avazyecho vekov* [Echo of centuries]. 2000;1/2:260–261. (In Tatar)
6. ‘Aziz ‘U. Millätne nichek tä’rif qilirgha? [How to define a nation]. *An*. 1913;8:137–138. (In Tatar)
7. ‘Aziz ‘U. Millätne nichek anlisiz [How do you understand the nation] *An*. 1913;1913;22:395–398; 23:407–410; 24:431–433. (In Tatar)
8. ‘Aziz ‘U. *Törekme, tatarmi?* [Turk or Tatar?]. Kazan: Qoriltay Press; 1918. 11 p. (In Tatar)
9. ‘Ubäydullin ‘A. *Millätcheleknen bä’dhe äsaslari* [Other foundations of the nation]. Kazan: Conscience Press; 1918. 30 p. (In Tatar)
10. Walidi J. *Millät wä Milliyät* [Nation and national]. Orenburg: Waqt Press; 1914. 50 p. (In Tatar)
11. *Islam v Srednem Povolzh’e: istoriya i sovremennost. Ocherki* [Islam in the Middle Volga region: history and modernity. The essays]. Mukhametshin R.M. (sc. ed.). Kazan: Master Layn Press; 2001. 516 p. (In Russian)

E.K. Salakhova

Jamal Walidi on the nation and the role of Islam in shaping Tatar identity

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):287–302

12. *Jamal Walidi: ädäbi kham tarikhi-dokumental jyentyk* [Jamal Walidi: literary and historical-documentary collection]. Kazan: Jyen Press; 2010. 624 p. (In Tatar)
13. Walidi J. Kawem wä kabilämez arasinda [Between the clan and the people]. *Shura*. 1912; 1: 8-12. (In Tatar)
14. Izmajlov I.L. *Natsiya* [The Nation]. [Electronic source]. Available at: <https://tatarica.org/ru/razdely/narody/naciya> (Accessed 10/03/2025). (In Russian)
15. Salakhova E.K. G. Gobäydullin khezmtlärendä “khalyk”, “millät” töshenchäläre [The concepts of “People”, “Nation” in the works of G. Gubaydullin]. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. 2022;3:457–467. (In Tatar)
16. Mukhametshin R. *Islam v obshchestvennoy I politicheskoy zhizni tatar I Tatarstana v XX veke* [Islam in the social and political life of the Tatars and Tatarstan in the 20th century]. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2008. 246 p. (In Russian)
17. *Ocherki istorii tatarskoy obshchestvennoy mysli* [Essays on the history of Tatar social thought]. Amirkhanov R.M. (scientific editor). Kazan: Tatar Book Publishing House; 2000. 191 p. (In Russian)

Информация об авторе

Салахова Эльмира Кадимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация.

About the author

Elmira K. Salakhova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow, the Department of New History at Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 04 апреля 2025
Одобрена рецензентами: 04 мая 2025
Принята к публикации: 04 июня 2025

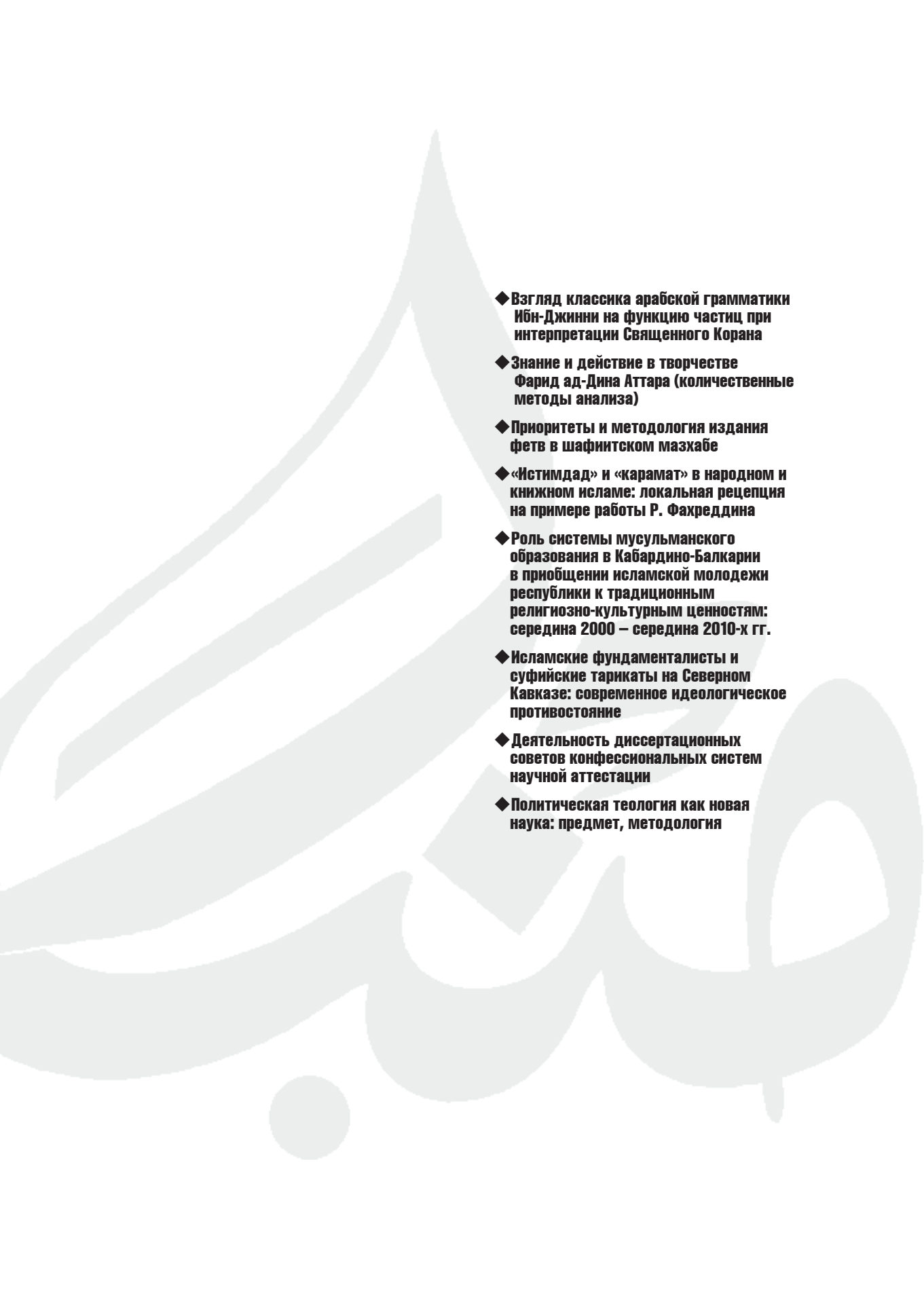
Article info

Received: April 04, 2025
Reviewed: May 04, 2025
Accepted: June 04, 2025

ТЕОЛОГИЯ

THEOLOGY

-
- ◆ **Взгляд классика арабской грамматики Ибн-Джинни на функцию частиц при интерпретации Священного Корана**
 - ◆ **Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара (количественные методы анализа)**
 - ◆ **Приоритеты и методология издания фетв в шафиитском мазхабе**
 - ◆ **«Истимдад» и «карамат» в народном и книжном исламе: локальная рецепция на примере работы Р. Фахреддина**
 - ◆ **Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг.**
 - ◆ **Исламские фундаменталисты и суфийские тарикаты на Северном Кавказе: современное идеологическое противостояние**
 - ◆ **Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации**
 - ◆ **Политическая теология как новая наука: предмет, методология**

А.В. Муратов

Взгляд классика арабской грамматики Ибн-Джинни на функцию частиц...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):305–314

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-305-314

УДК 297.18

Original Paper

Оригинальная статья

Взгляд классика арабской грамматики Ибн-Джинни на функцию частиц при интерпретации Священного Корана

А.В. Муратов^{1а}

¹Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-6448>, e-mail: alieksiei.muratov.82@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается деятельность ученого, классика и легиста положений арабской грамматики Абу-ль-Фатха 'Усмана ибн Джинни в аспекте его вклада в науку тафсир. В частности, уделяется внимание тому, какую роль в толковании коранического текста он отводил частицам. Приведенные примеры подкрепляют тезис о том, что частицы как один из сегментов грамматики имеют важное значение для интерпретации текста Священного Корана. Использование той или иной частицы в контексте определенного коранического фрагмента может повлиять на его восприятие и дать более глубокое понимание его смысла. По этой причине Ибн-Джинни включал характеристику частиц в тафсир, также считая данный раздел грамматики арабского языка способным обогатить толкование Священного Корана и раскрыть его глубинные смыслы. Отмечено, что не только частицы являются предметом исследования. Зачастую в работах Ибн-Джинни сам коранический текст выступает в качестве довода, подкрепляющего лингвистические тезисы. Выводы данной статьи указывают на важность применения работ средневековых арабских лингвистов для углубленного понимания Корана.

Ключевые слова: Ибн-Джинни; арабская грамматика; частицы; тафсир; Коран

Для цитирования: Муратов А.В. Взгляд классика арабской грамматики Ибн-Джинни на функцию частиц при интерпретации Священного Корана. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):305–314*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-305-314

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The view of the classic of Arabic grammar Ibn Jinni on the function of particles in the interpretation of the Holy Quran

A.V. Muratov^{1a}

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4065-6448>, e-mail: alieksei.muratov.82@mail.ru

Abstract: The article examines the work of the classical scholar, legalist of the provisions of Arabic grammar Abu al-Fatah Uthman ibn Jinni, in the context of his contribution to the science of Tafsir. In particular, this article focuses on the role of particles. These examples support the thesis that particles, as one of the sections of grammar, are an important aspect in interpreting the text of the Holy Quran. The use of a particle in the context of a particular Quranic fragment can affect its meaning and give a deeper understanding. For this reason, Ibn Jinni included the subject of particles in the Tafsir, also considering this section of the grammar of the Arabic language capable of enriching the interpretation of the Holy Quran and revealing its deeper meanings. It is noted that the subject matter of particles in the interpretation of the Quran does not always act as an object of judgment. Often in the works of Ibn Jinni, the Quranic text itself acts as an argument supporting linguistic theses. The conclusions of this article point to the importance of using the works of medieval Arabic linguists for an in-depth understanding of the Quran.

Keywords: Ibn Jinni; Arabic grammar; particles; tafsir; Quran

For citation: Muratov A.V. The view of the classic of Arabic grammar Ibn Jinni on the function of particles in the interpretation of the Holy Quran. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):305–314. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-305-314

Введение

Вариативность интерпретации фрагментов коранического текста зачастую зависит от понимания значения той или иной частицы. Особое внимание данному аспекту уделял в своих трудах средневековый арабо-мусульманский лингвист Абу-ль-Фатх ‘Усман ибн Джинни. Являясь одним из ярчайших представителей плеяды первых поколений ученых в области арабской грамматики, следуя по стопам своих великих предшественников, таких как Абу-аль-Асвада ад-Дуали (603–688), Халиль ибн Ахмад аль-Фарахиди (718–791), Сибавейхи (760–797), Ибн-Джинни уделял особое значение пониманию и толкованию коранического текста. Среди источников лингви-

стического толкования Корана в его трудах есть высказывания известного ученого аль-Фарра' из работы под названием «Ма'ани аль-Кур'ан», являющейся одной из основных в области тафсира *люгави*. Опирается Ибн-Джинни на сочинение «Маджаз аль-Кур'ан» Абу-‘Убайды, ученого, представителя Басрийской лингвистической школы. Нельзя не отметить работу «Тафсир ма'ани аль-Кур'ан» аль-Ахфаша, ученика Сибавейхи, которая цитируется в трудах Ибн-Джинни. Невозможно не упомянуть такие великие имена, как аз-Задждадж, Абу-‘Али аль-Фариси, учеником которого являлся Абу-ль-Фатх ‘Усман ибн Джинни [1, с. 812].

Среди трудов Ибн-Джинни есть как посвященные непосредственно тематике Священного Корана, в частности «аль-Мухтасаб», в котором приводятся мнения относительно разъяснения неканонических кыраатов, так и работы по лингвистике, затрагивающие толкования слов и выражений Священного Корана в том или ином контексте. В данной связи нельзя не отметить тесное взаимовлияние трудов по арабской грамматике и тафсира Священного Корана. Также заметим, что многие темы и разделы данных трудов так или иначе либо подкрепляют изложенные лингвистические тезисы, либо, напротив, интерпретируют коранический текст. В свою очередь, следуя принципу «наука на службе Корана», Ибн-Джинни встраивает интерпретацию Корана в свои лингвистические труды. Так, различные темы грамматики и суждения автора иллюстрируются применительно к кораническому тексту.

Теоретический анализ

В качестве примера можно привести суждение автора относительно значения соединительного союза «وَ» в аяте:

«مَنْ كَانَ عَدُوًّا لِلَّهِ وَمَلَائِكَتِهِ وَرُسُلِهِ وَجِبْرِيلَ وَمِيكَالَ فَإِنَّ اللَّهَ عَدُوٌّ لِلْكَافِرِينَ»

что можно перевести как «Кто был (будет) врагом Аллаху и Его ангелам, и посланникам, и Джibriлю, и Микаилу, то, поистине, Аллах – враг неверующих» (Коран, 2:98) [здесь и далее, если нет других указаний, перевод автора статьи. – А.М.]. Ибн-Джинни разъясняет, что здесь соединительный союз «وَ» выделяет Джibriля и Микаиля среди остальных ангелов в качестве почета, но не означает, что они имеют сущность, отличную от ангелов. Проблема в

том, что союз «و» при перечислении имен в контексте одного предложения обычно указывает на собственную идентичность каждого из них. В своем труде «ат-Танбих» Ибн-Джинни приводит точку зрения некоторых факихов Ирака, которые предположили, что конструкция предложения с использованием союза «و» при упоминании «وَجِبْرِيلَ وَمِيكَالَ» (имен Джibriля и Микаиля) после предшествующего слова «مَلَائِكَتِهِ» (ангелы) указывает на необходимость изменения и разнородности сущности перечисляемых имен, выводя тем самым их из рода ангелов. Так, в мазхабе Абу-Ханифы (ум. 150 х.) существует мнение, что человек, поклявшийся не есть фрукты «فَاكِهَةٌ», не нарушает своей клятвы, поев виноград, гранат или финик [2, с. 77]. В поддержку данного утверждения они приводят аят: «فِيهِمَا فَاكِهَةٌ وَنَخْلٌ وَرُمَّانٌ» – «В них фрукты, финиковые пальмы, гранаты» (Коран, 55:68). Это мнение приводят и разбирают более подробно с точки зрения фикха такие имамы, как, например, ученый ханафитского мазхаба ас-Сарахси в «аль-Мабсут» и ханбалитский ученый Ибн-Кудам аль-Макдиси в книге «аль-Мугни» [3]. Также данный вопрос разбирает аль-Куртуби непосредственно в тафсире Священного Корана. В указанном тафсире автор разъясняет, относятся ли плоды пальмы и граната к понятию «فَاكِهَةٌ» – фрукты [4]. При этом в контексте тафсира данного аята он приводит и вышеуказанное мнение Абу-Ханифы, однако оговариваясь, что его ученики не согласились с ним в данном вопросе. Стоит отметить, что в труде «ат-Танбих» данный аят рассматривается в контексте анализа поэтических строк «аль-Хамаса». Тогда как в «аль-Мухтасаб», труде, посвященном уже непосредственно кораническим чтениям [5, с. 53–54], Ибн-Джинни более настоятельно подчеркивает, что отделение имен ангелов Джibriля и Микаиля от остальных ангелов посредством союза «و» указывает на их почетное место в ряду остальных, а не означает, что они другие существа. В данном контексте также будет уместно привести мнение ученых о том, что отделение Джibriля и Микаиля от остальных ангелов в контексте одного предложения, во-первых, используется для указания на их почет, а во-вторых, дается по причине того, что иудеи считали Джibriля своим врагом, тогда как Микаиля – своим другом, поэтому Аллах выделил их, указав таким образом на то, что они в одинаковом почете перед Ним [6, с. 163].

Другим примером суждения относительно функции союза «و» в контексте строк Священного Корана может послужить разбор Ибн-Джинни аята:

«وَالسَّابِقُونَ السَّابِقُونَ مِنَ الْمُهَاجِرِينَ وَالْأَنْصَارِ وَالَّذِينَ اتَّبَعُوهُمْ بِإِحْسَانٍ رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمْ وَرَضُوا عَنْهُ»

смысловой перевод: «А опередившие первые из мухаджиров и ансаров и те, которые последовали за ними с искренностью, доволен ими Аллах, и они довольны Им» (Коран, 9:100). Автор касается темы данного аята в работе «аль-Мухтасаб». Здесь, наряду с традиционным прочтением, он анализирует и прочтение ‘Умара ибн аль-Хаттаба, который читал «وَالْأَنْصَارِ», то есть «и ансаров» в именительном падеже «марфу», то есть «وَالْأَنْصَارُ» – «и ансары». Сравнивая два варианта прочтения, Ибн-Джинни пишет, что присоединение выражения «وَالسَّابِقُونَ السَّابِقُونَ مِنَ الْمُهَاجِرِينَ وَالْأَنْصَارِ» (А опередившие первые из мухаджиров и ансаров) к выражению «وَالَّذِينَ اتَّبَعُوهُمْ بِإِحْسَانٍ» (и те, которые последовали за ними) посредством союза «و» допустимо как при прочтении «وَالْأَنْصَارِ» в положении «джарр», так и «وَالْأَنْصَارُ» в положении «раф’». Однако при прочтении «وَالْأَنْصَارُ» данная группа привязывается по смыслу посредством соединительного союза «و» к выражению «رَضِيَ اللَّهُ عَنْهُمْ وَرَضُوا عَنْهُ» (доволен ими Аллах, и они довольны Им), но выходят из категории «السَّابِقُونَ» (опередившие), в которую таким образом будут входить лишь «الْمُهَاجِرِينَ» (мухаджиры), так как в данном случае «و» будет разделительным. То есть смысл аята будет примерно следующим: «И опередившие первые из мухаджиров, и ансары, и которые последовали за ними с искренностью, доволен ими Аллах, и они довольны Им».

Повествование относительно прочтения данного аята ‘Умаром ибн аль-Хаттабом приводит аз-Замахшари в своем тафсире «аль-Кашшаф». В частности, в данном тафсире говорится, что ‘Умар ибн аль-Хаттаб читал: «وَالْأَنْصَارِ وَالَّذِينَ اتَّبَعُوهُمْ بِإِحْسَانٍ» – «и ансаров и те, которые последовали за ними» без союза «و» между «وَالْأَنْصَارِ» и «الَّذِينَ اتَّبَعُوهُمْ بِإِحْسَانٍ», считая последнее атрибутом ансаров, то есть «и ансаров, которые последовали за ними (мухаджирами)». Однако на это ему возразил Зайд¹, сказав, что данное место необходимо читать с «و». На это ‘Умар повелел привести Убаййа², чтобы тот рассудил.

¹ По всей видимости, имеется в виду Зайд ибн Сабит, председатель комиссии по кодификации Священного Корана.

² Убайй ибн Кя’б.

ISSN 2618-9569 (Print)
ISSN 2712-7990 (Online)

ху. Однако Ибн-Джинни, интерпретируя данный аят, говорит, что фраза «مِائَةِ أَلْفٍ أَوْ يَزِيدُونَ» (сто тысяч или более) не относится к утверждению от имени Самого Всевышнего Аллаха, однако Он Свят, Он и Велик, делает отсылку к мнениям творений на этот счет. В качестве примера подобного рода автор приводит аят: «ذُقْ إِنَّكَ أَنْتَ الْعَزِيزُ الْكَرِيمُ» (Коран, 44:49), что отражено в смысловом переводе Шифдар так: «Вкушай, ведь ты – самый могучий и благородный по твоему утверждению» [8, с. 457], где «по твоему утверждению» является пояснением автора перевода, основанным на толкованиях данного аята. Отметим, что в оригинальном тексте аята данная оговорка отсутствует, что делает его стиль в данном отношении идентичным стилю аята, рассматриваемого выше.

Заключение

Таким образом, рассмотренные примеры демонстрируют важность познаний в области арабской грамматики для более глубокого изучения Священного Корана в целом. В частности, подтверждается тезис о том, что степень понимания Коранического Откровения прямо тождественна степени владения арабским языком. Становится очевидным факт влияния интерпретации смысла той или иной языковой единицы на формирование определенных теологических решений. Данная работа выявила неоднозначные интерпретации, а также неоднородность суждений различных лингвистов относительно смысла и функции частиц в контексте определенного аята. Однако, возможно, данный плюрализм мнений призван расширить горизонты понимания и применения сакральных смыслов Корана.

Также контекст данной статьи раскрывает личность Абу-ль-Фатха ‘Усмана ибн Джинни, известного в российской филологической науке как выдающийся арабский лингвист, в качестве богослова и муфассира Священного Корана. В свою очередь, данное обстоятельство является очередным доказательством тезиса о роли религии ислам как двигателя прогресса и науки. Именно теологическая база послужила мощным подспорьем для многих выдающихся умов, среди которых, несомненно, занимает свое достойное место Ибн-Джинни, а его труды призваны расширить горизонты понимания главного источника мусульман – Священного Корана.

References

1. Muratov A.V. Tolkovanie Koranicheskikh slov cherez prizmu teorii “Al’-Ishtikak al’-akbar” Ibn Dzhinni [Interpretation of Quranic words through the prism of the theory of “al-Ishtiqaq al-Akbar by Ibn Jinni”]. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(4):805–815. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-4-805-815. (In Russian)
2. Abu al-Fath ‘Uthman ibn Jinni. *Al-Tanbih ‘ala sharh mushkilat al-Hamasa* [Notes to comments on obscure phrases in the collection of poems by Hamas]. Hasan Mahmud Hindawi (ed.). El Kuwait: Kuliyat at-tarbiyyah al-asasiyyah; 2009. 818 p. (In Arabic)
3. Ibn Qudamah al-Maqdisi. *Al-Mughni* [The Enrichment]. Vol. 10. [Electronic source]. Available at: <https://www.islamweb.net/ar/library/content/15/7108/>
فصل—حلف—لا—يأكل—فاكهة#:~:text=حلف%٢٠%لا%٢٠%يأكل%٢٠%فاكهة%٢٠%حنث%٢٠%وهكذا%٢٠%قال
(Accessed: 07.03.2025). (In Arabic)
4. Abu Abdullah al-Qurtubi. *Al-Jami’ li-ahkam al-Qur’an* [Collection of legal norms of the Quran]. [Electronic source]. Available at: <https://quran.ksu.edu.sa/tafseer/qortobi/sura55-aya68.html#:~:text=الثانية%٢٠%A%٣%إذا%٢٠%حلف%٢٠%أن%٢٠%لا%٢٠%في%٢٠%الجنة%٢٠%مثل%٢٠%البعير%٢٠%المقتب%٢٠%>
(Accessed: 26.03.2025). (In Arabic)
5. Abu al-Fath ‘Uthman ibn Jinni. *Al-Muhtasab fi tabyin wujuh shawazz al-qiraat wal-idah ‘an-ha* [Opinion in explaining non-canonical qiraats and illustrations to them]. Part one. ‘Ali an-Najdi Nasif, ‘Abd al-Fattah Isma‘il al-Shalbi (ed.). Istanbul: Dar Sezgin li-l-tiba‘a wa-l-nashr; 2014. 392 p. (In Arabic)
6. Ahmad Muhsin Khalaf. *Al-Tafsir al-lughawi lil-Qur’an al-Karim ‘inda Ibn Jinni* [The linguistic interpretation of the Holy Quran by Ibn Jinni]. Baghdad: Mustansiriyyah University Publ.; 2014. 316 p. (In Arabic)
7. Abu al-Qasim Jar Allah Mahmud ibn ‘Umar al-Zamakhshari. *Tafsir al-Kashshaf* [Interpretation of disclosure]. Beirut: Dar al-Ma‘rifah; 2009. 1236 p. (In Arabic)
8. *Koran = The Holy Quran*. Shidfar B.Ya. (tr. from Arabic and commentaries). Moscow: Mardzhani Press; 2012. 608 p. (In Russian)

A.V. Muratov

The view of the classic of Arabic grammar Ibn Jinni on the function of particles...

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):305–314

9. Abu al-Fath ‘Uthman ibn Jinni. *Al-Khasa’is* [Characteristics]. Part II. Muhammad ‘Ali al-Najjar (ed.). Cairo: Dar al-Kutub al-misriyyah; n/d. 512 p. (In Arabic)

Информация об авторе

Муратов Алексей Владимирович, исследователь, преподаватель-исследователь по направлению «Теология», специалист по связям с общественностью Управления международных коммуникаций Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация.

About the author

Alexey V. Muratov, Researcher, Lecturer-Researcher in the field of Theology, public relations specialist of the Department of International Communications of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 15 января 2025

Одобрена рецензентами: 14 мая 2025

Принята к публикации: 14 июня 2025

Article info

Received: January 15, 2025

Reviewed: May 14, 2025

Accepted: June 14, 2025

А.А. Лукашев

Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара (количественные методы анализа)
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):315–339

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-315-339

УДК 297.1

Original Paper

Оригинальная статья

Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара (количественные методы анализа)

А.А. Лукашев^{1а}

¹Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6328-9196>, e-mail: andrew_l@inbox.ru

Резюме: Знание и действие – важнейшие категории исламской мысли, однако применительно к персидскому суфийскому материалу они если и были рассмотрены в академической литературе, то довольно фрагментарно. Особенно малоизученным в этом отношении остается наследие Фарид ад-Дина Аттара.

Цель статьи – исследование того, как знание, действие и связанные с ними категории (познание и очевидность) рассматриваются в творчестве Фарид ад-Дина Аттара. Объектом исследования является корпус текстов средневекового автора. Для формирования корпуса была проведена атрибуция поэтического наследия Аттара по методу Дельты Берроуза. На основании матрицы совместной встречаемости из корпуса сочинений Аттара были выбраны наиболее репрезентативные цитаты, представляющие интересующий нас тезаурус. Одной из сопутствующих задач было тестирование на конкретном материале методологии комбинированного чтения, сочетающего «дальнее чтение» и «пристальное чтение» полагаем, что такая методология отчасти нивелирует фактор субъективности при отборе цитат для анализа.

Было установлено, что средневековый автор не стремится к утверждению рационализма; напротив, его цель – призвать читателя к мистическому сверхрационализму, к преодолению частного знания ради познания метафизической Тайны. Однако для него принципиально важна практическая составляющая данного опыта. Это не пассивность мистического детерминизма, которой зачастую характеризуют суфизм, а призыв к активному действию, которое осмысливается автором в понятиях мужественности, воинского подвига и самопожертвования.

Ключевые слова: NLP; количественные методы; коллокации; комбинированное чтение; Аттар; знание; действие; познание; очевидность; поэзия

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

A.A. Lukashev

Knowledge and Action in the Works by Farid al-Din Attar (Quantitative Analysis Methods)
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):315–339

Для цитирования: Лукашев А.А. Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттар (количественные методы анализа). *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):315–339. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-315-339

Благодарности: Автор благодарит за помощь и ценные рекомендации О.В. Филиппову, О.В. Алиеву, Б.В. Орехова, Ф.О. Нофала.

Knowledge and Action in the Works by Farid al-Din Attar (Quantitative Analysis Methods)

A.A. Lukashev^{1a}

¹*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6328-9196>, e-mail: andrew_l@inbox.ru

Abstract: Knowledge and action are fundamental categories in Islamic thought; however, their examination in researches on Persian Sufi literature remains fragmentary. The legacy of Farid al-Din Attar, in this regard, is especially understudied.

This article aims to explore how knowledge, action and related concepts (gnosis and certainty) are treated in the works by Farid al-Din Attar. The research focuses on the texts' corpora by this medieval author. To compile the corpus, the attribution of Attar's poetic heritage was conducted using the Burrows' Delta method. Based on a co-occurrence matrix derived from Attar's collected works, the most representative quotations illustrating the relevant thesaurus were selected. An auxiliary objective was to test, on specific material, a methodology of combined reading that integrates "distant reading" and "close reading." We suggest that this approach may help to reduce subjectivity in the selection of quotations for analysis.

The study reveals that the medieval author does not advocate rationalism; rather, his goal is to call the reader toward mystical supra-rationalism via transcending partial knowledge to attain metaphysical Mystery. Nevertheless, the practical dimension of this experience remains crucial for him. This is not the passivity of mystical determinism often attributed to Sufism but rather an appeal to active action, interpreted by the author in the context of masculinity, martial heroism, and self-sacrifice.

Keywords: NLP; quantitative methods; collocations; combined reading; Attar; knowledge; action; gnosis; certainty; poetry

For citation: Lukashev A.A. Knowledge and Action in the Works by Farid al-Din Attar (Quantitative Analysis Methods). *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):315–339. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-315-339

Acknowledgment: The author would like to thank O.V. Filippova, O.V. Alieva, B.V. Orekhov, and F.O. Nofal for their support and insightful recommendations.

Введение

Знание и действие представляют собой пару категорий, без преувеличения играющих ключевую роль в исламской мысли. Уже в Коране Роузентал насчитывал около 750 вхождений слова «знание» (*‘илм*)¹ и его производных [1, с. 36], что делает эту лексему одним из наиболее частотных слов коранического корпуса. Н.С. Кирабаев утверждает, что знание было «определяющим фактором и отличительной чертой средневековой мусульманской культуры и философии» [2, с. 205]. Учитывая то, что в исламе не было привычного нам разделения на светское и духовное, понятие «знание» в исламской культуре имело ярко выраженную религиозную окраску. Уже в Коране мы видим, что понятия «вера» и «знание» тесно взаимосвязаны². Сложно дать какое-то общее для исламской мысли определение знания, только Ф. Роузенталь в классической работе «Торжество знания» приводит более сотни определений [1, с. 67–83]. В кораническом тексте, по мнению Ф. Роузентала, значение слова *‘илм* было аналогичным греческому *gnosis*, на раннем этапе то же значение имело синонимичное *‘илм* слово *ма ‘риф*, и лишь позднее у ряда авторов оно приобрело значение «тайное знание» [1, с. 41], хотя доминирующим осталось более широкое значение познания как «схватывания». В мистицизме, и не только, *‘илм* было тесно семантически связано со словом «свет» (*нūr*). Кроме того, коранический термин *йақīн* (аподиктичность, убежденность) со временем начал функционировать как синоним для *‘илм* и *ма ‘риф* [1, с. 167].

Типологии понятия «знание» (*‘илм*) в исламской мысли довольно разнообразны, но одной из наиболее распространенных можно считать классификацию ал-Бакиллани, различавшего знание изначальное (*қадīm*), божественное и возникшее (*мухдас*), то есть относящееся к тварному. Последнее он разделял на знание необходимое (*дарūrī*) и спекулятивное (*назар, истидлālī*) [1, с. 213–214].

Важной темой является вопрос об элементе предопределённости в человеческом знании. Принципиальная несоизмеримость божественного и

¹ Здесь и далее в данной статье для транслитерации и транскрипции арабских и персидских терминов (также имен и названий) использована система Х.К. Баранова, принятая у российских арабистов и востоковедов.

² Подробнее см. [1, с. 45–48].

человеческого знания заявлена уже в Коране: «Он знает и то, что есть пред ними, и то, что за ними, и чего сами они своим знанием не постигают» (Коран, 20:110) [3]. И уже у ат-Тирмизи (824–892) мы можем узнать, что «Бог дает прозрение в религиозных вопросах тем, кому пожелает» [1, с. 99]. Таким образом, человеческое знание происходит от Бога и проявляется в первую очередь как знание о божественном единстве [1, с. 107–108]. Однако не стоит переоценивать значение такого мистического взгляда на исламскую мысль. Классические авторы признавали наличие иных форм знания, кроме мистического или метафизического, в частности, «приобретаемые знания» (ал-‘улūм ал-муктасаб) признавались формой человеческого действия, что свидетельствует о возможности автономного познания.

Дополнительным подтверждением могут служить слова имама ал-Малика (ок. 710–795): «Знание заключается не в большом количестве передаваемого материала, это свет, который Бог поместил в сердцах людей» [1, с. 85]. Неслучайно уже ал-Бухари выносит раздел о знании в начало своего сборника «Сахих», а впоследствии большинство исламских теоретиков начинали раздел, посвящённый единобожию (*тавхид*), с рассмотрения теории знания. К таковым можно отнести и ал-Матуриди (853–944), и ал-Газали (ум. 1111), и Ибн Араби (1165–1240), и персидских поэтов (Санаи (ум. ок. 1131 г.), Шабистари (1288–1321) и др.). Так же поступал и Аристотель, начиная «Метафизику» с темы знания. Он же в «Никомаховой этике» рассуждал о необходимости того, чтобы благие знания воплощались в соответствующих действиях (Никомахова этика, 1179b 35) [4, с. 287].

Для мусульманской же этики неотделимость знания от действия была центральной идеей [1, с. 81]. Несмотря на то, что интеллигибилии известны Богу от начала времен, их обретение – человеческое действие, иначе человек не мог бы ошибаться, и бессмысленным было бы вменять ему в обязанность познавать Господа. Кроме того, ввиду той значимости, которую в суфизме играла религиозная практика, тема совмещения знания и действия неоднократно поднималась уже в трудах Хариса ал-Мухасибии (ум. 857) в контексте утверждения необходимости исполнения религиозных предписаний [1, с. 179]. Персидская суфийская поэзия была частью данной интеллектуальной среды;

неудивительно, что в той или иной степени в ней проявляются упомянутые подходы к рассмотрению знания и действия.

Анализу того, как именно ключевые суфийские авторы, и в первую очередь Фарид ад-Дин Аттар (ок. 1145–1221), рассматривали данный вопрос, посвящена настоящая статья.

Количественные методы анализа корпуса Аттара

Фарид ад-Дин Аттар относится к числу величайших суфийских поэтов, это фигура первой величины для персидской литературы наряду с такими авторами, как Хаким Санаи и Джалал ад-Дин Руми. Его можно считать своеобразным «соединительным звеном» традиции персоязычной суфийской дидактической поэзии (*маснавӣ*).

Наследие Аттара довольно велико. Можно найти утверждения, согласно которым его перу принадлежит 114 произведений (по количеству сур Корана) и даже больше [5, с. 26]. Авторство великого нишапурца в отношении всего семи поэтических произведений у исследователей не вызывает сомнений. Это «Асрар-нама», «Илахи-нама», «Мантак ат-тайр», рубаи «Мухтар-нама», «Мушибат-нама», а также поэтический диван, включающий газели, касыды, рубаи и тарджи‘ат [5, с. 26].

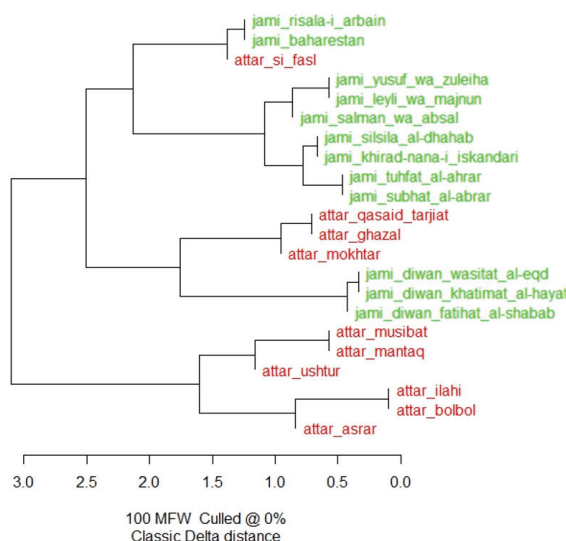

Рис. 1 / Fig. 1

Известен ряд поэм, в отношении атрибуции которых существует научная дискуссия. Это, в первую очередь, «Булбул-нама», «Си фасл» и «Уштур-нама», поэтому, прежде чем приступить к анализу корпуса текстов автора, необходимо определиться в вопросе их авторства.

Мы проанализировали доступные произведения Аттара, используя метод Дельты Берроуза, при помощи программы R-Style. Для большей наглядности мы объединили корпуса текстов Аттара и более позднего автора – Абдар-Рахмана Джами (1414–1492), получив следующую картину (см. Рис. 1). Здесь отчётливо видно, что данная метрика абсолютно чётко по стилю различила произведения Аттара и Джами, более того, кластеризация корпуса показывает различие по стилю между поэмами (*маснавӣ*) Аттара и произведениями малых жанров (*ғазал*, *рубӣ* ‘*ӯ*, *тарджӣ* ‘*а*т).

«Илахи-нама» и «Булбул-нама» оказываются стилистически идентичны, степень стилистического различия «Уштур-нама»³ по отношению к «Мушибат-нама» и «Мантак ат-тайр» приблизительно соответствует стилистическому различию между «Асрар-нама» и «Илахи-нама». И только «Си фасл» оказывается ближе по стилю к позднему Джами, что можно считать одним из показателей того, что «Си фасл» – поздняя подделка. Таким образом, мы удаляем из корпуса только поэму «Си фасл» как очевидно подложную.

Российский читатель на сегодняшний день из поэтических произведений Аттара располагает полным переводом «Илахи-нама» [6], фрагментами перевода «Мантак ат-тайр» [7] и «Асрар-нама» [8]. Перевод и исследование всего наследия великого поэта – задача, решить которую не под силу одному человеку. Вместе с тем любые попытки теоретического обобщения всегда будут сталкиваться с проблемой репрезентативности интерпретируемых фрагментов. Иными словами, когда исследователь пишет статью по отдельно взятой проблеме, он опирается на комплекс цитат, но никак не обосновывает механизм их отбора. Читатель вынужден принимать на веру, что исследователь, опираясь на свой опыт, выбрал не случайные цитаты, которые красиво вписываются в его теорию, а цитаты, которые действительно важны для

³ Возражения Саида Нафиси (1895–1966) против авторства Аттара в отношении «Уштур-нама» подробно разбирает Махди Мухаккик (род. 1930) в предисловии к критическому изданию поэмы [9, с. VII–XXIII].

того, чтобы представить позицию автора по рассматриваемому вопросу. Более того, даже сам исследователь, если он не перевёл весь объём исследуемых текстов (обычного беглого чтения бывает недостаточно для корректного понимания), не может быть абсолютно уверен в репрезентативности отобранных цитат.

Количественные методы же, при всей их ограниченности, позволяют извлекать данные для анализа из полного корпуса текстов автора. Конечно, статистика как таковая не сообщает нам ничего, кроме числовых данных, которые сами должны интерпретироваться исследователем и получать эмпирическое подтверждение в виде перевода и анализа фрагментов текста, чья репрезентативность, в свою очередь, должна быть обоснована статистическими данными. Статистика служит обоснованием для выбора цитаты, а цитата – материалом для анализа семантических связей.

Таким образом мы комбинируем два подхода к исследованию текстов: «дальнее чтение» (*distant reading*)⁴ и «пристальное чтение» (*close reading*). Если «пристальное чтение» – хорошо всем знакомый классический подход к исследованию текстов, когда в фокусе внимания исследователя находится конкретный фрагмент текста, то «дальнее чтение» предполагает такую оптику, когда предметом рассмотрения оказываются значительные по объёму наборы данных. Наш подход можно назвать «комбинированным чтением». Одним из его преимуществ является снижение субъективного фактора при отборе цитат: исследователь использует для анализа не просто понравившуюся цитату, а цитату, отобранную на основании статистических данных. Мы выбираем цитату, учитывая не её соответствие обосновываемой гипотезе, а её релевантность корпусу текстов автора.

На сегодняшний день существуют несколько инструментов для машинного анализа семантики текстов. Применимость всех этих инструментов ограничена. Следуя замечанию О.В. Алиевой относительно того, что «освоение

⁴ Термин Франко Моретти, предложенный им в 2000 г. в статье «Гипотезы о мировой литературе» (см. [10, с. 76–102]). Сами русскоязычные переводы этих терминов являются предметом научной дискуссии (см. [11]) в силу неполного соответствия их смысла смыслу оригинальных словосочетаний. Метафоры дальнего и пристального чтения основываются на визуальном образе взгляда на текст – издали (*distant*) и вплотную (*close*). Это две разные оптики, как будто на текст/тексты смотрят два человека – близорукий и дальнорезкий.

любых алгоритмов должно сопровождаться рефлексией об их теоретических импликациях и оправданности в конкретном исследовательском контексте» [12, с. 294], мы избрали как основной наиболее простой метод количественного анализа совместной встречаемости слов.

В качестве основных ключевых слов для анализа в рамках данной статьи мы взяли слова ‘амал и ‘илм, то есть «знание» и «действие», а также связанные с ними «познание», «очевидность». Корпус, использованный для анализа, насчитывает 575 297 слов. FAIR-данные были получены из библиотеки сайта «Ганджур»⁵, где они хранятся в формате epub. Датасет переведен в формат txt (кодировка UTF-8), разделен на подкорпусы (отдельные поэмы Аттара), в подкорпусах удалены оглавления произведений. Этот относительно небольшой корпус для «дальнего чтения» можно условно охарактеризовать как «средние данные». Для анализа статистики мы использовали алгоритм подсчета совместной встречаемости слов (окно 40 токенов⁶), в рамках которого набор данных был подвергнут токенизации (за токен принято слово, чьи границы заданы знаками пробелов), удалены абзацные отступы, знаки препинания и стоп-слова. Для этих действий был использован код, специально написанный нами на языке Python⁷:

В результате мы получаем список из пятнадцати наиболее частотных коллокаций ключевого слова.

Однако полученные данные нуждаются в проверке того, насколько закономерна их «встреча» в наборе данных. Иными словами, следует установить: полученные слова встречаются вместе случайно или автор склонен употреблять их в одном контексте, что позволяет предположить наличие семантической связи между ними. Отчасти эта проблема решается за счёт цитирования фрагментов, где встречаются интересующие нас коллокации. На примере конкретной цитаты можно установить наличие/отсутствие связи между ключевыми словами и её характер, а также проанализировать отноше-

⁵ Ganjoor. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ganjoor.net/> (дата обращения: 26.06.2025).

⁶ Под токеном мы понимаем минимальную единицу набора данных.

⁷ Файл кода доступен по ссылке: https://github.com/Suhoi82/colocations/blob/main/coll_tab_set_nf2.0.py.

ния между интересующими нас словами в контексте отдельно взятого фрагмента.

Поиск в корпусе по набору ключевых слов позволяет получать уникальные цитаты, где встречается подавляющее большинство интересующих нас ключевых слов, и далее мы уже методом пристального чтения можем проанализировать семантические связи между ними.

$$\text{PMI}(w_1, w_2) = \log_2 \frac{P(w_1, w_2)}{P(w_1)P(w_2)}$$

$$P(w) = \frac{\text{Freq}(w)}{\text{totalWordCount}}$$

Рис. 2 / Fig. 2

Однако существуют и цифровые инструменты, которые позволяют оценить степень случайности совместной встречаемости ключевых слов во всем исследуемом корпусе, а не только в отдельно взятой цитате. В первую очередь

речь идет о метрике PMI – Pointwise Mutual Information (PMI)⁸. Она вычисляется по формуле, представленной на Рис. 2., и используется для оценки ассоциации между двумя словами в тексте. Здесь w_1 и w_2 – ключевые слова, а P – вероятность, с которой они встречаются вместе или по отдельности. Полученное положительное число будет свидетельствовать о положительной ассоциации между словами, а отрицательное – об отрицательной. Эта метрика прекрасно работает на большом объеме данных с высокочастотными словами. В нашем случае она дает завышенные показатели, и мы вынуждены прибегать к «сглаженной» версии этой метрики – фактору дистрибутивной вероятности DPF (Distributional Probability Factor, Рис.3), которая учитывает

$$\text{dpf}(x; y) = \frac{P(x, y)}{(P(x)P(y))^\alpha}$$

Рис. 3 / Fig. 3

фактор низкой частотности ключевых слов для исследуемого набора данных и рассчитывается по формуле, отображенной на Рис. 2. «Показатель степени

α – параметр чувствительности – число в диапазоне от 0 до 1, где 1 соответствует PMI без сглаживания» [12, с. 55]. Имеется пример кода на языке R⁹ для вычисления данной метрики. Мы перевели его на язык Python и адаптирова-

⁸ Код для расчета метрик PMI был подготовлен нами и доступен по ссылке: <https://github.com/Suhoi82/PMI.git>.

⁹ https://github.com/pnulty/continental-drift/blob/main/evert_stats.R

ли под наши задачи так, чтобы рассчитывать DPF с учетом направления связи между ключевыми словами¹⁰.

Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара

Вооружившись описанными инструментами, можно приступить к анализу данных.

Таблица 1 / Table 1.

Коллокационная матрица
Collocation matrix

1	علم	عمل	معرفت	یقین
2	جان (180)	علم (33)	همه (158)	جان (375)
3	همه (153)	نه (23)	صفت (113)	راه (326)
4	خود (150)	همه (22)	راه (108)	دل (299)
5	نه (128)	کار (22)	ره (108)	خود (273)
6	دل (122)	خود (20)	جان (103)	نه (263)
7	کار (118)	کن (18)	دل (98)	ره (242)
8	راه (97)	خویش (18)	خود (88)	پرده (225)
9	جهان (97)	دین (16)	یکی (71)	همه (213)
10	دین (94)	دل (15)	هرگز (70)	راز (185)
11	مرد (91)	بخش (15)	راز (65)	عشق (157)
12	عشق (89)	آید (15)	جهان (63)	جهان (149)
13	جهل (89)	روی (14)	عشق (63)	نور (145)
14	جمله (84)	جان (13)	کل (63)	کن (141)
15	پرده (80)	خواهم (12)	نه (62)	روی (138)

Для начала построим матрицу коллокаций для слов «действие», «знание» и его синонимов: «познание» (*ma'rifat*) и «аподиктичность» (*yaqīn*)

¹⁰ Код для расчета метрик DPF был подготовлен нами и доступен по ссылке: [Github](https://github.com/Suhoi82/DPF/blob/main/DPF4.0.py). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://github.com/Suhoi82/DPF/blob/main/DPF4.0.py> (дата обращения: 27.06.2025).

(Табл. 1)¹¹. В таблице приводятся наиболее частотные коллокации ключевых слов с показателем их вхождений в исследуемом корпусе.

Конкретные числовые значения нужны нам скорее для наглядности; существенно важнее та позиция, которую конкретный токен занимает в таблице совместной встречаемости. В таблицу, естественно, несмотря на фильтрацию попадают и слова, которые не значимы для данного исследования, как, например, слово *на(х)/нох*, которое в зависимости от контекста может означать «нет», «девять» или «положи/установи».

Первое, на что можно обратить внимание, – слово «знание» идет начальной коллокацией слова «действие», что весьма показательно: в подавляющем большинстве контекстов Аттар пишет о действии в его связи со знанием. То, что соседство слов «знание» и «действие» не случайно, можно дополнительно подтвердить за счет индекса PMI, который для этой пары чрезвычайно высок: 10,462, что свидетельствует об уникальности коллокации: вероятность того, что эти слова встретятся в корпусе вместе, более чем в 1000 раз выше, чем что они встретятся по отдельности. Метрика DPF также дает весьма высокие показатели вероятности совместной встречаемости этих слов в рассматриваемом корпусе: показатель DPF от знания к действию будет 8,34, в обратном направлении – 9,33. Высокие показатели DPF позволяют предполагать высокую степень семантической связанности между рассматриваемыми словами, а незначительное различие в показателях в зависимости от направления позволяет предположить, что слово «действие» может чаще выступать источником ассоциации по отношению к слову «знание», чем «знание» по отношению к «действию». Безусловно, на этот показатель прежде всего влияет различие данных слов по частотности употребления в корпусе.

Если мы посмотрим DPF для всех коллокаций слова «знание», то и здесь мы увидим высокую степень ассоциации¹²:

¹¹ Полная таблица всех коллокаций для данных ключевых слов доступна по ссылке: *Github*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://github.com/Suhoi82/colocations/blob/main/coll_Atтар_ilm_amal_ma'rifat-yaqin.xlsx (дата обращения: 27.06.2025).

¹² Файл таблицы доступен по ссылке: *Github*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://github.com/Suhoi82/colocations/blob/main/dpf_results_ilm_amal.xlsx (дата обращения: 27.06.2025).

Табл. 2 / Table 2.

Таблица индекса DPF для коллокаций слова «знание» ('илм)
DPF index table for the collocations of the word «knowledge» ('ilm)

1	Keyword	عمل	دل	مرد	عشق	جهل	جمله	برده	دين	جهان	راه	علم	همه	کار	خود	جان
2	عمل	-	-2.68	-4.16	-3.47	-1.41	-4.45	-4.46	-6.59	-4.74	-3.55	-9.33	-3.79	-5.38	-3.01	-1.55
3	دل	-1.75	-	-3.76	-5.22	-2.33	-3.88	-4.60	-4.17	-4.48	-4.15	-3.67	-4.28	-4.13	-4.18	-5.26
4	مرد	-3.09	-3.78	-	-4.09	-3.77	-4.04	-3.69	-5.30	-3.82	-4.95	-4.66	-3.63	-4.86	-3.98	-3.74
5	عشق	-2.44	-5.23	-4.07	-	-1.86	-4.09	-4.25	-3.58	-4.63	-4.43	-3.72	-3.86	-4.53	-4.44	-5.15
6	جهل	-0.82	-2.89	-4.37	-2.36	-	-4.34	-3.94	-4.02	-1.64	-5.14	-9.36	-3.10	-4.92	-4.99	-3.02
7	جمله	-3.37	-3.92	-4.05	-4.11	-3.75	-	-4.29	-3.42	-4.84	-4.55	-4.58	-5.13	-4.43	-4.62	-4.22
8	برده	-3.39	-4.63	-3.70	-4.27	-3.36	-4.29	-	-2.82	-4.46	-4.96	-4.67	-4.18	-4.39	-5.04	-4.21
9	دين	-5.49	-4.24	-5.35	-3.64	-1.41	-3.46	-2.85	-	-3.47	-4.71	-6.11	-4.02	-4.52	-4.25	-3.67
10	جهان	-3.63	-4.50	-3.81	-4.64	-1.23	-4.82	-4.44	-3.42	-	-3.76	-4.12	-4.89	-4.35	-3.95	-5.11
11	راه	-2.52	-4.16	-4.94	-4.43	-4.51	-4.53	-4.93	-4.65	-3.75	-	-4.20	-3.93	-4.20	-4.59	-4.09
12	علم	-8.34	-3.85	-4.82	-3.89	-8.89	-4.74	-4.82	-6.23	-4.29	-4.37	-	-4.26	-4.54	-4.44	-3.76
13	همه	-2.73	-4.29	-3.62	-3.85	-2.53	-5.10	-4.16	-3.95	-4.88	-3.92	-4.08	-	-4.65	-4.23	-4.13
14	کار	-4.24	-4.15	-4.85	-4.54	-4.29	-4.41	-4.37	-4.46	-4.35	-4.20	-4.36	-4.66	-	-4.52	-4.22
15	خود	-2.04	-4.18	-3.96	-4.43	-4.35	-4.59	-5.01	-4.18	-3.94	-4.59	-4.25	-4.23	-4.51	-	-4.51
16	جان	-0.88	-5.26	-3.71	-5.14	-2.45	-4.19	-4.18	-3.60	-5.09	-4.08	-3.58	-4.12	-4.21	-4.50	-

Стрелочками в таблице указано направление ассоциации.

Аналогичная картина будет и с другими коллокациями: нет ничего удивительного в том, что, если слова часто встречаются в корпусе совместно, их встреча, как минимум, не случайна.

Анализ причин колебания значения DPF в рамках каждой отдельно взятой пары ключевых слов может быть предметом специального лексикологического исследования. Нам же важно продемонстрировать высокую степень связанности данных ключевых слов. Мы не будем здесь приводить DPF метрику для всех исследуемых коллокаций, полагаем, что данного примера вполне достаточно для доказательства неслучайности коллокаций в матрице совместной встречаемости, приведенной в Табл. 1.

Мы уже отмечали, что Аттар, как и многие его предшественники, исходил из необходимости сочетания знания и действия¹³. Работая с текстами средневекового автора, исследователь не может не обратить внимание на частотность контекстов, где он говорит о единстве действия и знания, однако теперь машинный анализ позволяет нам привести статистическое подтверждение частотности такого рода контекстов.

Если же мы будем анализировать контексты слова «знание» ('илм), то здесь уже увидим иную картину: слово «действие» ('амал) вообще не попадает в выборку. Это связано с меньшей частотностью употребления в корпусе сочинений Аттара слова 'амал, чем слова 'илм. Слово 'амал, конечно, появится в выборке, когда очередь дойдёт до слов с показателем в 23 вхождения.

¹³ В частности, мы обращали на это внимание в статье Лукашев А.А. Теория действия в персоязычных суфийских сочинениях XII–XV вв. (традиция суфийских трактатов-маснави). *Философский журнал*. 2025. №3. (в печати)

Обратим внимание на то, что сами эти термины – «знание» и «действие» – существенно различаются по количеству вхождений в корпусе Аттара. Различие по частотности между ‘амал и ‘илм чуть более чем в десять раз – 34 против 308 вхождений соответственно. При всей важности идеи совмещения знания и действия на знании в творчестве Аттара сделан совершенно очевидный акцент. Показательно и то, что набор наиболее частотных коллокаций у этих слов не сильно различается. Для ключевых слов «знание» и «действие» общими будут токены «сам», «религия», «сердце», «мир», «душа».

Самыми частотными коллокациями ключевого слова «знание» в подборке в порядке убывания частотности оказываются слова: душа (*джāн*), весь (*хама*), сам/свой (*хūd*), сердце (*дил*), дело (*кār*), религия (*дйн*), путь (*рāх*) – наглядное свидетельство того, что Аттар в первую очередь интересуется именно религиозно-мистическое знание.

Приведём в качестве примера отрывок из поэмы Аттара «Поэма о тайнах», где встречается большинство из самых частотных коллокаций для ключевых слов «знание» и «действие» (для наглядности они выделены полужирным шрифтом):

Если бы ты шел по **пути религии**,

Ты бы страдал от **своей не-мужественности** (*нāмардй*).

Всякий, кого охватила боль по [духовному] **деланию** (*дард-и кār бигирифт*)¹⁴,
[Божественный] Возлюбленный (*дилдār*) овладел **всеми** его **душой** и **сердцем**.

Если однажды тобой овладеет такая боль,

Знание об аподиктическом (*‘илм ал-йақйн*) станет для тебя самым **аподиктическим** (*‘айн ал-йақйн*).

Всякий **мужчина** на этом **пути** приходит к боли [сердца],

Ибо вечное приданое (*кāvāйн*) невесты – боль¹⁵.

Речь, что возникает из [мистической] боли [сердца],

Делает **мужчиной** всякого, кто ее слышит.

Речь, что происходит от правдивого изречения **знания**,

¹⁴ Подробнее о боли как об одном из ключевых понятий аттаровского мистицизма см. [13].

¹⁵ Шафии-Кадкани полагает, что это аллюзия на хадис «Рай окружён трудностями, а Ад окружён страстями» [14, с. 357–358].

Есть требование (*дархвāст*) к нам от людей сердца (мистиков. – А.Л.).

И если ты, друг, обладаешь божественным (*ладуннй*) **знанием**¹⁶,

Твое **знание** будет ядром, а наше **знание** – скорлупой.

Обладея **знанием, действуй** в [соответствии со] своим **знанием**,

Знанием и действием открывай (*халл*) затем тайны (*асрār*) [14, с. 142].

Итак, данный фрагмент включает в себя сразу около половины самых частотных коллокаций для слов «знание» и «действие», что позволяет считать его уникальным с точки зрения репрезентации тезауруса выбранных ключевых слов. В нем также встречается и синоним '*илм/ма'рифат – йақин* (аподиктичность) в одной генетивной конструкции со словом '*илм* (для наглядности мы его также выделили полужирным шрифтом). Следует отметить, что словосочетание '*илм ал-йақин* относится к кораническим терминам и функционирует как устойчивое словосочетание.

Хотя Аттар, как и большинство его единомышленников, не отвергал общую для большинства исламских мыслителей систему онтологии, где разум и божественное знание занимают соответствующие им места, средневекового автора интересовало преимущественно мистико-антропологическое измерение вопроса метафизики действий. Знание для него – это в первую очередь религиозно-мистическое знание Единого Бога, которое оказывается условием для постижения Истины. Знание выступает в качестве основы для действия, обеспечивая его успех.

Важную роль в его рассуждениях играет эротическая составляющая: переживание истинного знания Аттар описывает через образ любовной боли, которую испытывает влюбленный, чувствуя себя недостойным своего Мистического Возлюбленного. Врожденное знание блага делает человека влюбленным в источник блага, а вместе знание и любовное стремление оказываются основой действия, поступка, что роднит взгляды Аттара с построениями Ибн Сины и неоплатоников, исходивших из того, что источником движения, в частности небесных сфер, является страстное устремление (*ташвīқ*) душ

¹⁶ Божественное (*ладуннй*) знание – досл. «знание при Мне», аллюзия на коранический аят: «И нашли они раба из Наших рабов, которому Мы даровали милосердие от Нас и научили его Нашему знанию» (Коран, 18:65). [15].

[16, с. 474]. В этом контексте понятнее становятся слова Аттара о свободе выбора:

В любви оставь свободу выбора (*ихтийār*):

Быть влюбленным не выбирают [17, с. 206].

Действительно, если рассматривать идеальную ситуацию, то человек действует в соответствии со знанием (данным ему Богом), направляя свое могущество (также дарованное Богом)¹⁷ на осуществление деяния своей волей. Роль последней здесь играет страстное влечение к объекту любви, так что о волюнтаризме здесь говорить не приходится. Цель – осуществить переход от *‘илм ал-йақӣн* (знание об аподиктическом) к *‘айн ал-йақӣн* – самой аподиктичности, чтобы, обладая аподиктическим знанием метафизических тайн, действовать в соответствии с этим знанием.

Близким по значению к слову «знание» (*‘илм*) является «познание» (*ма‘рифат*). На заре ислама эти слова были синонимами, однако со временем *ма‘рифат* приобрело более специальное, мистически окрашенное значение. В поэме «Уштур-нама» есть фрагмент, где Аттар поет гимн познанию *ма‘рифат*, по которому можно составить общее представление о том, как средневековый автор понимает этот термин. Далее мы приведем отрывок, где встречается максимальное количество ключевых слов из списка наиболее частотных его коллокаций. Это слова путь (*рāх*), душа (*джāн*), сердце (*дил*). Также в этом фрагменте встречаются другие ключевые слова, концептуально близкие к понятию «знание», это «аподиктический» (*йақӣн*) и «свет» (*нўр*).

Познание есть обретение **пути** к мудрости (*ҳикмат*),

Поспешание к ней.

<...>

Если бы не было **познания** и у Сифа,

Как бы он встал на [мистический] **путь** без стоянки [познания]?!

Если бы не было **познания** и у Халила (Авраама. – А.Л.)

Как бы он поставил **душу** и **сердце** на **путь** «сабїл»¹⁸?!

¹⁷ Здесь в качестве подтверждения можно привести другую цитату из Аттара: «Ты не ведаешь, что на базаре твоей природы // Кроме Истинного нет иного купца, [владеющего] могуществом» [18, с. 144].

¹⁸ *Сабїл* – коранический термин, обозначающий «путь». Часть устойчивого словосочетания «путь Аллаха» (*сабїл Аллах*)

Если бы не было **познания** у Аййуба (Иов. – А.Л.),
Что было бы со всеми этими его страданиями (*захмат*)?!
Если бы не было **познания** у Исаака (Исаака. – А.Л.),
Как бы возжелала (*муштāқ*) его **душа** убийства?!
Если бы не было **познания** у Закарии (Захарии. – А.Л.),
Как бы он в тот момент пожертвовал **жизнью** (*джāн*)?
Если бы не было **аподиктическим** (*йақйн*) **познание** Мусы (Моисея. – А.Л.),
Как бы **свет** (*нūr*) проявления стал **проводником** (*рāх бйн*, досл. «ведущим путь»)?! [9, с. 173]

Мы привели ограниченный фрагмент с восхвалением Аттаром познания из поэмы «Уштур-нама». Целиком отрывок, где Аттар подробно рассуждает о познании, занимает более тридцати бейтов подряд, кроме того, он неоднократно возвращается к этой теме в других местах поэмы. В данном случае мы можем увидеть на примере относительно небольшого фрагмента, в каком контексте Аттар употребляет интересующие нас ключевые слова. Причем здесь же мы встречаем и слово «свет», которое упоминали в начале статьи как одно из наиболее семантически близких для слов «знание» и «познание».

Обратившись непосредственно к тексту отрывка, мы увидим, что познание для Аттара есть активное стремление к мудрости. Последняя в суфизме связывается с божественной самостью и предполагает восхождение от познания этого мира к познанию его Творца [19, с. 326]. Показательно, что несмотря на «процессуальное» определение познания в начале рассматриваемого фрагмента как «обретение», «поспешание», то есть активное стремление, движение к мудрости, в большей части цитаты познание выполняет функцию атрибута, условия для успешности миссии каждого отдельно взятого пророка. В этом познание *ма‘рифат*, действительно, выполняет роль, аналогичную *‘илм* (знание). В теории действия, на которую опирались такие авторы, как Санаи, Аттар, Руми, воля направляет могущество на совершение акта на основании имеющегося у субъекта знания. В этом можно увидеть элемент детерминации, поскольку универсальным источником знания является Бог. На примере данного отрывка мы также видим, что душа и сердце в человеке

выступают получателями знания, а также тем, что благодаря полученному знанию стремится к источнику знания – Богу.

Субституирование слова «знание» (‘илм) словом «познание» (ма‘рифат) в фразеологеме «знание об аподиктическом» (‘илм ал-йақйн) является свидетельством их синонимичности.

Важной коллокацией слова «познание» является также «атрибут» (сифат), это вторая по частотности коллокация, но в ее окружении мы находим не так много частотных коллокаций из колонки «познание» (Табл. 1). Слова «познание» и «атрибут» семантически связаны, поскольку для Аттара познание мира есть, прежде всего, познание атрибутов¹⁹.

«Аподиктичность» (йақйн) означает совершенно убедительное знание [19, с. 804].

Если мы обратимся к корпусу сочинений Аттара, то там обнаруживается фрагмент, где встречается 9 из 15 приведенных в таблице коллокаций этого слова, причем представлены самые частотные из них. Это еще один фрагмент из «Уштур-нама»:

Следуй по пути (рāх кун), пока, возможно, не достигнешь [Друга],

[Пока], возможно, не получишь **свое** желаемое.

Поскольку в твоих руках [возможность] отдать **свою душу** (жизнь. – А.Л.),

Или **душу** отдай, или пройди весь предстоящий **путь**.

Поскольку в твоих руках [возможность] сжечь **себя**,

Ты должен обучиться [мистическому] делу у Него (Друга. – А.Л.).

Поскольку в твоих руках [возможность], чтобы так рисковать **душой** (жизнью. – А.Л.),

Непросто дело тех, кто так **душой** рискует.

Поскольку это в твоих руках, то рискни **душой**,

Распахни **покрывало, перед** (рӯй) **самим** [собой].

Поскольку [это] в твоих руках, из многих сомнений

Сделай винокурню последних времен.

Достижение Друга предпочти **своей душе**,

Пока однажды ты не узришь, как достигнешь Друга.

Пожертвуй (иқār кун) **своей душой**, о, несведущий,

¹⁹ См., напр., [5, Т. 1, с. 66, 294].

Чтобы ты сгорел, и не осталось следа [от твоего «я»].
Стань подобным Ему (Другу. – А.Л.), тем самым достигни [Друга] -
Говори от [лица] Истины и слушай Истину.
Если захочешь, это положение останется открытым для тебя,
Не трепещи, когда узришь саму **Тайну** (*pāz*).
[Или] если захочешь, [Тайна] останется за твоей **завесой**,
[Завесой] тебя, потерявшего несколько сказанных слов.
Я **все** это рассказал тебе, о **сердце**, узри [Истину],
Преодолей **себя**, чтобы сомнение превратилось в **аподиктичность**.
Все это я сказал тебе, **душа** [моя],
[Но мои слова тебе, как] **завеса** нескольких языков для речи.
[9, с. 208]

Данный фрагмент нуждается в подробном комментарии, который мы не можем здесь привести ввиду ограниченности объема статьи, поэтому сделаем акцент на значимых моментах. Прежде всего, нам важно, что здесь мы видим семантическое окружение самого слова *йақӣн*, а не фразеологемы *‘илм ал-йақӣн*. Для удобства наиболее частотные его коллокации выделены жирным шрифтом.

Первое, на что мы обращаем внимание, это то, что очевидность противопоставляется сомнению (*гумāн*). Сомнение эмоционально негативно окрашено, его следует превратить в очевидность, то есть от сомнений перейти к совершенной убежденности. Для этого нужно преодолеть себя, «пожертвовать душой», то есть жизнью, «рискнуть» ею, «отдать» ее, «сжечь» ее, в общем, лишиться себя. То, что отделяет мистика от метафизического Друга, – это «твоя завеса», то есть опять же завеса человеческого «я», которую он призван раскрыть, чтобы достичь Друга, соединиться с ним, и в этом будет заключаться сама мистическая Тайна.

В данном фрагменте аподиктичность (*йақӣн*) предстает формой мистического знания метафизической Тайны, знания принципиально не философского (не предполагающего какого бы то ни было сомнения). Вместе с тем мы видим здесь и то, что выбор человеком пути к этому знанию вполне свободен, Аттар многократно акцентирует на этом свое внимание, прямо говорит о том,

что все в руках человека. Тем не менее этот выбор ограничен двумя вариантами: полный отказ от себя ради достижения совершенной уверенности или пребывание за завесой своего «я». Если мы вспомним, что слово «неверие» (*куфр*), наряду со значением «отрицание», имеет также значение «скрывание», в том числе и скрывание за завесой, то становится понятно, что такой выбор для Аттара равносителен неверию. Как бы то ни было, верный выбор требует от человека не простого принятия внешней по отношению к себе воли, но активных действий по преодолению своего «я». Это путь мужчины, путь отважного воина, о чем Аттар заявляет, как понятно из всех трех приведенных выше фрагментов. Даже упоминание коранического слова «путь» (*сабиль*) отсылает нас к джихаду как борьбе на «пути Аллаха».

Осталось обратить внимание на еще одно немаловажное обстоятельство. Если мы внимательно рассмотрим Табл. 1, то увидим, что подавляющее большинство коллокаций интересующих нас ключевых слов повторяются во всех столбцах. Это означает, что в творчестве Аттара присутствует доминирующий дискурс, тематическое поле которого включает наиболее частотные слова корпуса. Эти же слова мы можем обнаружить как коллокации интересующих нас ключевых слов. Однако они свидетельствуют не столько о семантическом поле самих исследуемых слов, сколько о том дискурсе, в который они инкорпорированы. Чтобы это подтвердить, приведем список из двадцати самых частотных слов корпуса:

3646 جان:

3158 دل:

2931 خود:

2087 نه:

1865 همه:

1753 عشق:

1519 روی:

1476 ره:

1463 جهان:

کار: 1429

عالم: 1379

خون: 1332

راه: 1262

خویش: 1184

دست: 1051

مرد: 1035

دم: 999

پر: 991

خاک: 985

حق: 966

Здесь мы для наглядности выделили полужирным коллокации из Табл.1. Даже приведенные отрывки говорят о том, что Аттар, прежде всего, призывает своего читателя к тому, чтобы его душа/сердце освободилась от пут/завесы своего «я» и, движимая страстью, соединилась с мистическим Другом в опыте трансцендирования. Конечно, в этом не обойтись без таких фундаментальных, хотя и не столь важных для Аттара, понятий, как «знание», «действие», «познание», «уверенность». Подобно своим предшественникам мутакаллимам и более ранним представителям суфийской мысли, Аттар убежден в том, что в основе действия лежит знание, что действие происходит благодаря наличию у человека выбора, который он осуществляет между двумя вариантами действия, например, освободиться от своего «я» и познать Тайну или остаться за завесой неведения, как о том было сказано в последней из приведенных цитат. Это не отменяет статуса Бога как Творца всего сущего: каждая из доступных альтернатив существует благодаря Богу-Творцу. От модальности же человеческого выбора, оформленного в конкретном акте, зависит и религиозный статус человека, и его посмертная участь.

Закключение

Данная работа была призвана решить сложную задачу: реконструировать взгляды средневекового автора на вопрос, который он специально нигде не рассматривал, по возможности минимизировав фактор субъективности в отборе материала для анализа. Для этого мы привлекли методы количественного анализа текстов естественного языка (параллельно решив задачу атрибуции трёх поэм, приписываемых Аттару).

Количественные методы позволили нам увидеть очертания доминирующего дискурса в творчестве средневекового автора, а также соотнести с ним интересующий нас специальный тезаурус. Мы установили, что Аттар в целом следует опыту предшествовавших ему авторов – мистиков, философов, теологов.

Однако его цель – не утверждение рационализма, а, напротив, его преодоление ради обретения метафизического знания. Такое познание требует активных религиозно мотивированных действий (оно не пассивно, как бы о том ни писали исламские реформаторы XX в.). Вместе с тем нет и оснований для переоценки статуса действия в системе взглядов Аттара: оно вторично по отношению к знанию и частично детерминировано им.

Литература

1. Роузентал Ф. *Торжество знания: концепция знания в средневековом исламе*. А. В. Сагадеев (вступ. статья и примеч.). М.: Наука; 1978. 372 с.
2. Кирабаев Н.С. «Знание» и «действие»: ал-Газали и арабо-мусульманская философская традиция в контексте взаимодействия с философской культурой Византии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2023;27(2):201–215. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-201-215.
3. *Коран*. Саблуков Г.С. (пер. с араб.). 4-е изд. М.: АСТ, Северо-Запад Пресс; 2004. 481 с.
4. Аристотель. *Сочинения: в 4 т.* Доватур А.И., Кессиди Ф.Х. (ред.). Т. 4. М.: Мысль; 1983. 830 с.
5. Аттар Мухаммад б. Ибрахим. *Мантак ат-тайр*. Казим Дизфулийан (тасхих ва шарх). Тегеран: Талайе; 1378. 600 с.

6. Фарид ад-Дин 'Аттар. *Божественная книга (Илахи-наме): в двух книгах: [перевод]*. Лахути Л.Г. (подг. изд.). М.: Ладомир; 2022.
7. Федорова, Ю.Е. *Странствие в познании: опыт философского прочтения поэмы Фарид ад-Дина Аттара «Язык птиц»*. Смирнов А.В., Лахути Л.Г. (отв. ред.). М.: Садра; 2023. 286 с.
8. Лахути Л.Г. «Вижу Тебя в каждой частице»: глава о единобожии в маснави 'Аттара Асрар-наме. Филологический перевод с персидского (бейты 1-93). *Ориенталистика*. 2024;7(1):209–225. DOI: 10.31696/2618-7043-2024-7-1-209-225.
9. Аттар Мухаммад б. Ибрахим. *Уштур-нама*. Махди Мухаккик (ба кушиш). Тегеран: Анджуман-и асар ва мафахир-и фарханги; 1380. 216 с.
10. Моретти Франко. *Дальнее чтение*. Вдовин А., Собчук О., Шели А. (пер.). М.: Издательство Института Гайдара; 2016. 342 с.
11. Орехов Б.В. «Прочтение Моретти». *Croatica et Slavica Iadertina*. 2018;14/2(14):534–537.
12. Алиева О.В. Возможна ли цифровая история философии? *Историико-философский ежегодник*. 2024;39:266–304. DOI: 10.21146/0134-8655-2024-39-266-304.
13. Гаффари С. 'Унсур-и дард дар асар-и 'Аттар (Мантак ат-тайр, Мушибат-нама, Илахи-нама, Асрар-нама, Диван). *Пажухишнама-и «Урмезд»*. 1399/(1979);52:262–277.
14. 'Аттар Мухаммад б. Ибрахим. *Асрар-нама*. Шафии-Кадкани М-Р. (мукаддима, тасхих ва та'ликат). Тегеран: Сухан; 1386. 598 с.
15. *Коран* [Текст]. Крачковский И. Ю. (пер., комм.). 2-е изд. М.: Наука; 1990. 727 с.
16. Ибн-Сина. *Исцеление. Теология: в 2 т.* Ибрагим Т. (пер.) Т. 1. М.: ИВ РАН, изд-во ООО «Садра»; 2024. 718 с.
17. 'Аттар Мухаммад б. Ибрагим. *Диван, шамил-и касайд, газалият, тарджи'ат, таркибат ва футуват-нама*. Дарвиш М. (хаваши ва та'ликат). Тегеран: Сазиман-и чап ва интишарат-и Джавидан; 1359. 640 с.
18. Аттар Фарид ад-Дин. *Асрар-нама, Панд-нама, Газалият-и 'ирфаний-и Шайх Аттар Нишабури*. Мухаммад 'Аббаси (дамима-и фарханг-и лугат

и истилахат-и 'ирфани, ба мукаддима-и муфассал-и тахкики ва тарихи дар шарх-и ахвал ва асар). Тегеран: Китабфуруши Фахр Рази; 1363. 590 с.

19. Саджади Дж. *Фарханг-и истилахат ва та'бират-и 'ирфани*. Тегеран: Тахури; 1370. 814 с.

References

1. Rouzental F. *Torzhestvo znaniya: kontseptsiya znaniya v srednevekovom islame* [The Triumph of Knowledge: The Concept of Knowledge in Medieval Islam]. Sagadeev A.V. (preface, notes). Moscow: Nauka Press; 1978. 372 p. (In Russian)

2. Kirabaev N.S. "Znanie" i "deystvie": al-Gazali i arabo-musul'manskaya filosofskaya traditsiya v kontekste vzaimodeystviya s filosofskoy kul'turoy Vizantii ["Knowledge" and "Action": al-Ghazali and Arab Muslim Philosophical Tradition in Context of Interrelationship with Philosophical Culture of Byzantium]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):201–215 DOI 10.22363/2313-2302-2023-27-2-201-215. (In Russian)

3. *Quran*. Sablukov G.S. (tr.). Moscow: AST Pub., Severo-zapad Press; 2004. 481 p.

4. Aristotel'. *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 Vols]. Vol. 4. Dovatur A.I., Kessidi F.Kh. (eds). Moscow: Mysl' Press., 1983. 830 p. (In Russian)

5. 'Attar Muhammad b. Ibrahim. *Mantag al-Tayr* [The Language of the Birds]. Kazim Dizfuliyan (critical ed. and comm.). Tehran: Talaye Press; 1378. 600 p. (In Persian)

6. Farid ad-Din 'Attar. *Bozhestvennaya kniga (Ilakhi-name): v dvukh knigakh* [The Divine Book (Ilahi-nameh). In two books]. Lakhuti L.G. (tr.). Moscow: Ladomir Press; 2022. (In Russian)

7. Fedorova Yu.E. *Stranstvie v Poznanii: Opyt Filosofskogo Prochteniya Poemy Farid ad-Dina Attara "Yazyk Ptits"* [Pilgrimage to Knowledge: an Experience of Philosophical Interpretation of the Masnawi by Farid al-Din Attar "Mantiq al-Tair"]. Smirnov A.V., Lakhuti L.G. (eds). Moscow: Sadra Press; 2023. 286 p. (In Russian)

8. Lakhuti L. G. "Vizhu Tebya v kazhdoy chastitse": glava o edinobozhii v masnavi 'Attara Asrar-name. Filologicheskii perevod s persidskogo (beyty 1–93) ["I see Thou in every atom": the chapter on God's Unity in 'Attar's poem Asrar-

name. Line by line commented translation from Persian into Russian (couplets 1-93)]. *Orientalistika*. 2024;7(1):209–225. DOI: 10.31696/2618-7043-2024-7-1-209-225. (In Russian)

9. Attar Muhammad b. Ibrahim. *Ushtur-nama* [Camel-Book]. Mahdi Muhaqqiq (ed.). Tehran: Anjuman-i asar wa mafahir-i farhangi; 1380. 216 p. (in Persian)

10. Moretti Franko. *Dal'nee chtenie* [Distant Reading]. Vdovin A., Sobchuk O., Sheli A. (tr.). Moscow: Gaidar Institute Press; 2016. 342 p. (In Russian).

11. Orekhov B.V. "Prochtenie Moretti" ["A Reading of Moretti"]. *Croatica et Slavica Iadertina*. 2018;14/2(14):534–537. (In Russian).

12. Alieva O.V. Vozmozhna li tsifrovaya istoriya filosofii? [Is Digital History of Philosophy Possible?] *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook]. 2024;39:266–304. DOI: 10.21146/0134-8655-2024-39-266-30410.21146/0134-8655-2024-39-266-304 (In Russian).

13. Gaffari S. 'Unsur-i dard dar asar-i 'Attar (Mantaq al-tayr, Musibat-nama, Ilakhi-nama, Asrar-nama, Divan) [The Element of Pain in Attar's Works (Mantaq al-tayr, Musibat-nama, Ilakhi-nama, Asrar-nama, Divan)]. *Pazhuhishnama-i "Urmazd"*. 1399/(1979);52:262–277. (In Persian)

14. 'Attar Muhammad b. Ibrahim. *Asrar-nama* [Book of Mysteries]. Shafii-Kadkani M-R. (preface, ed.). Tehran: Sukhan Press; 1386. 598 p. (In Persian)

15. *Quran*. Krachkovskiy I. Yu. (tr.). 2nd ed. Moscow: Nauka Press; 1990. 727 p.

16. Ibn-Sina. *Istselenie. Teologiya* [The Book of Healing: Metaphysics]. Vols 2. Ibragim T. (trans. from Arabic). Vol. 1. Moscow: IOS RAS Publ., Sadra Publ.; 2024. 718 p. (In Russian).

17. 'Attar Mukhammad b. Ibragim. *Divan, shamil-i kasaid, gazaliyat, tardzhi'at, tarkibat va futuvat-nama* [Divan, including qasaid, ghazaliyat, tarji'at, tarkibat wa futuwat-nama]. Darvish M. (ed., comm.). Tehran: Saziman-i chap wa intisharat-i Javidan; 1359. 640 p. (In Persian)

18. Attar Farid ad-Din. *Asrar-nama, Pand-nama, Gazaliyat-i 'irfaniy-i Shaykh Attar Nishaburi* [Asrar-nama, Pand-nama, Ghazaliyat-i 'irfaniy by Shaykh 'Attar

А.А. Лукашев

Знание и действие в творчестве Фарид ад-Дина Аттара (количественные методы анализа)
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):315–339

Nishaburi]. Mukhammad ‘Abbasi (ed., preface, mystical terms dictionary). Tehran: Kitabfurushi Fahr Razi; 1363. 590 p. (In Persian)

19. Sajjadi J. *Farhang-i istilahat wa ta’birat-i ‘irfani* [Dictionary of the ‘Irfan terms and expressions]. Tehran: Tahuri Press; 1370. 814 p. (In Persian)

Информация об авторе

Лукашев Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Andrei A. Lukashev, Cand. Sc. (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 июня 2025
Одобрена рецензентами: 20 июня 2025
Принята к публикации: 26 июня 2025

Article info

Received: June 14, 2025
Reviewed: June 20, 2025
Accepted: June 26, 2025

أولويات الإفتاء في المذهب الشافعي

إ.أ. خاؤتييف^{1,2,3,4}، ب.س. اللّحام^{3,4}

¹كلية العلوم الإنسانية والتقنية، جامعة إنغوشيا الحكومية، مدينة نزران، الاتحاد الروسي

²معهد سونجا الإسلامي، مدينة سونجا؛ جمهورية إنغوشيا، الاتحاد الروسي

³أكاديمية بلغار الإسلامية، مدينة بولغار، جمهورية تنزانيا، الاتحاد الروسي

⁴جامعة دمشق، مدينة دمشق، الجمهورية العربية السورية

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2054-2719>, e-mail: ismail_kh1993@mail.ru

^be-mail: dr.badie.1959@hotmail.com

الملخص: تناول هذا البحث تقرير المنهجية التي سار عليها فقهاء الشافعية في اعتماد القول المفتى به في المذهب، وتشرح الأسباب التي دعت غالبية فقهاء القرن السابع الهجري ومن بعدهم إلى اعتماد ترجيحات الإمامين الجليلين الرافعي والتووي دون غيرهما، كما تتطرق بعد ذلك إلى الطريقة التي انتهجها فقهاء القرن الحادي عشر الهجري ومن بعدهم في اعتماد ترجيحات طبقة النظائر الذين جاؤوا بعد الإمامين كشيخ الإسلام زكريا الأنصاري، والعلّامتين شهاب الدين أحمد ابن حجر المكي، وجمال الدين محمد بن أحمد الرملي، وغيرهم، مشفوعاً ذلك كله ببيان من يعتمد عليه عند اختلاف المذكورين، وبيان شيء يسير من قواعد الترجيح، مع نقل ذلك كله من كلام محقق المذهب الأثبات؛ بغية جمع متفرق كلامهم في مكان واحد.

المفردات: الرافعي؛ التووي؛ زكريا الأنصاري؛ الهيتمي؛ الرملي؛ الفقه الشافعي؛ الترجيح؛ الإفتاء في المذهب الشافعي

للاقتباس: خاؤتييف إ.أ.، ب.س. اللّحام. أولويات الإفتاء في المذهب الشافعي. منبر. دراسات إسلامية.

2025;18(2): 340–357. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-340-357

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Приоритеты и методология издания фетв в шафиитском мазхабе

И.А. Хаутиев^{1, 2, 3а}, **Б.С. Аль-Ляххам**^{3, 4б}

¹Гуманитарно-технический колледж Ингушского государственного университета, г. Назрань, Российская Федерация

²Сунженский исламский институт, г. Сунжа; Республика Ингушетия, Российская Федерация

³Болгарская исламская академия, г. Болгар, Республика Татарстан, Российская Федерация

⁴Дамасский университет, г. Дамаск, Сирийская Арабская Республика

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2054-2719>, e-mail: ismail_kh1993@mail.ru

^бe-mail: dr.badie.1959@hotmail.com

Резюме: В данном исследовании рассматривается методология, которой следовали правоведы шафиитского мазхаба при определении основополагающего мнения (фетвы) в рамках своего учения. В статье объясняются причины, по которым большинство правоведов VII века хиджры и последующих периодов предпочли принять мнения двух великих имамов – ар-Рафи’и и ан-Навави, а не других. Также в статье анализируется подход, который использовали правоведы XI века хиджры и последующих периодов, принимая мнения таких выдающихся теоретиков, как шейх-аль-ислям Закариййа аль-Ансари, и ученых Шихаб-ад-дина Ахмада ибн Хаджара аль-Макки, Джамаль-ад-дина Мухаммада ибн Ахмада ар-Рамли и др. Кроме того, в статье разъясняется, чье мнение следует принимать в случае разногласий между упомянутыми учеными, и приводятся некоторые правила определения предпочтительности (тарджих) одного мнения другому. Всё это подкрепляется цитатами из трудов авторитетных исследователей мазхаба, изложенными с целью собрать их разрозненные высказывания в одном месте.

Ключевые слова: ар-Рафи’и; ан-Навави; аль-Хайтами; Закариййа аль-Ансари; ар-Рамли; шафиитский фикх; предпочтение (тарджих); вынесение фетв в шафиитском мазхабе

Для цитирования: Хаутиев И.А., Аль-Ляххам Б.С. Приоритеты и методология издания фетв в шафиитском мазхабе. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):340–357. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-340-357

Priorities and methodology of issuing fatwas in the Shafi'i madhhab

I.A. Khautiev^{1,2,3a}, B.S. Al-Lahham^{3,4b}

¹ Humanities and Technical College, Ingush State University, Nazran, the Russian Federation

² Sunzha Islamic Institute, Sunzha; the Republic of Ingushetia, the Russian Federation

³ Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation

⁴ Damascus University, Damascus, Syrian Arab Republic

^aDOI: <https://orcid.org/0009-0008-2054-2719>, e-mail: ismail_kh1993@mail.ru

^be-mail: dr.badie.1959@hotmail.com

Abstract: This article discusses the methodology followed by the scholars of the Shafi'i school of jurisprudence in determining the official opinion (fatwa) within the madhhab. It explains the reasons why the majority of jurists from the 7th century AH onwards adopted the opinions of the two great Imams, al-Rafi'i and al-Nawawi, over others. The article also touches on the approach taken by the jurists from the 11th century AH onwards, who relied on the opinions of prominent theorists such as Shaykh al-Islam Zakariyya al-Ansari, as well as the scholars like Shihab al-Din Ahmad ibn Hajar al-Makki, Jamal al-Din Muhammad ibn Ahmad al-Ramli, and the others. Additionally, the article clarifies whose opinion should be followed in case of disagreement among the mentioned scholars and provides some rules for preferring (tarjih) one opinion over another. All of this is supported by the quotations from the works of authoritative researchers of the madhhab, with the aim of compiling their scattered statements in one place.

Keywords: al-Rafi'i; al-Nawawi; Zakariyya al-Ansari; al-Haytami; al-Ramli; Shafi'i jurisprudence; preference (tarjih) ; issuing fatwas in the Shafi'i madhhab

For citation: Khautiev I.A., Badie al-Sayed al-Laham. Priorities and methodology of issuing fatwas in the Shafi'i madhhab. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):340–357. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-340-357

المقدمة

علم الفقه من أهم العلوم الإسلامية وأشرفها، به يعرف الحلال والحرام، ويحتاجه الخواص والعوام، وأربابه مصابيح الهدى، من تتضح بهم الحقائق، وتتكشف بفهمهم الدقائق.

وهذا بحث وجيز في إحدى الفوائد المذهبية الشافعية، وهي وإن كانت موجودة في متفرقات كتب المذهب، إلا أن جمعها في مكان واحد أجمع للفكر، وأضبط للذهن، وأعز على الاستحضار والتفكير.

يقول العلامة الزركشي في مقدمة قواعده: «أما بعد: فإن ضبط الأمور المنتشرة المتعددة في القوانين المتحدة هو أوعى لحفظها، وأدعى لضبطها، وهي إحدى حكم العدد التي وضع لأجلها، والحكيم إذا أراد التعليم لا بد له أن يجمع

بين بيّاتين: إجماليّ تشوّف إليه النفس، وتفصيليّ تسكن إليه» [1، ص 65].

ولذلك نجد الإمام النوويّ لمّا خصّص في كتابه «المجموع» فصلاً للكلام عن الأغسال المسنونة قال: «أُخْبِتُ موافقة الجمهور في ذكرها مجموعةً في موضع؛ فإنّه أحسن وأحوط وأنفع وأضبط» [2، ص 201].

وقد أوردتُ في هذا البحث ضابط الأولوية في المعتمد في الفتوى لدى الشافعية، مبيناً الأسباب التي دعت علماء المذهب لاعتماد هذه الأولوية، وربّته على النقاط التالية:

أ – تقديم الرافعيّ والنوويّ في الفتوى

ب – أسباب تقديمهما

ج – أولوية قول النوويّ رحمه الله

د – قواعد الترجيح بين أقوال النوويّ عند التعدّد

ه – تقديم قول النوويّ أغليّ

و – حكم ما سكت عنه الشّيخان

ز – الإفتاء بقول الهيئتي، وترتيب كتبه

ح – مكانة الجمال الرّمليّ في الفتوى

ط – أقوال أخرى في الفتوى الرَّاجحة في المذهب.

أ – تقديم الرافعيّ والنوويّ في الفتوى:

فقد اتّفق جمهور فقهاء الشّافعية أنّ المفتي في المذهب الشّافعيّ ليس له أن يعتمد على شيء من الكتب المتقدّمة على شيخه المذهب أعني الإمام عبد الكريم بن محمّد بن عبد الكريم أبا القاسم الرافعيّ (ت: 623هـ) صاحب (الفتح العزيز في شرح الوجيز، واخرّر وغيرهما من كتب المذهب) والإمام يحيى بن شرف أبا زكريّا النوويّ (ت: 676هـ) صاحب (روضة الطّالبيين وعمدة المفتين، ومنهاج الطّالبيين وعمدة المفتين، وغيرهما من كتب المذهب) إلّا بعد مزيد الفحص والتّحرّي، حتّى يغلب على الظّنّ أنّه المذهب، ولا يفتي بتتابع الكتب المتعدّدة على حكم واحد؛ فإنّ هذه الكثرة قد تنتهي إلى واحد، كما قاله العلامة ابن حجر [3، ص 39].

فالأصل في الاعتماد على الفتوى في المذهب الشّافعيّ إذاً هو: ما اتّفق الشّيخان الرافعيّ والنوويّ على تصحيحه، والتّعويل عليهما في هذا، ما لم يُجمع مُتَعَقِّبُو كلامهما على أنّه سهو.

يقول العلامة ابن حجر الهيئميّ في كتابه «الإيعاب»: «والرّأي أنّ الأصوب ما عليه الشّيخان أو النوويّ وأنّ كلّاً منهما أدري بمدارك المذهب ممّن جاء بعده وأنّه الحقيق بقول الشّاعر:

إذا قالت حذام فصدّقوها *** فإنّ القول ما قالت حذام

وقد أجمع المحققون على أنّ المفتي به ما ذكره¹

ب – أسباب تقديمهما:

وأما الأسباب التي دعت فقهاء المذهب للأخذ بقولهما واعتمادهما دون غيرها فهي عديدة أهمّها الأسباب التالية:

السبب الأول: أنّهما جمعا ما تفرّق من كلام الإمام الشافعيّ وأصحابه في المسائل الفرعية. وذلك لكثرة ما كان تحت يديهما من مصنفات الإمام الشافعيّ وأصحابه مع انتشارها وتفرّقها، ومما يدلّ عليه ما قاله الإمام النوويّ في مقدّمة كتابه «المجموع»: «وأخّصّ على تتبّع كتب الأصحاب من المتقدّمين والمتأخّرين إلى زماني من المبسوطات والمختصرات، وكذلك نصوص الإمام الشافعيّ صاحب المذهب رضي الله عنه» [4، ص 5].

السبب الثاني: اجتهدا في الاجتهاد في تحقيق المذهب وتنقيحه، حتّى صارا أدري بمدارك المذهب وأعلم بنصوص الإمام وكلام الأصحاب ممّن جاء بعدهما، وصار ما وقع منهما مخالفاً للنصّ أو لكلام الأصحاب، إنّما هو لموجب، علمه من علمه، وجهله من جهله، ولذلك لا يفتّر بكلام من يعترض عليهما بنصّ «الأمّ» أو كلام الأكثرين أو نحو ذلك²

السبب الثالث: براعتهما في معرفة المذهب، وتمكّنهما من الإحاطة بنصوصه.

ولذلك قال العلامة ابن السبكيّ مثنياً على الإمام الرافعيّ: «وأما الفقه فهو فيه عمدة المحقّقين، وأستاذ المصنّفين، كلّما كان الفقه ميتاً فأحياه وأنشده، وأقام عماده بعدما أماته الجهل فأقبره، كان فيه بديراً يتوارى عنه البدر إذا دارت به دائرته، والشمس إذا ضمّتها أوجهاً، وجواداً لا يلحقه الجواد إذا سلك طرقاً ينقل فيها أقوالاً ويخرج أوجهاً» [5، ص 282].

وقال العلامة ابن كثير في طبقاته مثنياً على الإمام النوويّ: «الحافظ الفقيه الشافعيّ النبيل، محرّر المذهب ومهذّبه وضابطه ومرتبّه» [6، ص 909 – 910].

السبب الرابع: أنّهما لا يتقيّدان في تصحيحهما إلا بقوة المدرك، ولا يتقيّدان بقول الأكثر ولا بغيره.

وقد ساق العلامة ابن حجر الهيتمي أدلّة على ذلك في كتابه «الإيعاب» منها على سبيل المثال قوله فيه: «ومما يدلّك على صحّة ذلك، أنّهما صرّحا بكراهة ارتفاع المأموم على الإمام، وعمّما ذلك فلم يقيّدها بمسجد ولا غيره، فحاشا بعض المتأخّرين واعترض عليهما بأنّه نصّ في «الأمّ» على أنّ محلّ كراهة ذلك في غير المسجد وتبعه كثيرون، وملّت

¹ أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. الإيعاب شرح العباب. مخطوط. القاهرة: المكتبة الأزهرية. رقم الحفظ في المكتبة: [457] 6765، [419] 2787، [5182] امباري 49284. ص 22

² أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. الإيعاب شرح العباب. مخطوط. القاهرة: المكتبة الأزهرية. رقم الحفظ في المكتبة: [457] 6765، [419] 2787، [5182] امباري 49284. ص 22

إلى موافقتهم زمناً طويلاً حتى رأيت للشافعي - رضي الله عنه - نصّاً آخر مصرّحاً بكرهه العلوّ في المسجد، فإنّه كره صلاة الإمام داخل الكعبة والمأموم خارجها، وعلّله بعلوّه عليهم، فانظر كيف علّماً أنّ له نصّين أحداً بأحدهما؛ لموافقته للقياس، من أنّ ارتفاع أحدهما على الآخر يُخلُّ بتمام المتابعة المطلوب بين الإمام والمأموم، وتركاً للنصّ الآخر؛ لمخالفته للقياس المذكور لا عبثاً؛ إذ مزيد ورعهما وشدة تحريمهما في الدين قاض بذلك، ولو أمعن بتفتيش كتب الشافعي - رضي الله عنه - والأصحاب لظهر أنّهما لم يخالفا نصّاً له إلا لما هو أرجح منه»³

وأما في «فتاويه الكبرى» فيقول ما نصّه: «على أنّ أتباع الأكثرين إنّما هو في الأكثر؛ وإلا فالشيخان كثيراً ما يخالفان الأكثرين بل وقع لهما في الإقرار أنّهما حكما عن الأكثرين فرعاً، وعن الصّيدلاني خلافه، وصوباً ما قاله الصّيدلاني وحده مع مخالفته لسائر الأصحاب» [7، ص 92].

هذا، وقد نبّه العلامة ابن حجر الهيتمي في «التحفة» على أنّ معرفة المدرك مهمّة لمن يريد معرفة المذهب، وإن قلّ القائلون به، فقال: «ومن ثمّ خالف الشافعي وأصحابه في مسائل كثيرة أكثر العلماء» [3، ص 20].

والمعنى بهذا: أنّ مخالفة أكثر العلماء للشافعي وأصحابه في مسائل كثيرة لعدم علمهم المدارك الراجحة في تلك المسائل التي أدركها الشافعي وأصحابه، كما قاله العلامة الشرواني محشّي «التحفة» [3، ص 41].

السبب الخامس: كمال ورعهما وشدة تحريمهما في الدين.

يقول ابن حجر في في «الفتاوى الكبرى» مشيراً إلى هذا السبب بكلمة جامعة: «أجمع من جاء بعدهما على أنّهما مبالغان في التحريم والاحتياط والحفظ والتحقيق والولاية والمعرفة والتحرير والتنقيح مبلغاً لم يبلغه أحد ممّن جاء بعدهما فكان اعتماد قولهما هو الأحرى والأحقّ والإعراض عن مخالفته هو الأولى بكل شافعي لم يصل لمرتبة من مراتب الاجتهاد» [7، ص 325].

السبب السادس: أدبهما مع العلماء، وأظنّ أنّ هذا السبب من أهميّة بمكان في جعل الله القبول لما حرّراه ونقّحاه، ومن ثمّ عوّل فقهاء المذهب على ما ذهبوا إليه من بيان القول المعتمد في المذهب، وانتفعوا بما ذكره، وكان موجّباً لعود بركة مصنّفاهما على غيرهما، والتوفيق فيها؛ لإصابة الحقّ والله أعلم.

ومن صور أدب الرافعي رحمه الله مع أئمة المذهب الذين سبقوه.. لَمَّا قال ابن حجر الهيتمي في «التحفة» في باب العدد: «والحاق الغزاليّ السّنة بما دونها، غلّطه فيه الرافعي»، نبّه العلامة ابن قاسم العبادي على أنّ الإمام الرافعي لم ينسب كلام الإمام الغزاليّ إلى الغلط، وإنّما عبّر عنه بالاختلال، ثمّ قال: «وفي التعبير بالتعليط من الفحش ما ليس في التعبير بالاختلال، فلا يليق نسبته لحجة الإسلام خصوصاً على لسان الرافعي المعروف بغاية التآدّب مع الأئمة وسلامة اللسان من الفحش معهم كما مدحوه بذلك، والله أعلم» [8، ص 240]

وأما الإمام النوويّ فلو لم يكن من أدبه إلا اجتنابه التعبير عن أقوال الإمام الشافعيّ المرجوحة بما يشعر بالضّعف، وعدوله عن ذلك إلى التعبير بما يشعر بالخفاء؛ لكفاه ذلك، والله أعلم.

³ أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. الإيعاب شرح العباب. مخطوط. القاهرة: المكتبة الأزهرية. رقم الحفظ في المكتبة: [457] 6765، [419] 2787، [5182] ابياي 49284. ص 22

أقول: لعلّ هذه الأسباب التي تقدّم ذكرها وغيرها ممّا لم أذكره كان لها الدور الأكبر في عكوف علماء المذهب على كتبهما، والاعتماد على تصحيحهما، وأكّدوا على تقديمهما على غيرهما، والله أعلم.

ج - أولوية قول التّوويّ رحمه الله:

إذا تفرّر أنّ القول المعتمد هو ما صحّحه الشّيخان الرّافعيّ والتّوويّ، فمن المقدّم عند اختلاف ترجيحهما؟

الجواب: إنّ قول الإمام التّوويّ هو المقدّم.

والسؤال هنا: إن تعارض ترجيح التّوويّ نفسه، فما هو المقدّم؟

نجد جواب ذلك عند ابن حجر الهيتمي رحمه الله تعالى إذ نصّ على ذلك في «التحفة» مرتباً كتب التّوويّ في الاعتماد قائلاً: «التّحقيق»، ف«المجموع»، ف«التنقيح»، ف«الروضة»، ف«المنهاج»، ونحو «فتاواه»، ف«شرح مسلم»، ف«تصحيح التنبيه» و«نكتته» [3، ص 39]

ثمّ قال ابن حجر: «وهذا تقريب؛ وإلا فالواجب في الحقيقة عند تعارض هذه الكتب مراجعة كلام معتمدي المتأخّرين واتّباع ما رجّحوه منها» [3، ص 39].

فقول ابن حجر - وهو أنّ ترتيب كتب الإمام التّوويّ ترتيب تقريبي - يؤخذ منه أنّه لا يعمل في تأليفه بقاعدة تقديم المتأخّر على المتقدّم؛ لعدم العلم بترتيب كتبه، بل الذي يظهر: أنّه كان يكتب كتباً متعدّدة في آن واحد؛ يكتب في هذا شيئاً، ثمّ ينتقل إلى الآخر، ثمّ يعود إلى الثّالث، وهكذا.

ولذلك نجده يقول في «شرح المهذب»: «وقد نبّهت عليه في الروضة»..

ويقول في «الروضة»: «وقد أوضحت ذلك في شرح المهذب»..

ويقول في «شرح صحيح مسلم»: «وقد أوضحتها في أول شرح المهذب»..

ويقول في «شرح المهذب»: «وقد أوضحت شرحه في أول شرح مسلم».

وخير شاهد على ما ذكر، ما قرّره في مسألة سنّية «صلاة التّسبيح» إذ قال في كتاب «تهذيب الأسماء واللّغات» بأنّ صلاة التّسبيح سنّة حسنة، ثمّ قال بعد ذلك: «وقد أوضحتها أكمل إيضاح، وسأزيدها إيضاحاً في «شرح المهذب» مبسّطة إن شاء الله تعالى».. [9، ص 144]

ثمّ وجدناه يقول في «شرح المهذب»: «قال القاضي حسين وصاحب «التهذيب» و«التّمتّة» والروايّ في أواخر كتاب الجنائز من كتابه «البحر»: يستحبّ صلاة التّسبيح؛ للحديث الوارد فيها، وفي هذا الاستحباب نظر؛ لأنّ حديثها ضعيف، وفيها تغيير لنظم الصّلاة المعروف، فينبغي ألاّ يفعل بغير حديث، وليس حديثها بثابت» [10، ص 54].

ولذلك قال ابن حجر الهيتمي في «حاشية الإيضاح»: الحقّ أنّه لا بدّ من نوع تفتيش؛ فإنّ كتب المصنّف -

الإمام التّوويّ – نفسه كثيرة الاختلاف فيما بينها، فلا يجوز لأحد أن يعتمد ما يراه في بعضها حتّى ينظر في بقية كتبه أو أكثرها، أو يعلم أنّ ذلك الحّل قد أقرّه شارحه أو المتكلّم عليه، الذي من عادته حكاية الاختلاف بين كتبه وبيان المعتمد من غيره. [11، ص 17].

وقال في «التّحفة»: ويقع للمؤلف تناقض بين كتبه في التّرجيح ينشأ عن تغيير اجتهاده فليعتن بتحرير ذلك من يريد تحقيق الأشياء على وجهها [3، ص 233].

د – قواعد التّرجيح بين أقوال التّوويّ عند التّعدد:

ذكر علماء المذهب قواعد يُستعان بها في التّرجيح بين ما وقع في كتب التّوويّ من اختلاف، وهي:

– أنّه يقدّم ما اتّفق عليه أكثر كتبه على ما اتّفق عليه الأقلّ منها غالباً.

– ما كان في بابه مقدّم على ما جاء في غيره غالباً، كما قاله ابن حجر؛ لأنّ الاعتناء بتحرير ما فيه أكثر [12، ص 416].

وقول ابن حجر «غالباً» في بيان التّرجيح بين كتب الإمام النّوويّ والتّرجيح بين ما قاله في بابه على ما قاله في باب آخر، نبّه به ابن حجر على أنّ هذه القاعدة – أعني: قاعدة تقديم ما ذكر – أغلبية، لا كلبية، والله أعلم.

هـ – تقديم قول التّوويّ أغلبي:

إذا لم نجد للإمام التّوويّ ترجيحاً في المسألة، فالتّعويل على قول الإمام الرّافعيّ، كما قاله ابن حجر في «التّحفة» [3، ص 39].

وقد علّق ابن قاسم في حاشيته على قول العلامة ابن حجر في تقديم قول الإمام التّوويّ على قول الإمام الرّافعيّ بأنّه أغلبيّ، فقال: «ينبغي أن يقال (غالباً) وإلا فقد اعتمد بعض مشايخنا ممّن له غاية الاعتناء بهما ما قاله الرّافعيّ في نظر الأمر» [3، ص 39].

و – حكم ما سكت عنه الشّيخان:

هذا، وأمّا إذا لم يبيّ عن الشّيخين الرّافعيّ والنّوويّ أو عن أحدهما ترجيح أو تصحيح في المسألة فإنّ الناظر في المسألة ليس له إلّا الحالين:

الأولى: أن يكون من أهل الاجتهاد يعرف أصول المذهب وقواعده فيفتي بما ترّجح عنده من أقوال الإمام الشّافعيّ وأصحابه النّافلين عنه.

قال السيّد عمر البصريّ في فتاويه في ضمن إجابة له عن بعض مسائل سجود السهو: «وأما مسألة الذّكر السابقة، فقد تعارض فيها ترجيح فتيين من المتأخّرين، وحاصل ما يقال فيها وفي نظائرها: أنّ المتأهّل للتّرجيح بما منحه

الحق تعالى من التبخر في المذهب، والإحاطة بقواعده، وحصول الملكة التامة من العلوم الإلهية المحتاج إليها في ذلك، يبذل جهده، ويستفرغ وسعه» [10، ص 164].

ولا يجوز لمن بلغ درجة الاجتهاد والترجيح أن يفتي بالقول الضعيف في المذهب، وإن ترجح عنده غيره؛ لأنه يسأل عن الرّاجح في مذهب ذلك الإمام، لا عن الرّاجح عنده كما قاله ابن حجر في «فتاويه» [6، ج: 4، ص 317].

الثانية: أن لا يكون قد بلغ مرتبة الاجتهاد فيفتي بكلام المتأخرين الذين وقع الاتفاق على جلاله مصنفاتهم واعتمادها من محققي المذهب.

لا شك أن هذا الصنف من العلماء الموجودين بيننا يجوز لهم الإفتاء بكلام المتأخرين المتفق على جلالتهم كشيخ الإسلام زكريا الأنصاري، ومن جاء بعده من المحققين.

ولذلك قال العلامة محمد الكردي (ت: 1194هـ) فقيه الشافعية في الديار الحجازية في عصره في كتابه «كاشف اللثام»: «المتداول في هذه الأزمان، في هذه الأماكن، في أيدي من هو أجل منا من المشايخ المقلدين للإمام الشافعي - رضي الله عنه - من كتب الفقه؛ كتب شيخ الإسلام زكريا الأنصاري (ت: 926هـ)، والشهاب أحمد الزملي (ت: 957هـ)، والشمس محمد الشربيني الخطيب (ت: 977هـ)، والشهاب أحمد بن حجر المكي (ت: 974هـ)، والجمال محمد الزملي ابن الشهاب (ت: 1004هـ) - رحمهم الله جميعاً - وما وضع على كتبهم من حواشٍ وغيرها» [11، ص 45].

ثم وقع الخلاف في: أي هؤلاء الأعلام يعتمد قوله حال الاختلاف بينهم؟ على أقوال:

الأول: أن المعتمد ما اتفق عليه العلامتان ابن حجر، والشمس الزملي، وأنه لا تجوز الفتوى بكتب غيرهما إذا خالفت ما اتفقا عليه، أو كانت مخالفة لأحدهما.

وقد ذهب إلى هذا الرأي جماعة من فقهاء المذهب، وذكر العلامة الكردي في «الفوائد المكية» عن شيخه العلامة محمد سعيد سنبل حكاية اتفاق أئمة المذهب عليه [12، ص 188].

وعلى هذا يتخير المفتي في المذهب الشافعي بين قول من أراد من الشهاب أحمد ابن حجر المكي، والجمال محمد الزملي إذا اتفقا في مسألة معينة ما لم يجمع متعقبو كلامهما على أنه سهو، على وزان ما سبق في الكلام على الشيخين الرافعي والنووي.

والاعتماد على ما رجحاه جاء بسبب ما كان عندهما من التفوق والتقدم في المذهب الشافعي.

يقول العلامة الكردي في «المواهب المدنية» مثنياً عليهما: «اعلم أن كلاً من الإمامين المذكورين عمدة العلماء الأعلام، حجة الله على الأنام، حامل لواء مذهب الشافعي على كاهله، محرر مشكلاته وكاشف عيوباته بذكره وأصائله، وقد نالا بما بذلا فيه نفوسهما أعلى الحرائث، حتى كاد أن يقال: إنهما أئمة أن يعززا بثالث» [13، ص 103].

على أن كلام شيخ الإسلام زكريا الأنصاري، والعلامة ابن زياد [عبد الرحمن بن عبد الكريم من أهل زيد

(975 هـ)، والعلامة الشَّهاب الزَّملِّي، والعلامة الخطيب الشَّريبي، وغيرهم من نظرائهم؛ لا يخرج في الغالب عن كلام العلَّامتين ابن حجر والزَّملِّي، كما ذكره سعيد بن محمَّد باعشن في «بشري الكريم» [14، ص 43].

هذا، والذي سبق ذكره من اعتماد غير المتأهل للإفتاء على ما ذهب إليه العلَّامتان ابن حجر والزَّملِّي هو ما لم يختلفا، أمَّا إذا وقع الاختلاف في بيان الرَّاجح في المذهب بين قوليهما، فبعض علماء المذهب ذهبوا إلى أنَّ المعتمد ما قاله ابن حجر، في حين أنَّ الآخرين ذهبوا إلى اعتماد ما قاله العلامة الزَّملِّي في كتبه خصوصاً في كتابه: «نهایة المحتاج»؛ لأنَّها قرئت عليه إلى آخرها في أربع مئة من العلماء، فنقدوها وصحَّحوها؛ فبلغت الغاية في الدقَّة والصَّحَّة..

وقد ذكر الشَّيخ عمر القره داغي (ت: 1355 هـ) تفصيلاً آخر في طريقة أقوال المتأخِّرين، فقال: «الذي اعتقد: أنَّ ابن حجر أعلى كعباً من الزَّملِّي، فينبغي لمن لم يتأهل للترجيح الإفتاء بكلامه عند مخالفة الزَّملِّي له، سواء لم يكن لشيء منهما موافق أو كان، وإن كان موافق الزَّملِّي أكثر، فإن كان للزَّملِّي موافق كالخطيب، ولم يكن لابن حجر موافق، أو صرَّح من بعدهما بترجيح قول الزَّملِّي؛ فالفتوى به أحسن» مع العلم أنَّ ابن حجر تابع لشيخ الإسلام زكريَّا الأنصاري في كثير من ترجيحاته، كما أنَّ محمَّد الزَّملِّي تابع والده أحمد الزَّملِّي في أكثر ما رجَّحه [15، ص 42].

ثمَّ إذا لم يتعرَّض أحد من الشَّيخين بشئ فيفق بكلام شيخ الإسلام زكريَّا الأنصاري، ثمَّ بكلام الخطيب الشَّريبي، ثمَّ بكلام الزَّيادي، ثمَّ بكلام ابن قاسم العبَّادي، ثمَّ بكلام عَميرة، ثمَّ بكلام علي الشَّبراملسي، ثمَّ بكلام نور الدِّين الحلبي، ثمَّ بكلام شمس الدِّين الشُّوبري، ثمَّ بكلام العناني، ما لم يخالفوا أصول المذهب [15، ص 42].

ز – الإفتاء بقول الهيئتي، وترتيب كتبه:

ثمَّ الواقع عملياً عند فقهاء الشَّافعية إذا اختلف ترجيح القول المعتمد في المذهب للعلَّامة ابن حجر في كتبه تقديم كتاب «تحفة المحتاج»، وتقديمه جاء بسبب أنَّه من أواخر مصنفاته؛ والقاعدة في هذا الباب: أنَّه يفتى بالمتأخَّر على المتقدِّم؛ ولأنَّ فيها من الإحاطة بنصوص الإمام الشَّافعي، مع مزيد تتبع المؤلِّف فيها، ولقراءة المحقِّقين الذين لا يحصون كثرة لها عليه.

والذي ينبغي تقريره: أنَّه إذا لم يوجد للمسألة نصٌّ في «التَّحفة»، اتَّبع في ذلك القاعدة المعروفة، وهي تقديم المتأخَّر على المتقدِّم؛ فإنَّ كتب العلَّامة ابن حجر معلومة التَّرتيب غالباً؛ فإنَّه كان ينصُّ على تواريخ تأليفه لها، فيكون ترتيب كتبه ووسائله الفقهيَّة؛ بناء على سني التَّأليف، كالآتي:

– كتاب «تحفة المحتاج»؛ لأنَّه أعمد مؤلَّفاته للأسباب التي تقدَّم بيَّانها، ولأنَّه من أواخر مؤلَّفاته الفقهيَّة فيما يظهر، وقد كتبه سنة (٩٥٨ هـ)..

– ثمَّ «رفع الشَّبه والريب»؛ فقد كتبه في السَّنة نفسها..

– ثمَّ «كفَّ الرِّعاع»؛ فإنَّه كتبه في السَّنة نفسها كذلك؛ لكن قبل أن يُتمَّ «التَّحفة»..

– ثمَّ «تحرير المقال»، وقد كتبه سنة (٩٥٧ هـ)..

- ثم «الانتباه»، وقد كتبه سنة (٩٥٤هـ)..
- ثم «حاشيته على رسالة باقشير في الحيض»، وقد كتبها سنة (٩٥٣هـ)..
- ثم «الإتحاف»، وقد كتبه في رمضان سنة (٩٥٢هـ)..
- ثم إتحاف أهل الإسلام، وقد كتبه بداية سنة (٩٥٢هـ)..
- ثم «فتح الجواد»، وقد كتبه سنة (٩٥١هـ)..
- ثم «إتحاف ذوي المروءة والإنافة»، وقد كتبه سنة (٩٥٠هـ)..
- ثم «تنوير البصائر»، وقد كتبه سنة (٩٤٩هـ)..
- ثم «سوابغ المدد»، وقد كتبه سنة (٩٤٦هـ)..
- ثم «المنهج القويم»، وقد فرغ منه سنة (٩٤٤هـ)..
- ثم حاشية الإيضاح»، وقد كتبها سنة (٩٣٩هـ)..
- ثم «مختصر الإيضاح»، وقد كتبه سنة (٩٣٣هـ)..
- ثم «الإمداد»، ثم «الإيعاب» و«فتاواه»..
- هذا، وينبغي بناءً على القاعدة المذكورة أن يُقدّم على «التحفة» حاشيته على «فتح الجواد» وعلى «التحفة»؛ فإنه كتب «حاشية فتح الجواد» سنة (٩٧٢هـ)، وكتب «حاشية التحفة» سنة (٩٧٤هـ)، وهي سنة وفاته، بينما تقدّم أنه فرغ من «التحفة» سنة (٩٥٨هـ)
- كما ينبغي أن يُقدّم عليها كذلك «رسالة قرّة العين»؛ فإنه كتبها سنة (٩٦٢هـ).
- ومن أمثلة ما اختلف فيه قوله بين «التحفة» و«حاشيتها»: مسألة الوضوء بفضل المرأة؛ فقد نصّ في «التحفة» على أنه مكروه، بينما نصّ في «حاشيتها» على عدم كراهتها، فينبغي أن يكون الثاني هو الرأي المعتمد⁴
هذا، وقد ذكر الشيخ عمر القره داغي في كتابه «المنهل النّصّاح»: أنه ينبغي أن يعتبر في كتب ابن حجر ما سبق ذكره في كتب الإمام النووي، من أنّ الواجب عند تعارضها مراجعة معتمدي المتأخرين، واتّباع ما رجّحوه منها [15]، ص 41.

ح - مكانة الجمال الزملي في الفتوى:

أمّا العلامة الزملي، فالمقرّر أنّ المفتي به في المذهب ما نصّ عليه في «نهاية المحتاج»؛ لأنّ هذا الكتاب قرئ على المؤلف ونقد وصحّح كما سبق؛ ولأنّه من أواخر مؤلفاته.

⁴ أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. حاشية تحفة المحتاج. مخطوط.

لكن قال العلامة الكردي في «الفوائد المدنية» ما نصّه: «ينبغي أن يكون جميع ما في «شرح الجمال الرملي على الإيضاح» ممّا يخالف «نهایته» هو المعتمد؛ وذلك لتأخّر «شرح الإيضاح» عن «النهایة»؛ فإنّه شرع في تأليف نهایته في شهر ذي القعدة الحرام سنة ثلاث وسبعين وتسع مئة، وكان شروعه في «شرح الإيضاح» في حال مجاورته بمكة المشرفة سنة تسعين وتسع مئة، وكان فراغه من تأليفه في شهر ذي الحجة الحرام، ختام سنة تسعين وتسع مئة».

وينبغي كذلك - بناء على القاعدة المذكورة من تقديم المتأخّر على المتقدم - أن يقدم على «النهایة» «شرح هداية الناصح»، المسمى بـ«عمدة الزايع»؛ فإنّه فرغ من تأليفه سنة (977هـ).

ط - أقوال أخرى في الفتوى الراجعة في المذهب:

هذا، والذي ذكرناه هو القول الأول للجماعة من فقهاء الشافعية، وهناك قولان آخران في بيان المعتمد عند المتأخّرين، وهما:

الأول: جواز الفتوى بما رجّحه العلامة ابن حجر والرملي أو غيرهما من أجلّاء المتأخّرين.

وقد ذهب إلى هذا الرأي العلامة الكردي في «الفوائد المدنية»، والشيخ سعيد باعشن في «بشرى الكريم» والشيخ عمر القره داغي في «المنهل النصّاح».

يقول العلامة الكردي بعدما نقل آراء العلامة ابن حجر والعلامة الرملي والعلامة الشريبي في مسألة الصيام بقول الحاسب والمنجّم، ما نصّه: «فهذه ثلاثة آراء متكافئة أو قريبة التكافؤ، يجوز تقليد كلّ منها» [16، ص 77].

وقال في موضع آخر: «وكيف لا يجوز الإفتاء بكلام شيخ الإسلام زكريّا، وهو إمام المذهب وشيخ مشائخ الإسلام».

لكن جواز الإفتاء بأقوال واحد من المذكورين مشروط بالألّا يجمع من بعدهم على أنّ ما ذكره سهو أو ضعيف، أو خارج عن المذهب، قال الشيخ سعيد باعشن في كتابه «مواهب الديّان»: «وهو نادر».

والثاني: أنّ المعتمد ما عليه الأكثرون، وهو رأي العلامة زين الدّين الملباري، وقال به الشيخ محمد طاهر القارخي الدّاغستاني احتياطاً، ونصّ كلامه: «ثمّ الأحوط لمن له بدينه اهتمام، وللحقّ تطلّب وعليه إمام؛ تمسك ما عليه أكثرهم، فضلاً عن اتّباع ما تفرّد به واحد منهم خلاف ما عليه غيره منهم» [18، ص 587]، [19، ص 123].

النتائج:

1. تقديم الشّيخين الرّافعيّ والتّوويّ كمصدرين معتمدين في الفتوى الشّافعية:

اتّفق جمهور فقهاء الشّافعية على اعتماد تصحيحات الإمامين الرّافعيّ والتّوويّ كأساس للفتوى، وذلك؛ لتمكّنهما من جمع نصوص الإمام الشّافعيّ وأصحابه المتناثرة، وتحقيقهما للمذهب بدقّة، ويرجع ذلك إلى:

- جمعهما لمتفرقات المذهب وتمحيصها، مع توافر مصادر كثيرة لديهما لم تكن متاحة لمن جاء بعدهما

— براعتهم في الاستنباط وإحاطتهم بنصوص المذهب، حتى صاروا أدرى بمداركه من المتأخرين.
— عدم تقييدهما بآراء الأكثرية، بل اعتمادهما على قوة الدليل، حتى لو خالفا نصوصاً سابقة فإمّا هو لموجب راجح.

2. أسباب تفضيلهما على غيرهما:

— الاجتهاد في التنقيح: بذلا جهوداً غير مسبقة في تنقيح المذهب وتحريره، ممّا جعلهما المرجع الأوثق.
— الورع والتحرّي والأدب العلمي: تميّزا بالدقّة في النقل والتحقّق من الأدلّة، وتعاملا باحترام مع سابقيهما مع تجنّب الانتقاد اللاذع لأئمة المذهب، ممّا أكسبهما قبولاً واسعاً.

3. أولوية قول النووي عند التعارض:

— يُقدّم قول النووي على الرافعي عند الاختلاف غالباً؛ لكونه أكثر تحريراً للمذهب، خاصّة في كتبه المتأخّرة
«كـ» المجموع» و«الروضة».

— ومع ذلك، يُلجأ إلى ترتيب كتب النووي وفقاً لزمان تأليفها؛ كتقديم «المجموع» على «المنهاج»، مع مراعاة
تغيّر اجتهاده في بعض المسائل.

4. حكم المسائل التي لم يصّر بها:

— إذا لم يرد عن الشّرخين رأي، يُرجع إلى أهل الاجتهاد القادرين على التّرجيح بين أقوال الأصحاب بناءً على
أصول المذهب.

— أمّا غير المجتهد، فيعتمد على مصنّفات المتأخّرين المعتمدين؛ كشيخ الإسلام زكريّا الأنصاري، وابن حجر
الهيتمي، والجمال الزملي، والشّربيني؛ لكونهم جمعوا بين تحقيق المذهب وضبطه.

المصادر والمراجع

1. أبو عبد الله بدر الدّين محمد بن عبد الله بن بهادر الزّركشي الشّافعي. المنشور في القواعد الفقهيّة. ج 1. الكويت: وزارة الأوقاف الكويتيّة؛ 1405هـ – 1985م. 435 ص.
2. أبو زكريّا محيي الدّين يحيى بن شرف النووي. المجموع شرح المهذّب. ج 2. القاهرة: دار الفكر. 603 ص.
3. أحمد بن محمد بن عليّ بن حجر الهيتمي. تحفة المحتاج بشرح المنهاج مع حواشي الشّروانيّ والعبادي. ج 1. بيروت: دار إحياء التّراث العربيّ؛ 1983م. 505 ص.
4. أبو زكريّا محيي الدّين يحيى بن شرف النووي. المجموع شرح المهذّب. ج 1. القاهرة: دار الفكر. 530 ص.
5. تاج الدّين عبد الوهاب بن تقي الدّين السّبكي. طبقات الشّافعيّة الكبرى. ج 8. الجيزة: دار هجر للطباعة والنّشر والتّوزيع؛ الطّبعة: 2؛ 1413هـ. 418 ص.

6. أبو الفداء إسماعيل بن عمر بن كثير القرشي البصري ثم الدمشقي. طبقات الشافعيين. القاهرة: دار مكتبة الثقافة الدينية. 955 ص.
7. أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. الفتاوى الفقهية الكبرى. ج 4. بيروت: دار المكتبة الإسلامية. 394 ص.
8. أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. تحفة المحتاج بشرح المنهاج مع حواشي الشرواني والعبادي. ج 8. بيروت: دار إحياء التراث العربي؛ 1983 م. 488 ص.
9. أبو زكريا محيي الدين يحيى بن شرف النووي. تهذيب الأسماء واللغات. ج 3. بيروت: دار الكتب العلمية. 487 ص.
10. أبو زكريا محيي الدين يحيى بن شرف النووي. المجموع شرح المهذب. ج 4. القاهرة: دار الفكر. 607 ص.
11. أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. حاشية الإيضاح. مكة: دار مكتبة الأسد. 596 ص.
12. أحمد بن محمد بن علي بن حجر الهيتمي. تحفة المحتاج بشرح المنهاج مع حواشي الشرواني والعبادي. ج: 9.. بيروت: دار إحياء التراث العربي؛ 1983 م. 409 ص.
13. محمد بن سليمان الكردي. المواهب المدنية. القاهرة: دار الفرقان. 536 ص.
14. سعيد بن محمد باعلي باعشن الدوعني الرباطي الحضرمي الشافعي. شرح المقدمة الحضرمية المسمى بـشري الكريم بشرح مسائل التعليم. جدة: دار المنهاج؛ الطبعة: 2؛ 2021 م. 720 ص.
15. عمر بن محمد القره داغي. المنهل النضاح في اختلاف الأشياخ. بيروت: دار البشائر الإسلامية؛ الطبعة: 1؛ 2007 م. 382 ص.
16. محمد بن سليمان الكردي. فتاوى الكردي. القاهرة: دار مطبعة مصطفى محمد. 578 ص.
17. أحمد بن محمد المليباري. فتح المعين بشرح قرة العين بمهمات الدين. بيروت: دار التقوى دار الرسالة. 724 ص.
18. محمد طاهر القراحي الداغستاني. إرشاد العوام في العمل بأقوال علماء الأعلام. محج قلعة: دار وحدة البحوث الإسلامية بداغستان. 623 ص.

Литература

1. Абу-‘Абд-Аллах Бадр ад-дин Мухаммад ибн ‘Абд-Аллах ибн Бахадир аш-Шафи‘и аз-Заркаши. *Аль-Мансур фи-ль-кава‘ид аль-фикхийя*. Т. 1. Кувейт: Дар Визарат аль-Аукаф; 1405/1985. 435 с.
2. Абу-Закарийя Мухйи-ад-дин Йахйя ибн Шараф ан-Навави. *Аль-Маджму‘ шарх аль-Мухаззаб*. Т. 2. Бейрут: Дар аль-Фикр; б.г. 603 с.
3. Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар аль-Хайтами. *Тухфат аль-мухтадж би-шарх аль-Минхадж ма‘а хаваши аш-Ширвани ва-ль-‘Аббади*. Т. 1. Бейрут: Дар Ихйа’ ат-турас аль-‘араби; 1983. 505 с.
4. Абу-Закарийя Мухйи-ад-дин Йахйя ибн Шараф ан-Навави. *Аль-Маджму‘ шарх аль-Мухаззаб*. Т. 1. Бейрут: Дар аль-Фикр; б.г. 530 с.
5. Тадж-ад-дин ‘Абд-аль-Ваххаб ибн Такы-ад-дин ас-Субки. *Табакат аш-шафи‘ийя аль-кубра*. Т. 8. 2-е изд. Гиза: Хиджр ли-т-тыба‘а ва-н-нашр ва-т-таузи; 1413 х. 418 с.
6. Абу-ль-Фида’ Исма‘иль ибн ‘Умар ибн Касир аль-Кураши аль-Басри ад-Димашки. *Табакат аш-Шафи‘ийин*. Каир: Мактабат ас-Сакафа ад-динийя; 1993. 955 с.
7. Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар аль-Хайтами. *Аль-Фатава аль-фикхийя аль-кубра*. Т. 4. Бейрут: Аль-Мактаба аль-ислямийя; б.г. 394 с.
8. Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар аль-Хайтами. *Тухфат аль-мухтадж би-шарх аль-Минхадж ма‘а хаваши аш-Ширвани ва-ль-‘Аббади*. Т. 8. Бейрут: Дар Ихйа’ ат-турас аль-‘араби; б.г. 488 с.
9. Абу-Закарийя Мухйи-ад-дин Йахйя ибн Шараф ан-Навави. *Тахзиб аль-асма’ ва-ль-люгат*. Т. 3. Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-‘ильмийя; б.г. 487 с.
10. Абу-Закарийя Мухйи-ад-дин Йахйя ибн Шараф ан-Навави. *Аль-Маджму‘ шарх аль-Мухаззаб*. Т. 4. Бейрут: Дар аль-Фикр; б.г. 607 с.
11. Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар аль-Хайтами. *Хашийат аль-Идах*. Мекка: Мактабат аль-Асади; б.г. 596 с.
12. Ахмад ибн Мухаммад ибн ‘Али ибн Хаджар аль-Хайтами. *Тухфат аль-мухтадж би-шарх аль-Минхадж ма‘а хаваши аш-Ширвани ва-ль-‘Аббади*. Т. 9. Бейрут: Дар Ихйа’ ат-турас аль-‘араби; б.г. 409 с.

13. Мухаммад ибн Суляйман аль-Курди. *Аль-Мавахиб аль-маданиййа*. Каир: Дар аль-Фарук; 2008. 536 с.

14. Са'ид ибн Мухаммад Ба'али Ба'ишн ад-Дав'ани ар-Рибаты аль-Хадрами аш-Шафи'и. *Бушра аль-карим би-шарх маса'иль ат-та'лим*. Джедда: Дар аль-Минхадж; 2021. 720 с.

15. 'Умар ибн Мухаммад, аль-Кара-Даги. *Аль-Манхаль ан-наддах фи ихтиляф аль-ашйах*. Дамаск: Дар аль-Баша'ир; 2007. 382 с.

16. Мухаммад ибн Суляйман аль-Курди. *Фатава аль-Курди*. Каир: Матба'ат Мустафа Мухаммад; 2003. 578 с.

17. Ахмад ибн Мухаммад аль-Малибари. *Фатх аль-му'ин би-шарх куррат аль-'айн би-мухиммат ад-дин*. Бейрут: Дар ат-Таква, Дар ар-Рисаля; 2011. 724 с.

18. Мухаммад Тахир аль-Карахи. *Иршад аль-'авамм фи-ль-'амаль би-акваль 'уляма' аль-а'лям*. Махачкала: Вахдат аль-Бухус аль-ислямиййа би-Дагистан; 2013. 623 с.

References

1. Abu 'Abdullah Badr al-Din Muhammad ibn 'Abdullah ibn Bahadir al-Zarkashi. *Al-Manthur fi-l- qawa'id al-fiqhiyyah*. Vol. 1. Kuwait: Dar Wizarat al-Awqaf; 1405/1985. 435 p. (In Arabic)

2. Abu Zakariyya Muhyi al-Din Yahya ibn Sharaf al-Nawawi. *Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab*. Vol. 2. Beirut: Dar al-Fikr. 603 p. (In Arabic)

3. Ahmad ibn Muhammad ibn 'Ali ibn Hajar al-Haytami. *Tuhfat al-muhtaj bi-sharh al-Minhaj ma'a hawashi al-Shirwani wa-l-'Abbadi*. Vol. 1. Beirut: Dar Ihya' al-Turath al-'Arabi; 1983. 505 p. (In Arabic)

4. Abu Zakariyya Muhyi al-Din Yahya ibn Sharaf al-Nawawi. *Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab*. Vol. 1. Beirut: Dar al-Fikr. 530 p. (In Arabic)

5. Taj al-Din 'Abdul-Wahhab ibn Taqi al-Din al-Subki. *Tabaqat al-shafi'iyyah al-kubra*. Vol. 8. 2th ed. Giza: Dar for Printing, Publishing and Distribution; 1413 AH. 418 p. (In Arabic)

6. Abu-l-Fida' Isma'il ibn 'Umar ibn Kathir al-Qurashi al-Basri al-Dimashqi. *Tabaqat al-Shafi'iyyin*. Cairo: Maktabat al-thaqafah al-diniyyah; 1993. 955 p. (In Arabic)

7. Ahmad ibn Muhammad ibn 'Ali ibn Hajar al-Haytami. *Al-Fatawa al-fiqhiyyah al-kubra*. Vol. 4. Beirut: Al-Maktabah al-islamiyyah; 394 p. (In Arabic)
8. Ahmad ibn Muhammad ibn 'Ali ibn Hajar al-Haytami. *Tuhfat al-muhtaj bi-sharh al-Minhaj ma'a hawashi al-Shirwani wa-l-'Abbadi*. Vol. 8. Beirut: Dar Ihya' al-Turath al-'Arabi; 1983. 488 p. (In Arabic)
9. Abu Zakariyya Muhyi al-Din Yahya ibn Sharaf al-Nawawi. *Tahdhib al-asma' wa-l-lughat*. Vol. 3. Beirut: Dar al-Kutub al-'ilmiyyah; 487 p. (In Arabic)
10. Abu Zakariyya Muhyi al-Din Yahya ibn Sharaf Al-Nawawi. *Al-Majmu' sharh al-Muhadhdhab*. Vol. 4. Beirut: Dar al-Fikr; 607 p. (In Arabic)
11. Ahmad ibn Muhammad ibn 'Ali ibn Hajar al-Haytami. *Hashiyat al-Idah*. Mekka: Maktabat al-Asadi; 596 p. (In Arabic)
12. Ahmad ibn Muhammad ibn 'Ali ibn Hajar al-Haytami. *Tuhfat al-muhtaj bi-sharh al-Minhaj ma'a hawashi al-Shirwani wa-l-'Abbadi*. Vol. 9. Beirut: Dar Ihya' al-Turath al-'Arabi; 1983. 409 p. (In Arabic)
13. Muhammad ibn Sulayman al-Kurdi. *Al-Mawahib al-madaniyyah*. Cairo: Dar al-Faruq; 2008. 536 p. (In Arabic)
14. Sa'id ibn Muhammad Ba'ali Ba'ishn al-Daw'ani al-Ribati al-Hadrami al-Shafi'i. *Bushra al-karim bi-sharh masa'il al-ta'lim*. Jeddah: Dar al-Minhaj; 2021. 720 p. (In Arabic)
15. 'Umar ibn Muhammad al-Karah-Daghi. *Al-Manhal al-naddakh fi ikhtilaf al-ashyakh*. Damascus: Dar al-Basha'ir; 2007. 382 p. (In Arabic)
16. Muhammad ibn Sulayman al-Kurdi. *Fatawa al-Kurdi*. Cairo: Matba'at Mustafa Muhammad; 2003. 578 p. (In Arabic)
17. Ahmad ibn Muhammad al-Malibari. *Fath al-mu'in bi-sharh qurrat al-'ain bi-muhimmat al-din*. Beirut: Dar al-Taqwa, Dar al-Risalah; 2011. 724 p. (In Arabic)
18. Muhammad Tahir al-Karakhi. *Irshad al-'awamm fi-l-'amal bi-aqwal 'ulama' al-a'lam*. Makhachkala: Wahdat al-Buhuth al-islamiyyah bi-Dagestan; 2013. 623 p. (In Arabic)

Информация об авторах

Хаутиев Исмаил Ахметович, докторант Болгарской исламской академии, г. Болгар, Российская Федерация; преподаватель Гуманитарно-технического колледжа Ингушского государственного университета, г. Назрань, Российская Федерация; преподаватель Сунженского исламского института, г. Сунжа; Республика Ингушетия, Российская Федерация.

аль-Ляххам Бади ‘ас-Саййид, Доктор исламских наук (PhD), доцент кафедры Корана и хадисов шариатского факультета Дамасского университета, г. Дамаск, Сирийская Арабская Республика; преподаватель кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин Болгарской исламской академии, г. Болгар, Российская Федерация.

About the authors

Ismail A. Khautiev, Doctoral candidate at Bolgar Islamic Academy, the Russian Federation; Lecturer at the Humanities and Technical College of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ingush State University», Nazran, the Russian Federation; Lecturer at the Sunzha Islamic Institute, Sunzha, Republic of Ingushetia, Russian Federation.

Badie Al-Sayed Al-Laham, Dr. Sci. (Islamic Sciences, PhD), Associate Professor at the Department of Quran and Hadith, Faculty of Sharia, Damascus University; Lecturer at the Department of Religious and Humanitarian Disciplines of Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 мая 2025
Одобрена рецензентами: 10 мая 2025
Принята к публикации: 27 июня 2025

Article info

Received: May 10, 2025
Reviewed: May 10, 2025
Accepted: June 27, 2025

«Истимдад» и «карамат» в народном и книжном исламе: локальная рецепция на примере работы Р. Фахреддина

Е.Н. Хамидов^{1а}, А.А. Карибуллин^{2б}, И.Ф. Шафиков^{3с}

¹ Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

² Казанский исламский университет, г. Казань, Российская Федерация

³ Независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9718-965X>, e-mail: ibnnafis@gmail.com

^бORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4656-8625>, e-mail: karibn@mail.ru

^сORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6091-6366>, e-mail: nur_ad_din@mail.ru

Резюме: Статья посвящена проблеме восприятия и интерпретации форм мусульманского мистицизма различными слоями мусульманского населения Волго-Уральского региона на примере работы Р. Фахреддина «Истимдад и карамат». В подавляющем большинстве случаев мистицизм и эзотерические практики в исламе так или иначе связаны с суфизмом. И, возможно, именно эта связь является причиной того, что разные социальные слои воспринимают данные практики по-разному. Главный вопрос исследования заключается в том, как жители Поволжья и Приуралья воспринимали и проецировали мусульманский мистицизм в конце XIX и начале XX века, так как именно в этот период широкую популярность обретает «джадидитское» направление. Это также актуально в связи с тем, что Р. Фахреддин был значимой фигурой джадидитского движения. Через данную рецепцию можно также увидеть взгляды богослова на суфизм в целом и интеллектуальное влияние реформаторского направления на осмысление (рационализацию) мистических элементов в тасаввуфе.

Ключевые слова: Р. Фахреддин; ислам; суфизм; рационализм; богословие; народный ислам

Для цитирования: Хамидов Е.Н., Карибуллин А.А., Шафиков И.Ф. «Истимдад» и «карамат» в народном и книжном исламе: локальная рецепция на примере работы Р. Фахреддина. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):358–376. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-358-376

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

“Istimdad” and “karamat” in popular and literary Islam: local reception on the example of the work of R. Fakhreddin

E.N. Khamidov^{1a}, A.A. Karibullin^{2b}, I.F. Shafikov^{3c}

¹*Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Kazan, the Russian Federation*

²*Kazan Islamic University, Kazan, the Russian Federation*

³*Independent researcher, Kazan, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9718-965X>, e-mail: ibnnafis@gmail.com

^bORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4656-8625>, e-mail: karibn@mail.ru

^cORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6091-6366>, e-mail: nur_ad_din@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of perception and interpretation of forms of Muslim mysticism among various strata of the Muslim population of the Volga-Ural region using the example of R. Fakhreddin's work “Istimdad and Karamat”. In the overwhelming majority of cases, mysticism or esoteric practices in Islam are somehow connected with Sufism. And perhaps this connection is the reason why different social strata perceive these practices differently. The main question of the study is how the inhabitants of the Volga and Ural regions perceived and projected Muslim mysticism in the late 19th and early 20th centuries, since it was during this period that the “Jadid” movement gained wide popularity. This also becomes relevant due to the fact that Rizaeddin Fakhreddin was a significant figure in the Jadid movement. Through this reception one can also see the theologian's views on Sufism in general and the intellectual influence of the reformist direction on the understanding (rationalization) of mystical elements in tasawwuf.

Keywords: R. Fakhreddin; Islam; Sufism; rationalism; theology; folk Islam

For citation: Khamidov E.N., Karibullin A.A., Shafikov I.F. “Istimdad” and “karamat” in popular and literary Islam: local reception on the example of the work of R. Fakhreddin. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):358–376. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-358-376

Введение

Религиозное сознание и его проявления как в историческом, так и в современном контексте неизменно привлекают внимание исследователей. Одним из значимых аспектов данного феномена является вера в «святых» или приближенных к Богу лиц, известных как «друзья Аллаха», а также стремление к получению их покровительства. В числе наиболее значимых исследований в этой области можно выделить работы таких авторов, как А.Т. Сибгатуллина

[1], А.В. Сызранов [2], Ю.Н. Гусева [3], Р.К. Уразманова [4], А.К. Идиатуллов [5], Е.Н. Хамидов и И.Ф. Шафиков [6]. Однако повседневное восприятие данного явления зачастую оставалось вне поля зрения ученых. Сложность обозначенной проблемы начинается уже в различии понимания, казалось бы, общепризнанных терминов. Даже такое ключевое понятие, как «суфизм», может интерпретироваться по-разному (в том числе в рамках дискуссий о его правильной интерпретации внутри мусульманской традиции). Это связано с тем, что любая религия, включая ислам, имеет две формы проявления – «книжную» и «практическую». «Книжный» ислам представляет собой идеальную теорию, основанную на Священном Писании и Сунне, тогда как «практический» ислам существует в виде традиций и реальных практик [7, с. 94]. Именно о последнем мы можем говорить как о «народном» исламе, который часто противопоставляется «чистому» исламу. «Народный» ислам формируется как синкретизм народных (включая доисламские) традиций и обычаев с «книжным» исламом. Обыватели воспринимают «книжные» формы ислама как нечто теоретическое и интеллектуальное, в то время как «народный» ислам ближе к народным верованиям, которые кажутся более привычными и родными среди масс. В этом контексте предпочтение отдается архаичным народным верованиям, а не более поздним культурным наслоениям [7, с. 95]. Основная категория, обозначающая «святого» в широком смысле, – это «вали» или «аулийа» (от араб. – «друзья Бога/близкие к Нему»). «Аулийа» существуют вне времени, как в настоящем, так и в прошлом. Для практики почитания «аулийа» не имеет значения, связана ли личность «святого» с «указным» духовенством или с «тарикатом»¹. Основным признаком «аулийа» является «карамат» (араб. «чудо»), который может проявляться как у живых, так и у почивших аулийа. Отличить суфизм от «нормативного» ислама сложно не только обывателям, но и специалистам. Если рассматривать суфизм с точки зрения стороннего наблюдателя, его можно охарактеризовать как мистико-аскетическое течение в исламе, где под «мистикой» подразумевается возможность нерационального познания Бога, а под «аскетизмом» –

¹ Тарикат (тарика) – метод мистического познания Истины. В значении «путь» (тарик) встречается в Коране (46:29/30). В историческом аспекте тарикат как технический термин суфизма претерпел значительную эволюцию. [8, с. 224].

«духовная гимнастика». Эти категории, однако, не представляют интереса для обывателей, поэтому индикаторами принадлежности к суфизму служат более «осязаемые» понятия. Как уже упоминалось, главным показателем причастности к традиции является наличие «карамата» (чуда) [9, с. 206]. Суфийский путь зачастую представлялся в виде ступеней из трех или четырех уровней. Первая ступень – это шариат, вторая – это тарикат, и третья – хакыкат. Лишь тем из людей, кто достиг ступени «хакыкат», может быть дарован доступ к «карамату» и «истимдаду».

Если с понятием «карамат» (араб. карама) более или менее ясно (это изменение или временная остановка действий законов мироздания, установленных Всевышним), то «истимдад» – это один из самых дискуссионных концептов, являющихся наиболее частой причиной нападков и критики в адрес представителей суфизма.

Само по себе понятие «истимдад» может выступать синонимом для более распространенного термина «истигаса», который, в свою очередь, зачастую отождествляют с «тавассулем». В широком смысле «истимдад» – это испрашивание помощи у уже почившего человека с надеждой на удовлетворение своих чаяний и нужд [10, с. 321]. Классическая ханафитская литература выделяет четыре варианта трактовки этого понятия:

1. Как полный синоним «тавассуля», когда человек говорит: «О Аллах, прошу Тебя посредством такого-то человека (или «посредством баракята такого-то...»), исполни это мое дело».

2. Как синонимичное понятию «табаррук», когда человек произносит: «Йа Мухаммад – о Мухаммад», желая показать свою любовь и связь с этим благословенным именем.

3. Также «истимдад» может пониматься как получение духовных благ от могил «святых людей», когда человек сидит рядом с могилой, но не просит ничего у обитателя могилы.

4. И, наконец, когда, находясь рядом с могилой праведного человека, верующий просит его обратиться к Аллаху для исполнения своей нужды.

Существует огромное количество свидетельств, которые передаются от ученых и праведников, испытавших состояние «кашф» с помощью

«истимдад» (то есть получивших духовные блага) от душ святых людей. Они приведены в их работах и хорошо известны, так что нет необходимости цитировать эти сообщения [11].

Статья Р. Фахреддина «Истимдад и карамат»

В рамках вышесказанного крайне примечательной является статья в двадцатом выпуске журнала «Ислам мажэләсе», вышедшего в свет в сентябре 1926 года. В рубрике «О вопросах религии» (Дини мас’алә хақында) опубликована статья, взятая из сочинения под названием «Истимдад и карамат» за авторством Р. Фахреддина (1859–1936). В статье Риза казый пишет об «инструментах», которые помогут желающим достичь хақыката – истины.

Первым инструментом автор называет разум (‘акль/акыл), аргументируя это тем, что именно он является ключевым для построения причинно-следственных связей при анализе событий. Мысль или мнение, не соответствующие критериям «‘акль», должны быть отвергнуты. При этом Фахреддин уточняет, что не каждый разум годен для исследовательской работы и что разум должен быть здоров («‘акль салим»).

«Разум». Инструментом, способным исследовать причины и следствия событий и существующие связи между следствиями и причинами, является «разум»².

Люди и события, нацеленные на достижение истины, должны следовать этому методу и советам. Любая вера и любое кредо (вероубеждение), если противоречат этому методу (разуму), должны быть отвергнуты.

Стоит подчеркнуть, что разум не может быть однородным. Подобно тому, как есть здоровый разум (‘акль салим), есть и больной разум (‘акль сакым). Они ведут дела по-своему. Тем не менее два разных «разума» отличаются друг от друга и не смешиваются друг с другом. В связи с чем знать об этом и разделять их не представляет сложности. По этой причине правильному «разуму» (‘акль салим) надлежит давать советы и следовать его наставлениям. В этом – здоровье, спасение и победа.

² Здесь и далее курсивом выделен перевод Хамидова Е.Н., Карибуллина А.А. на русский язык оригинального текста Р. Фахреддина, опубликованного в журнале «Ислам мажэләсе» [12, с. 688–692].

*«Служи разуму в своей верности,
Если ты бдителен и понимаешь.
Разум тебе теперь слуга!
Разум подобен горящему огню.
Используй его пока он горит,
Во время здорового времяпрепровождения необходимо пользоваться разумом».*

«Разум» – это великая милость и благодать от Аллаха, дарованная людям по Его благоволению. Вся его заслуга – умение различать хорошее и плохое, правильное и ложное. Уважение к разуму и его использование особенно обязательны для исламской уммы, потому что среди религиозных книг есть одно произведение, придающее большое значение разуму, рассказывающее о каждой Сунне, свидетельствующее о ней и осуждающее ее, – это досточтимый Коран. Об этом нет необходимости много говорить, приводя примеры и свидетельства. На какой бы странице вы ни открыли Священный Коран, любой человек может прочесть, что место «разума» всегда окажется на самом высоком уровне, будь то в прямом или в переносном смысле. Если человек, стоящий в первых рядах европейской философии и христианского мира, скажет: «Вера не соотносится с разумом, она не соответствует разуму, но я уверовал, я верю», то эти высказывания претят исламу. Если для того, чтобы стать христианином, нет необходимости использовать «разум», например, как доверяются больные врачам или слепые зрячим, то для того, чтобы быть мусульманином, необходимо использовать «разум». Если для христианского философа объединение [понятия] «единобожие» и «троица» [все еще] остается тайной, то для любого мусульманина это тайной не является. Один из ученых-мыслителей Мухаммад Абдо (‘Абдух) по этому поводу пишет: «Основой, на которой строится ислам, является разум, используемый для рассуждения и изыскания, выступающий средством [для достижения] истинной веры. После того, как [некое] суждение оценит «разум», ему нельзя будет противиться или отказаться. Вот оценка людей Сунны³ относительно разума: Говорят, что если человек, не будучи не удовлетворенным доводами кого-либо, старается найти истину и по

³ Ахль ас-Сунна – в понимании М. Абдо, это ашариты и матуридиты в акыде и представители четырех мазхабов в фикхе [13, с. 31].

мере своих сил обращается к «разуму», но умирает, не достигнув своей цели, то он обретет благоденствие благодаря использованию «разума»»⁴.

В словах, возводимых Абу-Ханифе, «разум» занимает высокое место: «Нет оправдания тому, кто обладает разумом и не познает Всевышнего Аллаха». Во всяком случае нет ничего плохого в том, кто не знает, что такое «разум», подобно тому, как европейские народы говорят, что гипотеза и опыт – это научная истина. А также как нет вреда по причине бессилия человека в познании истинного разума, в его утверждении некатегоричных доводов в качестве «разума» [12, с. 688–689].

Вторым Риза казый упоминает «научный и аналитический метод» (бахс ва тафтиш), поясняя, что под этим подразумевается апелляция к разуму как критерию объективности/ «правильности».

Хотя «научно-аналитический метод» рассматривается как помощь «разума» в ясном рассмотрении, на самом деле это то, что помогает разуму в различении правильного и неправильного. Пример: услышав какое-либо сообщение, рекомендуется проверить его «разумность». И только после этого можно исследовать упомянутое сообщение [тему]. В этом и заключается «научно-аналитический» метод [12, с. 689].

Третий инструмент – это «дискуссия и коллегиальное обсуждение» (музакара ва муназара). Этот инструмент он описывает как профилактику односторонности и умение посмотреть на проблему с разных сторон.

«Дискуссия и коллегиальное обсуждение». Для объективного рассмотрения и представления какого-либо вопроса необходимо взвесить на весах «дискуссии и коллегиальные обсуждения», чтобы избежать возможных сомнений в пользе или во вреде [обсуждаемого вопроса]. Несомненно, это единственный путь к достижению «истины» (хакыката). Даже если у «дискуссии и коллегиального обсуждения» много условий и норм, если целью является выявление истины самой по себе как вами, так и вашим собеседником, то, пусть не все разногласия получится разрешить, но по большей части вы придете к консенсусу. В любом случае при «дискуссии и коллегиальном обсуждении» необходимо уважать мнение оппонента, находящегося на противоположной стороне, хорошо и внимательно выслушать его слова. Это верный путь в достижении

⁴ Цитата из книги М. Абдо «Ислам и христиане».

истины. Если даже у оппонента будут неправильные мысли и суждения, не стоит проявлять неуважения к ним.

Оппонент, стоящий перед тобой, не твой личный враг, а твой попутчик в поисках истины. А к таким близким людям не подобает проявлять неуважения! Можно ли достичь истины, оставив данный принцип? [12, с. 690]

Четвертый инструмент – «нравственная отвага».

Под своеобразной «моральной», или «нравственной», отвагой Р. Фахреддин подразумевает умение признавать свои ошибки.

«Нравственная отвага» заключается в способности признать ошибочность своего суждения и действия. И хотя есть много тех, кто указывает на чью-либо ошибку, аргументируя это «религиозным мотивом», например: «Я говорю ради Аллаха», однако очень мало тех, кто указывает на свою ошибку. Впрочем, это дело является не только препятствующим в достижении «истины», но и очень сильной помехой на этом пути. Поэтому те, кто пытается достичь истины, должны уметь признавать свои ошибки, благодарить тех, кто сообщает им об этом, и идти проверенным путем [12, с. 691].

Пятый инструмент – хладнокровие и стойкость («матанат» (араб. матана)).

«Матанат» – это умение сохранять хладнокровие в ответ на неприятные слова вашего собеседника.

«Самообладание» означает хладнокровие и стойкость. Если какой-либо человек будет говорить слова, которые противоречат вашим взглядам, и будет их критиковать, ваша задача не отвечать на это гневными выпадами, а наоборот, следуя аяту Священного Корана «У вас – своя религия, а у меня – своя», надо проявить мягкость и снисходительность не выходя за рамки приличия.

Если все-таки завязался спор, то ваша задача внимательно выслушать слова оппонента, после чего действовать согласно этикету дискуссии, а также в соответствии с благородным правилом «И дискутируй с ними наилучшим образом». Если ваш оппонент пытается умышленно вывести вас из себя и достигает в этом успеха, то это будет нарушением принципа «самообладания». Дойти до «истины» такими путями невозможно. Таким образом вы не только

не сможете достичь истины, но и, утратив самообладание, окажетесь побежденным в споре [12, с. 691].

Шестой инструмент – опора на «далили / доводы». В этом пункте Риза казий сетует на то, что мусульмане в последнее время отошли от норм, практиковавшихся праведными предками (*ас-саляф ас-салихин*), которые в своих умозаключениях опирались на Коран и Сунну и завещали, что если вдруг выяснится, что их слова идут вразрез со священным преданием, то последнему отдается приоритет («әгәр дә безнең суземез Көръян вә хәдисләргә хилаф кылса, безнең сүземезне ташлагыз, игътибар итмәгез!») [12, с. 692].

Для достижения «истины» необходимо руководствоваться «доводами» (доказательствами). В последнее время исламский мир переживает события, аналогичные периоду исчезновения «ас-саляф ас-салихин» (праведных предшественников), когда во главу угла ставили не «довод», а апелляцию к авторитету, который для каждой группы был своим, что стало одной из основных причин разделения на различные группы и течения. Однако это противоречит идеям основателей мазхабов (школ).

Они наставляли: «Не следуйте за нами, не зная наших доводов», и если наши доводы противоречат Корану и хадисам, то отбросьте их и не обращайтесь на них внимания. Следовать традициям и примеру великих людей – это правильно. Но это правильно только при условии, что это не противоречит логическим и шариатским доводам. Не проверять, не судить и не подвергать проверке «доводы», приведенные другими, игнорировать их только потому, что они противоречат словам или действиям имама или великого человека, которого он считает хорошим, не приведет к «истине» [12, с. 692].

И заключительным пунктом Фахреддин называет «хорошее воспитание». Без воспитания, говорит автор, достичь хакыката – истины – невозможно.

Человек, не получивший правильного воспитания, не сможет достичь «истины». На пути достижения истины вы, безусловно, столкнетесь с препятствиями, но если к тому же у вас нет хорошего воспитания, то количество препятствий увеличится в десятки и в сотни раз [12, с. 692].

В поисках скрытого смысла...

Концепты «истимдад» и «карамат» занимают одно из центральных мест в дискурсе о взаимодействии «книжного» и «народного» ислама, отражая сложную динамику между «нормативной теологией», основанной на Коране и Сунне, и повседневными религиозными практиками, укорененными в локальных традициях. Анализ статьи Ризы Фахреддина «Истимдад и карамат», опубликованной в двадцатом выпуске журнала «Ислам маджаллясе» в сентябре 1926 года, предоставляет уникальную возможность исследовать локальную рецепцию этих понятий в контексте татарской интеллектуальной традиции начала XX века. Фахреддин как один из выдающихся ханафитских богослов, кади и представитель джадидизма предлагает систематический подход к достижению истины (хакыкат), выделяя семь ключевых инструментов: разум (‘акль салим), научный и аналитический метод, дискуссию и коллегиальное обсуждение, нравственную отвагу, хладнокровие и стойкость, опору на шариатские доводы и хорошее воспитание. С нашей точки зрения, эти принципы не только способствуют постижению истины, но и служат мостом между теоретическим и практическим измерениями ислама, а также между «книжным» и «народным» пластами религиозного сознания.

Особое внимание Фахреддин уделяет роли разума (‘акль), в очередной раз подчеркивая его особый статус в рамках исламской традиции. В отличие от некоторых упоминаемых Риза казыем западных философских течений, где вера нередко противопоставляется разуму, в исламе, согласно Фахреддину, разум выступает необходимым условием для достижения «истинной веры». Эта позиция перекликается с идеями таких мыслителей, как Мухаммад Абдо, который утверждал, что разум является основой для рассуждений и изысканий, ведущих к «истинной вере». К тому же Риза казый был учеником Дж. аль-Афгани (1838–1897), то есть фактически входил в плеяду ученых, которые в рамках популярных в тот период идей модерна (реформаторства) преследовали цель – объяснить религиозные сюжеты и понятия сквозь призму разума, рациональными методами. Отдельно нужно отметить, что Фахреддин акцентирует внимание на различии между «здоровым» разумом (‘акль салим) и «больным» разумом (‘акль сакым), подчеркивая, что только первый

способен служить надежным инструментом для анализа причинно-следственных связей и объективного осмысления религиозных и мирских явлений. Ссылаясь на Коран, автор подчеркивает, что разум занимает высокое место в священном тексте, будь то в прямом или переносном смысле, что делает его использование обязательным для исламской уммы. Другими словами, мы можем смело утверждать, что Фахреддин определяет разум как основу всей исламской эпистемологии. Но вместе с этим Риза казый не ограничивается только разумом, упоминая и другие инструменты, которые формируют целостную методологию, направленную на преодоление субъективизма и интеллектуальной однобокости. В частности, *научный и аналитический метод* рассматривается как вспомогательный инструмент разума, позволяющий проверять «разумность» полученных сведений и пытаться объективно оценивать их достоверность. Также *дискуссия и коллегиальное обсуждение* подчеркивают важность диалога и уважения к мнению оппонента, что должно уберечь от догматизма и способствовать достижению консенсуса в поиске истины. *Нравственная отвага* выделяется как способность признавать свои ошибки, что, по мнению Фахреддина, является редким, но необходимым качеством на пути к истине. *Хладнокровие и стойкость* призывают к сдержанности и этичному поведению даже в условиях спора, что соответствует кораническому принципу «Ведите спор с людьми Писания наилучшим образом» [14, с. 401]. При этом как ключевой и основной критерий Риза казый выделяет опору на *шариатские доводы*, подчеркивая приоритет Корана и Сунны над любыми человеческими суждениями, что согласуется с наставлениями праведных предшественников (ас-саляф ас-салихин) и основателей мазхабов. Наконец, *хорошее воспитание* рассматривается как основа, без которой преодоление препятствий на пути к истине становится практически невозможным. Суммируя все вышесказанное, мы можем говорить о полноценной методологии достижения истины.

В контексте «истимдада» и «карамата» мы можем интерпретировать подход Фахреддина как стремление к рационализации и легитимации этих концептов в рамках ханафитской (или «общемусульманской») традиции. Если «карамат» как чудо, изменяющее или временно останавливающее дей-

ствие законов мироздания, относительно понятно и принимается как признак «святости» «аулийа'» (друзей Аллаха), то «истимдад» остается дискуссионным и многогранным понятием. Различные трактовки «истимдада» – от синонимии с «тавассулем» и «табарруком» до «испрашивания духовных благ у могил праведников» – отражают сложность и неоднозначность этой практики, которая вызывала и продолжает вызывать критику на протяжении веков. Возможно, публикуя статью под данным заголовком, Фахреддин, опираясь на разум и шариатские доводы, хотел обосновать легитимность «истимдада», ссылаясь на опыт праведников и ученых, переживших состояние «кашф» (духовного озарения). В этом случае Фахреддин пытается интеллектуально осмыслить суфийскую традицию, что, в принципе, является характерным для некоторых представителей татарского богословского наследия того времени.

Заключение

Вопрос о том, какие именно взгляды разделяет Риза Фахреддин, все еще остается предметом научных дискуссий. Одни исследователи воспринимают его как представителя «саяфизма» или даже ваххабизма, указывая на его критику некоторых практик «народного ислама» [15]. Другие, напротив, видят в нем сторонника суфизма, подчеркивая его интерес к «мистическим» аспектам веры [16, с. 133–139]. Знакомство с его статьей «Истимдад ва карамат» позволяет в некоторой степени переосмыслить восприятие суфизма Фахреддином и трактовку понятия «хакыкат». Можно предположить, что в данном случае речь идет не о «хакыкате», но об «истине» в научном или даже академическом смысле этого слова. Но сам факт того, что Риза казый помещает заметку про истину в сочинение об «истимдад и карамат», которые имеют явно «мистическую» коннотацию, позволяет нам говорить о том, что «хакыкат» в данном случае подразумевается, в том числе, и в суфийском понимании, или, как минимум, указывает на возможное переплетение этих двух подходов. Вместе с тем в ряде других работ Фахреддин выражает скептиче-

ское отношение к суфизму⁵, особенно к практике обращения за помощью к почившим обладателям «карамата» [19, с. 42]. Объяснение этого кажущегося противоречия может заключаться в том, что Фахреддин, будучи представителем джадидского движения, стремился осмыслить суфийские концепты через призму разума и рациональности, что характерно для «реформаторских» тенденций в исламе начала XX века. Например, Д.А. Шагавиев отмечает, что представители «джадидизма» были близки к представителям обновленческого «салафизма» и имеют схожие параллели, но в то же время были далеки от салафитов-буквалистов, в особенности от современного салафизма [20 с. 27]. Как мыслитель, он, вероятно, пытался примирить «мистические» элементы «народного ислама» с «нормативной теологией», основанной на Коране и Сунне. Учитывая, что статья «Истимдад ва карамат» была написана в более поздний период его жизни, можно предположить и эволюцию его взглядов: с возрастом Фахреддин, возможно, стал более терпимым к суфизму и народным практикам, признавая их значимость для религиозного сознания масс. Альтернативное объяснение заключается в популяризаторском подходе: анализ исламской периодики того времени показывает, что авторы нередко использовали привлекательные заголовки и термины, связанные с народным исламом, чтобы заинтересовать широкую аудиторию. К тому же журнал «Ислам мэдждэллэсе» учрежден уже в советский период (1924–1928) и выпускался в течение четырех лет. Исследователи татарской периодики того периода подчеркивают, что основной целью данного журнала является раскрытие содержания ислама в неразрывной связи с наукой и общественной жизнью, а также воспитание подрастающего поколения в духе ислама [21, с. 51]. Даже в самой цели журнала подчеркивается задача осмысления ислама через разум. Однако в суфийской традиции разум не является основным инструментом в познании или в достижении истины. Но при этом важно учитывать, что после Октябрьской революции татарская периодика претерпела серьезные измене-

⁵ В национальном музее Республики Татарстан имеется фонд Р. Фахреддина, в котором хранятся чётки, которые якобы принадлежали ему [17 с. 118]. Хотя в своем труде «Жәвамигуль-Кәлим шәрехе» [18, с. 105] он довольно критично относится к тасбихам и тахлилям (и всякого рода такой атрибутике). Возможно, в конце своей жизни он начал использовать данный атрибут в своей богослужебной практике. Если это так, то это также может свидетельствовать о трансформации религиозных взглядов Р. Фахреддина.

ния и полное обновление её характера [21, с. 7]. И как следствие, периодика периода ранних Советов начинает уделять большее внимание разуму, пытаясь «рационализировать» религиозную составляющую (возможно, преследуя цель – отдалить людей от «духовности»). Суфизм же, будучи одной из наиболее популярных форм «народного ислама», мог послужить таким притягательным элементом, что и побудило Фахреддина озаглавить свою работу терминами «истимдад» и «карамат».

Несомненно то, что работа Ризы Фахреддина представляет собой значимый вклад в осмысление взаимодействия «книжного» и «народного» ислама. Его методология, основанная на разуме, критическом анализе, обязательной апелляции к шариатским доводам и этическим принципам, позволяет не только объяснить феномен «истимдада» и «карамата» в локальном контексте, но и предложить универсальный подход к постижению истины. Фахреддин демонстрирует стремление к балансу между теорией и практикой, разумом и верой, а также между нормативным и народным измерениями ислама. Его взгляды, несмотря на противоречивые интерпретации, отражают сложность религиозного сознания в условиях культурного и интеллектуального синтеза, характерного для татарской традиции начала XX века. Таким образом, статья «Истимдад ва карамат» остается актуальной для современных исследований, что подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к изучению исламской духовности и ее локальных проявлений.

Литература

1. Сибгатуллина А.Т. Суфийские тарика среди тюркских народов. *Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»)*. Ч. 1. Астрахань: Астраханский гос. педагог. ин-т им. С.М. Кирова; 1995. С. 84–86.
2. Сызранов А.В. «Народный» ислам в Нижнем Поволжье: региональный вариант религиозного синкретизма. *Вестник Евразии*. 2007;3:163–180.
3. Гусева Ю.Н. Суфийские братства, «Бродячие муллы» и «Святые места» Среднего Поволжья в 1950–1960-е годы как проявления «Неофициального ислама». *Исламоведение*. 2013;2:36–43.

4. Уразманова Р.К., Габдрахманова Г.Ф., Завгарова Ф.Х., Мухаметзянова А.Р. *Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы*. Уразманова Р.К., Габдрахманова Г.Ф. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2014. 168 с.
5. Идиатуллов А.К. «Священные» объекты татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018;52:89–94.
6. Шафиков И.Ф., Хамидов Е.Н. «Суфизм» и «народный ислам»: дискурс и восприятие в конце XIX – начале XX вв. *Историческая этнология*. 2023;8(1):33–46. DOI: 10.22378/he.2023-8-1.33-46
7. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: очерки истории и культуры*. М.: ИВ РАН; 2018. 456 с.
8. Акимушкин О.Ф. Тарика. *Ислам: Энциклопедический словарь*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1991. С. 224–225.
9. Шиммель А. *Мир исламского мистицизма*. Пригарина Н.И., Рапопорт А.С. (пер. с англ.). 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Садра»; 2012. 536 с.
10. Ethem Cebecioglu. *Tasavvuf terimleri ve deyimleri sozlugu*. Istanbul: Anka Yayinlari; 2004. 741 s.
11. *Истигаса: важность правильного определения этого понятия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azan.ru/maqalat/read/istigasa-vazhnost-pravilnogo-opredeleniya-etogo-ponyatiya-10929> (дата обращения: 10.11.2024).
12. Фәхретдин Р. Карамәт вә истимдәд. *Ислам мәжәлләсе*. 1926;50:688–692.
13. Шагавиев Д.А. *Татарская богословско-философская мысль (XIX – нач. XX вв.): Курс лекций*. Казань: Болгарская исламская академия; 2018. 168 с.
14. Калям Шари́ф. *Перевод смыслов*. Казань: Издательский дом «Ху-зур» – «Спокойствие»; 2019. 700 с.
15. Батров Р. *Кем был Риза Фахретдин – ваххабитом или коранитом?* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kam.business-gazeta.ru/blog/378114> (дата обращения: 10.02.2025).

16. Карибуллин А.А. Ризаетдин Фахретдин и Зайнулла Расулев: к проблеме осмысления «суфизма» – религиозно-философского учения в исламе. *Религиоведение*. 2014;3:133–139.

17. Ризаэддин Фәхреддин: *Кәгазь өстендә калган исем – бетмәс гомер-дер* = Ризаэддин Фәхреддин: *Жизнь длиною в вечность*. Гыймранова Д.Г., Гобәйдуллин Л.И., Миңнуллин Р.Х. (төз.-авт.). Казан: Рухият; 2014. 148 б.

18. Ризаэддин бине Фәхреддин. *Жәвәми‘ әль-калим шәрхе*. Оренбург: Вакт; 1911. 552 б.

19. *Риза казый фәтваләре*. Гайнетдинов А.М. (төз.). Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты; 2019. 108 б.

20. Шагавиев Д.А. Элементы доктрины салафизма в трудах татарских богословов начала XX вв. *Роль ислама в стабилизации социальных процессов: сборник статей и тезисов I Всероссийской научно-практической конференции. 15 марта 2014 г.* Хазиев Р.И. (ред.). Набережные Челны: Ак мечеть; 2014. С. 26–28.

21. *Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание*. Айнутдинов Р.А., Гилязов З.З. (сост. и науч. ред.). Казань: Изд-во Академии наук РТ; 2017. 200 с.

References

1. Sibgatullina A.T. Sufiyskiye tarika sredi tyurkskikh narodov [Sufi Tariqas among the Turkic Peoples]. *Sbornik tezisov regionalnoy nauchnoy konferentsii “Problemy vzaimodeystviya natsionalnykh kultur”* (“Mezhetnicheskiye obshcheniya v polietnicheskom regione”) [Collection of abstracts of the regional scientific conference “Problems of interaction of national cultures”]. Part 1. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical Institute named after S.M. Kirov Publ.; 1995, pp. 84–86. (In Russian)

2. Syzranov A.V. “Narodnyy” islam v Nizhnem Povolzhye: regionalnyy variant religioznogo sinkretizma [“People’s” Islam in the Lower Volga Region: A Regional Variant of Religious Syncretism]. *Vestnik Evrazii* [Herald of Eurasia]. 2007;3:163–180. (In Russian)

3. Guseva Ju.N. Sufiyskiye bratstva, “Brodyachiye mully” i “Svyatyye mesta” Srednego Povolzh’ya v 1950–1960-e gody kak proyavleniya “Neofitsialnogo islama”

[Sufi brotherhoods “Wandering Mullahs” and “Holy Places” of the Middle Volga region in the 1950-1960s as manifestations of “Unofficial Islam”]. *Islamovedeniye* [Islamic studies]. 2013;2:36–43. (In Russian)

4. Urazmanova R.K., Gabdrakhmanova G.F., Zavgarova F.H., Muhametzjanova A.R. *Musul'manskiy kul't svyatykh u tatar: obrazy i smysly* [Muslim Cult of Saints among Tatars: Images and Meanings]. Urazmanova R.K., Gabdrakhmanova G.F. (ed.). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ.; 2014. 168 p. (In Russian)

5. Idiatullov A.K. “Svjashhennye” obyekty tatar i bashkir Srednego Povolzhya i Priuralya [Sacred objects of the Tatars and Bashkirs of the Middle Volga and Urals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2018;52:89–94. (In Russian)

6. Shafikov I.F., Hamidov E.N. “Sufizm” i “narodnyy islam”: diskurs i vospriyatie v kontse XIX – nachale XX vv. [Sufism and Folk Islam: Discourse and Perception in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Istoricheskaja etnologija* [Historical ethnology]. 2023;8(1):33–46. DOI: 10.22378/he.2023-8-1.33-46. (In Russian)

7. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2018. 456 p. (In Russian)

8. Akimushkin O.F. [Tarika]. *Islam: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka Press. Main Editorial Office of Oriental Literature Publ.; 1991, pp. 224–225 (In Russian)

9. Shimmel' A. *Mir islamskogo misticizma* [The World of Islamic Mysticism]. Prigarina N.I., Rapoport A.S. (tr. from Eng.). 2nd ed., rev. and additional. Moscow: LLC “Sadra” Publ.; 2012. 536 p. (In Russian)

10. Cebecioglu E. *Tasavvuf terimleri ve deyimleri sozlugu* [Dictionary of Sufi terms and phrases]. Istanbul: Anka Yayinlari; 2004. 741 p. (In Turkish)

11. *Istigasa: vazhnost pravilnogo opredeleniya etogo ponyatiya* [Istighathah: The Importance of Defining the Concept Correctly]. [Electronic source]. Available

at: <https://azan.ru/maqalat/read/istigasa-vazhnost-pravilnogo-opredeleniya-etogo-ponyatiya-10929> (Accessed: 10.11.2024). (In Russian)

12. Fahreddin R. Karamat wa istimdad [The miracle of the righteous and asking them for help]. *Islam majallah-se*. 1926;50:688–692. (In Old Tatar)

13. *Tatarskaya bogoslovsko-filosofskaya mysl (XIX – nach. XX vv.): Kurs lektsiy* [Tatar theological and philosophical thought (19th – early 20th centuries): Lecture course]. Kazan: Bolgar Islamic Academy Publ.; 2018. 168 p. (In Russian)

14. *Kalyam Sharif. Perevod smyslov* [The Sacred Word (Quran). Translation of the Meanings]. Kazan: Khuzur-Spokoystvie Publishing House; 2019. 700 p.

15. Batrov R. *Kem byl Riza Fakhretdin – vakhkhabitom ili koranitom?* [Who was Rizaeddin Fakhreddin – a Wahhabi or a Koranite?]. [Electronic source]. Available at: <https://kam.business-gazeta.ru/blog/378114> (Accessed: 10.02.2025). (In Russian)

16. Karibullin A.A. Rizaetdin Fakhretdin i Zaynulla Rasulev: k probleme osmysleniya “sufizma” – religiozno-filosofskogo ucheniya v islame [Rizaeddin Fakhretdin and Zainulla Rasulev: on the problem of understanding “Sufism” – a religious and philosophical teaching in Islam]. *Religiovedeniye* [Islamic studies]. 2014;3:133–139. (In Russian)

17. Gyyrmanova D.G., Gobaydullin L.I., Minnullin R.Kh. *Rizaeddin Fakhretdin: Kagaz' ustenda kalgan isem – betmas gomerder = Rizaeddin Fakhreddin: Zhizn dlinnoyu v vechnost* [Rizaeddin Fakhreddin: Life Long as Eternity]. Kazan: Rukhiyat Press; 2014. 148 p. (In Russian and Tatar)

18. Ridha al-Din ibn Fakhr al-Din. *Jawami' al-kalim sharhi* [Interpretation of the meaningful words]. Orenburg: Waqt Press; 1911. 552 p. (In Old Tatar)

19. *Riza kazyy fatvalare* [Fatwas of Ridha qadhi]. Gainetdinov A.M. (comp.). Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ.; 2019. 108 p. (In Tatar)

20. Shagaviev D.A. Elementy doktriny salafizma v trudakh tatarskikh bogoslovov nachala XX vv. [Elements of the doctrine of Salafism in the works of Tatar theologians of the early 20th century]. *Rol' islama v stabilizatsii sotsial'nykh protsessov: sbornik statey i tezisov I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 15 marta 2014 g.* [The Role of Islam in Stabilizing Social Processes: A Collection

of Articles and Theses of the First All-Russian Scientific and Practical Conference, March 15, 2014]. Khaziev R.I. (ed.). Naberezhnye Chelny: Ak mechet' Press; 2014, pp. 26–28. (In Russian)

21. Aynutdinov R.A., Gilazev Z.Z. *Tatarskaya periodicheskaya pechat: Nauchno-entsiklopedicheskoye izdaniye* [Tatar periodical press: Scientific encyclopedic publication]. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ.; 2017. 200 p. (In Russian)

Информация об авторах

Хамидов Евгений Нафисович, старший преподаватель кафедры религиоведения, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Карibuллин Айдар Ахбарович, заведующий кафедрой арабского языка и гуманитарных дисциплин Казанского исламского университета, г. Казань, Российская Федерация.

Шафиков Ильдар Фаритович, независимый исследователь, г. Казань, Российская Федерация.

About the authors

Evgeny N. Khamidov, Senior Lecturer, Department of Religious Studies, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Kazan, the Russian Federation.

Aidar A. Karibullin, the Head of the Department of Arabic Language and Humanities, Kazan Islamic University, Kazan, the Russian Federation.

Ildar F. Shafikov, an independent researcher, Kazan, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025

Одобрена рецензентами: 12 мая 2025

Принята к публикации: 12 июня 2025

Article info

Received: February 12, 2025

Reviewed: May 12, 2025

Accepted: June 12, 2025

М.М. Шибзухов

Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398

УДК 297.17

Original paper

Оригинальная статья

Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг.

М.М. Шибзухов^{1а}

¹Религиозная организация: образовательная организация высшего образования Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы, г. Нальчик, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0722-2204>, e-mail: shibzukhov@mail.ru

Резюме: Автор изучает специфические черты комплекса мероприятий, проведенных мусульманскими образовательными учреждениями Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР), направленных на приобщение исламской молодежи республики к религиозному и культурному наследию кабардинского и балкарского этносов. В работе изучена роль культурной политики ДУМ КБР и республиканской системы исламского образования в противодействии распространению идей религиозного фундаментализма, неоязыческих и сектантских концепций. В статье рассматриваются характерные особенности сотрудничества Северо-Кавказского Исламского университета имени Имама Абу Ханифы с Пятигорским государственным лингвистическим университетом в конце 2000 – середине 2010-х гг. и их роль в просвещении мусульманской молодежи КБР.

Ключевые слова: Духовное управление мусульман КБР; мусульманское образование; Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы; медресе; исламская культура; борьба с сектантством; противодействие неоязыческим воззрениям; Адыгэ Хабзэ; межвузовское сотрудничество

Для цитирования: Шибзухов М.М. Роль системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарии в приобщении исламской молодежи республики к традиционным религиозно-культурным ценностям: середина 2000 – середина 2010-х гг. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2): 377–398*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

M.M. Shibzukhov

The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398

The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic youth of the republic to traditional religious and cultural values: mid-2000 -mid-2010s.

M.M. Shibzukhov^{1a}

¹Religious organization: Educational organization of Higher Education North Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0722-2204>, e-mail: shibzukhov@mail.ru

Abstract: The author, through a multidimensional analysis of scientific research, studies the specific features of a set of activities carried out by Muslim educational institutions of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter KBR) aimed at introducing the Islamic youth of the republic to the religious and cultural heritage of the Kabardian and Balkarian ethnic groups. The paper examines the role of the cultural policy of the Spiritual Administration of Muslims of the KBR and the republican system of Islamic education in countering the spread of ideas of religious fundamentalism, neo-pagan and sectarian concepts. The author examines the characteristic features of cooperation between the North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa and Pyatigorsk State Linguistic University in the late 2000s – mid-2010s and their role in educating the Muslim youth of the KBR.

Keywords: Spiritual Administration of Muslims of the KBR; Muslim education; North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa; madrasah; Islamic culture; combating sectarianism; countering neo-Pagan views; Adyge Khabze; interuniversity cooperation

For citation: Shibzukhov M.M. The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing islamic youth of the republic to traditional religious and cultural values: mid-2000 – mid-2010s. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2): 377–398. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-377-398

Введение

Процесс исламского конфессионального возрождения, начатый в СССР, а позднее проходивший в Российской Федерации на рубеже 1980–1990-х гг., был сопряжен с преодолением негативных последствий продолжительной антирелигиозной деятельности советских властей, приведшей к резкому снижению уровня религиозной грамотности и духовности советских мусульман (как и представителей иных традиционных конфессиональных вероучений).

В результате реставрация системы конфессиональных институтов, в том числе образовательных мусульманских, была связана с потребностью в духовной и материальной помощи иностранных единоверцев. При этом долгое отсутствие должных контактов с мировой исламской уммой привело в 1990-х гг. к неумению выявлять принципиальные отличия между традиционным мусульманским вероучением и радикальными концепциями псевдоисламского толка и, как следствие, к распространению в России фундаменталистских идей.

Кабардино-Балкарская Республика, как и иные национальные государственные образования Северного Кавказа, вынуждена была вести борьбу с конфессиональным экстремизмом, нанесшим существенный ущерб в результате трагических событий 2005 г.

В данном контексте представляется актуальным изучение деятельности ДУМ республики и местных исламских учебных заведений, осуществляемой с середины 2000-х до середины 2010-х гг., основанной на приобщении молодого поколения мусульман к религиозно-культурному наследию автохтонных народов с целью преодоления конфессиональной безграмотности и противодействия распространению радикальных идей различной направленности.

Методологическая основа данной работы основана на применении следующих инструментов теологического исследования: каузальный анализ, герменевтический подход, структурно-функциональный анализ. В статье использованы общенаучные методы исследования: метод обобщения и сравнения, конкретно-исторический подход, диалектический подход, историко-типологический и историко-сравнительный методы.

Цель данной научной работы – исследование специфики культурно-просветительской работы исламских образовательных учреждений КБР в молодежной исламской среде с середины 2000-х до середины 2010-х гг.

Для достижения цели исследования определены его основные задачи:

– исследовать особенности просветительской работы исламской образовательной системы КБР, ориентированной на углубленное изучение мусульманской молодежи основ религиозного и культурного наследия кабардинского и балкарского народов;

– рассмотреть специфику просветительской деятельности Духовного управления мусульман КБР в контексте противодействия фундаменталистским, неоязыческим и сектантским воззрениям;

– осмыслить основные направления партнерских отношений между СКИУ имени Имама Абу Ханифы и Пятигорским государственным лингвистическим университетом, имевших место в конце 2000 – середине 2010-х гг., в вопросе повышения конфессиональной грамотности исламской молодежи КБР.

Историография проблемы

Непосредственно специфику развития мусульманской образовательной структуры в Кабардино-Балкарской Республике с 1992 г. до начала 2020-х гг. исследуют лишь такие ученые, как С.И. Аккиева и И.М. Сампиев. Однако различные аспекты процесса формирования комплекса мусульманских образовательных учреждений в КБР исследуют, помимо указанных выше специалистов, С.В. Бережной, Ф.Р. Джантуева, М.В. Кушнир, А.Н. Такова, А.И. Тетуев, С.Р. Филатов. В своих научных трудах они анализируют следующие аспекты данной проблемы: участие зарубежных стран и религиозных, коммерческих и благотворительных структур в создании исламского конфессионального образования в Кабардино-Балкарии; элементы практической деятельности системы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской Республике; роль муфтията республики и исламских учебных заведений в противодействии религиозному и этническому экстремизму; экономический аспект деятельности мусульманских учебных заведений в КБР с начала 1990 до начала 2020-х гг.

Р.М. Мухаметшин; М.Ф. Муртазин; А.П. Горбунов, И.Д. Ибрагимов; Е.Л. Дмитриева; Н.Г. Ковальчук; Н.А. Нефляшева; М.А. Сапронова, А.Л. Чечевшиников; Ю.Ю. Клычников, К.В. Каспарян исследуют принципы и условия развития структуры исламского просвещения в общероссийском масштабе, специфические черты данного процесса на региональном уровне, особенности сотрудничества российских вузов и вузов, степень и сущность влияния общегосударственной системы исламского образования на динамику разви-

тия и поддержание конструктивного диалога между религиозными организациями и правительственными структурами в Российской Федерации.

В работах А.К. Аликберова, В.О. Бобровникова, А.К. Бустанова, Е.Х. Апажевой, В.Х. Акаева, Р. Бухараева (1951–2012), Р. Курбанова рассматриваются различные компоненты деятельности исламской уммы в России, в том числе особенности работы Духовных управлений мусульман и конфессиональных учебных заведений в вопросе противодействия фундаментализму.

Результаты научного исследования

Сложная общественно-политическая обстановка, сложившаяся в КБР в середине 2000-х гг., во многом связанная с проблемами конфессионального характера, требовала принятия целого комплекса мер, направленных на преодоление кризисной ситуации. Большое значение имела стратегия, ориентированная на качественное религиозное просвещение молодежи – с целью искоренения в ее среде радикальных псевдоисламских воззрений, способных не только внести раскол в мусульманскую общину КБР, но и привести, как показали трагические события 2005 г. в Нальчике, к вооруженному конфликту и, соответственно, человеческим жертвам.

ДУМ КБР необходимо было с учетом собственного положительного опыта, а также позитивных примеров деятельности мусульманских институтов в сопредельных республиках Северного Кавказа и исламской цивилизации в целом сформулировать и реализовать на практике программу духовно-культурного развития молодого поколения кабардино-балкарской уммы, а также его приобщения к конфессиональным и этническим ценностям, против которых, по существу, выступали представители экстремистских религиозных течений [1, с. 26]. Необходимость подобной деятельности во многом была обусловлена тем фактом, что «молящаяся молодежь» крайне негативно воспринимала сочетание местных традиций с базовыми канонами исламской религии, в том числе по причине невысокого уровня осведомленности радикалов о культуре и обычаях коренных народов республики [2, с. 38].

Политика распространения знаний о мусульманских и этнических культурных ценностях в молодежной исламской среде в Республике должна была осуществляться в соответствии с реалиями современности – ростом

влияния и возможностей электронных средств массовой информации (в первую очередь сетевых информационных платформ), многие из которых являлись трансляторами идей религиозного фундаментализма [3, с. 7]. Также ДУМ КБР и находившиеся в ее распоряжении исламские образовательные институты должны были учитывать возраставшее воздействие западного искусства и мировоззрения с его богоборческими проявлениями, превалированием материального благополучия над духовным развитием личности, а также негативным отношением к коллективизму – важному аспекту существования мусульманского сообщества. Культурно-духовное просвещение молодых мусульман, соответственно, было ориентировано на противодействие укоренению подобных идей в их общественном сознании [4, с. 13].

Глобализационные процессы в образовании и искусстве, а также трансформация в восприятии молодежью получаемых сведений об окружающей действительности и постепенное формирование так называемого клипового мышления обусловили необходимость поиска новых подходов к реализации духовно-культурной стратегии, способных заинтересовать представителей молодежи. Данное обстоятельство подразумевало создание материалов, имеющих не только информативный и дидактический, но и развлекательный характер, и облеченных в привычную для подрастающего поколения форму [5, с. 74].

В свою очередь, подобный подход требовал от ДУМ КБР, как и от всех аналогичных конфессиональных структур в иных субъектах Российской Федерации, предельной внимательности в процессе реализации во избежание нарушений исламских постулатов, связанных с развитием науки, образования и искусства. Дополнительной проблемой для реализации исламской культурной программы в КБР, суть которой будет рассмотрена ниже, являлась популярность идей неоязычества и призывов некоторых общественных деятелей республики к возвращению к верованиям предков и отказу от мусульманской религии как от чужеродного явления, созданного в рамках арабской цивилизации, не имеющей ничего общего с ценностями северокавказских социумов [6, с. 17].

Духовному управлению и исламским образовательным заведениям приходилось преодолевать влияние протестантских групп (адвентистов, баптистов и др.), получавших финансовую помощь из США и распространявших свою религиозную литературу, переведенную на кабардинский и балкарский языки, имевших в своем распоряжении библиотечный фонд, качественную видеоаппаратуру, помещения для проведения встреч с последователями, компьютерную технику, транспортные средства. Число их последователей, в сравнении со сторонниками салафитов или неоязычниками, было весьма малым, однако их деятельность с учетом их антиисламских воззрений также требовала локализации, а позднее – полной нейтрализации [7, с. 176].

Наибольшую опасность представляли Свидетели Иеговы, отличавшиеся особенно активной проповеднической деятельностью и максимально враждебным отношением как к исламу, так и к другим мировым религиям. Вред деятельности иеговистов заключался в убедительной для непросвещенных людей риторике, работе с малоимущими семьями и одинокими людьми, наиболее восприимчивыми к влиянию извне [8, с. 263].

Внешние оппоненты традиционного ислама в качестве одного из обвинений выдвигали ложный тезис о косности данной религии, ее препятствовании в развитии общественной мысли, искусства и т.д., обосновывая этим появление ваххабитских и иных радикальных течений и их приверженность к насильственным методам утверждения своей точки зрения. С учетом данного факта значимость культурного просвещения молодых мусульман и их старших единоверцев приобретала в КБР стратегическое значение [9, с. 62].

По этой причине с середины 2000-х гг. в Кабардино-Балкарском Исламском институте / Северо-Кавказском Исламском университете имени Имама Абу Ханифы представители администрации виуза и преподаватели, ответственные за реализацию внеаудиторных мероприятий, начали осуществление разъяснительной работы среди как студентов, так и их родственников, ориентированной на четкое формулирование сущности исламской религии и созданной в ее рамках мусульманской культуры. Вскоре данный вид деятельности стал осуществляться и в среднеобразовательных духовных заведениях [10, с. 18].

Культурно-просветительские мероприятия с указанного периода осуществляются при поддержке ДУМ КБР – под непосредственным кураторством заместителя муфтия по работе с молодежью [11, с. 123]. Культурнообразующие элементы ислама являются важным компонентом преодоления религиозной безграмотности и, следовательно, формирования гуманистического мировоззрения в студенческой среде, в первую очередь в конфессиональных учебных заведениях, а также роста истинной духовности и религиозности в среде мусульманской молодежи [12, с. 56].

Данный тезис соответствует культурно-образовательной политике Духовного управления мусульман КБР, начало которой было положено еще в 1990-х гг., а с середины первого десятилетия XXI в. выведено на новый уровень. При этом деятельность в области культуры, осуществляемая ДУМ республики и подотчетными ему исламскими учебными заведениями, реализуется на основе закона Кабардино-Балкарской Республики «О культуре», принятого в августе 2001 г. В соответствии с данным нормативным актом каждое конфессиональное объединение на территории КБР имеет право на деятельность в духовной сфере, в том числе носящую творческий характер. Республиканские властные структуры осуществляют вмешательство в культурную политику религиозных сообществ исключительно в случае, когда имеют место проявление экстремизма, нарушение законности в целом или проявления нетерпимости к инаверческим организациям [13, с. 190].

Активное участие представителей мусульманских общин республик Северо-Кавказского региона в работе международно-практического научного форума «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», который проводился в Пятигорском государственном университете (до 2016 г. – Пятигорском государственном лингвистическом университете) с 1996 г., оказало воздействие по обмену положительным опытом не только в образовательном процессе, но и в реализации культурной политики мусульманских образовательных учреждений, а также позволило избежать определенных просчетов, способных замедлить решение поставленных задач. Кроме того, совместная деятельность, осуществляемая в рамках данных конференций, основанная на участии в научных дискуссиях, позволила сфор-

мулировать более эффективную методологию ее практической реализации [14, с. 386].

Участие в симпозиуме «Мир на Северном Кавказе» обусловило появление четкой формулировки относительно исключительной роли мусульманской религии в формировании национальных культур региона в их тесной взаимосвязи, поступательном движении и непрерывном развитии и самосовершенствовании. Оптимизация методики реализации культурной исламской стратегии позволила ДУМ Кабардино-Балкарии и сотрудникам духовных учебных заведений эффективно разъяснять молодому поколению несостоятельность обвинений в адрес мусульманской религии, исходивших от сообществ, фактически призывавших к возвращению к языческим верованиям (но официально категорически отрицавшим данный вид деятельности). Одним из наиболее известных общественных деятелей, по сути, противостоявших исламу в республике, являлся крупный ученый-этнолог А.А. Ципинов, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, член АМАН (Адыгской международной академии наук) [15, с. 119].

Данный эксперт и его единомышленники, считавшие себя подлинными последователями Адыгэ Хабзэ – этнической философско-культурной концепции, способствовавшей формированию нравственных ориентиров и норм, с начала 1990-х гг. акцентировали внимание на особой значимости адыгского этнического сообщества и его важной роли в развитии северокавказской цивилизации, рассматривали принятие мусульманской религии как фактор, нанесший существенный ущерб культурной самобытности кабардинцев, черкесов и остальных адыгских народов [16, с. 45].

Наряду с возрождением интереса к адыгскому культурному наследию и развитию национального самосознания, которому способствовало детальное изучение домусульманских поверий и религиозных обычаев, они трактовали ислам как мировоззрение, чуждое адыгам в силу своей монотеистической концепции. Согласно концепции А.А. Ципинова, в общественной жизни КБР требовалось возродить основы кабардинского этикета, возобновить древние празднества, исключенные из жизни народа вследствие исламизации, которая, по его мнению, осуществлялась насильственным путем [17, с. 9]. Данный

тезис противоречил научным реалиям, сформировавшимся еще в советский период, в соответствии с которыми исламское мировоззрение укоренилось в адыгском общественном сознании, однако указанное обстоятельство не привело к искоренению многовековых народных обычаев, имевших непосредственное отношение к языческим верованиям [18, с. 13]. При этом аналогичная ситуация отмечалась в развитии всех мусульманских народов СССР, а также этносов, принявших христианство или буддизм, – во всех случаях этнокультурное своеобразие и уникальность были сохранены и усовершенствованы за счет взаимопроникновения различных духовных систем и их практик [19, с. 89].

Кроме того, научно-историческое сообщество Кабардино-Балкарии, многие представители которого не отличались высоким уровнем религиозности, не отрицали важную роль ислама не только в повышении образовательного уровня народов республики, но и достижении выдающихся результатов в музыкальном, архитектурном, литературном и иных видах искусства [20, с. 127].

Сложно было игнорировать значение мусульманской религии в установлении контактов между народами Северного Кавказа, отличавшимися друг от друга этническим происхождением, ментальностью, политической и правовой культурой, а также имевших определенные противоречия, к примеру, по территориальным вопросам – проблеме, сохранившей свою актуальность и в начале третьего десятилетия XXI в., когда неуклонно возрастает значимость миротворческой и посреднической деятельности традиционных исламских институтов. Педагогические работники исламских учебных учреждений КБР и сотрудники муфтията в беседах со студентами и учащимися аргументированно опровергали утверждение о вредоносном воздействии принятия ислама на развитие этнической культуры адыгов и указывали на тот факт, что доисламские этические нормы были не ликвидированы, а трансформированы в соответствии с мусульманской конфессиональной моралью, и бытовые особенности национального развития претерпели не столь радикальные изменения, как утверждали представители Адыгэ Хабзэ [21, с. 69].

Позднее, после трагической гибели профессора Ципинова в конце декабря 2010 г., ответственность за которую взяли на себя фундаменталисты, представители ДУМ, отмечая его значимую роль в развитии адыгской этнологии, личном неприятии насильственных действий и противодействию нетрадиционным исламским течениям, указывали на тот непреложный факт, что его позиция, как и убеждения любого сторонника неоязычества в принципе, фактически являлась шовинистической по своей сути. Неоязычество как массовое явление зародилось в Третьем рейхе в 1930-х гг. с целью насаждения в немецкой среде убежденности в происхождении германцев от истинных богов и в чуждом характере христианства (как и любой из мировых религий), не признающего этнической и расовой обобщенности и тем более исключительности. Подобные идеи (адаптированные под необходимость возвращения к славянским, тюркским, адыгским, финно-угорским языческим верованиям – в зависимости от этнической принадлежности того или иного идеолога) получили широкое распространение в России в начале 1990-х гг. [22, с. 161].

Данная ситуация возникла в условиях, когда после отказа от коммунистических убеждений в обществе возник идеологический и мировоззренческий вакуум, а традиционные религиозные институты еще находились в процессе этапа восстановления и не были в состоянии в полном объеме удовлетворить духовные потребности граждан [23, р. 244]. В исламских образовательных учреждениях КБР педагоги разъясняли учащимся, что призыв к возвращению к вере предков, осуществлявшийся представителями Адыгэ Хабзэ, вступал в противоречие с тем фактом, что и ислам являлся религией, которую почитали предшествующие современным поколения адыгских народов. Положительно оценивая борьбу кабардинцев и родственных им народов против Российской империи в период Кавказской войны 1817–1864 гг., А.А. Ципинов игнорировал то обстоятельство, что данное вооруженное противодействие осуществлялось ими в рамках принадлежности к исламской конфессии, а исход адыгов в Османскую империю – мухаджирство – представлял собой явление, характерное для мусульманского понимания отношений с иноверческими государствами и сообществами [24, с. 57].

В данном контексте следует указать на одну из дискуссий касательно отношения профессора Ципинова к исламу и его призывов к возвращению к доисламским религиозным истокам адыгов, организованную на одном из практических занятий в Северо-Кавказском Исламском университете в 2015 г. В ходе обсуждения был осуществлен анализ тезиса его сторонников, согласно которому выдающиеся заслуги А.А. Ципинова в научной сфере предполагают максимально уважительное отношение к его памяти и исключают критику в его адрес.

Один из студентов, участвующих в дискуссии, отметил, что Р. Киплинг (1865–1936) и А. Конан-Дойл (1859–1930) являются классиками мировой и английской литературы, что не отменяет их активных расистских воззрений, согласно которым народы Африки, Латинской Америки и Азии (к которым, по существу, можно отнести и народы Северного Кавказа) являются цивилизационно отсталыми. Второй студент констатировал, что, вопреки утверждениям деятелей Адыгэ Хабзэ и иных сторонников почитания доисламских адыгских или тюркских верований, принятие мусульманства (в равной степени как и активная пропаганда интернационализма, которая осуществлялась на протяжении всего советского периода истории России) не лишило кабардинцев и балкарцев чувства национального самосознания. Он обосновал свой аргумент тем фактом, что противники ислама ведут речь об этнической самобытности, памяти о которой, как и народных обычаев, и нравственных норм, они никогда не были лишены, как и другие северокавказские этносы, которым в значительной степени характерна национальная гордость вне зависимости от вероисповедания или его отсутствия; исламская религия, не признающая этнических, расовых и иных отличий, в свою очередь позволяет обретать близость с единоверцами, представляющими любые народы. Третий участник дискуссии акцентировал внимание аудитории на том, что использование арабского языка в мусульманском богослужении не тождественно процессу арабизации кабардинцев и балкарцев уже по той причине, что они продолжают использовать в обиходе родную речь, сохраняют национальную кухню и одеяния; головные уборы местного исламского духовенства являются адаптацией к местным природным и иным реалиям. Следовательно, отметил

студент, мусульманское вероисповедание не противоречит и не препятствует чувству принадлежности к кабардинскому и балкарскому народам [3, с. 8].

С 2005 г. СКИУ имени Имама Абу Ханифы действовал по четко структурированной программе воспитательной работы, оказывая при этом активное содействие мусульманским средним школам республики в реализации данного вида учебной деятельности. Наиболее плодотворное партнерство в данном контексте было развито с медресе «Нур», единственным в КБР исламским учебным учреждением второго уровня, и Центром арабского языка и таджвида (коранической орфоэпии), расположенным в республиканском административном центре. Важным компонентом воспитательного процесса СКИУ, медресе и примечетских школ являлась культурно-массовая работа, ориентированная на развитие эстетического восприятия учащимися и формирование навыков творческого мышления, уважение к духовному наследию ислама и народов республики [21, с. 62].

Не меньшее значение имела организация спортивно-оздоровительной деятельности, основанной в соответствии как с нормами Корана, так и с базовыми постулатами педагогической науки в целом, которые подразумевают гармоничное и многоаспектное личностное развитие – в сочетании умственного и физического совершенствования. Данный критерий реализовывался за счет организации спортивных соревнований (по баскетболу, волейболу, футболу, настольному теннису), в ходе мероприятий по профилактике различных заболеваний и повышению культуры личной гигиены, посредством правильного питания и здорового образа жизни, разъяснения необходимости сохранения окружающей среды, осуществления в практической плоскости принципов коллективизма и работы на командном уровне, также соответствующих мусульманским и общепедагогическим моральным ценностям. Важную роль в данном процессе играли органы студенческого и ученического управления духовных учебных заведений [24, с. 55].

Культурное просвещение студентов и школьников мусульманских образовательных учреждений КБР реализовывалось, в том числе, посредством анализа достижений исламского искусства в республике. К примеру, учащиеся анализировали специфику архитектурного стиля Центральной мечети

города Нальчика, сочетающего принципы арабского зодчества при создании фасада здания, и местного строительного искусства, основанного на использовании минералов и каменных пород, добываемых в Кабардино-Балкарии, и аскетизма во внешнем оформлении. Студенты виуза и учащиеся примечетских школ изучали историю данного культового сооружения, основанного в 2004 г. А.В. Асановым – лауреатом республиканского конкурса проектов по строительству нового мусульманского храма в столице КБР [18, с. 13].

В Кабардино-Балкарии продолжалось развитие исламского танцевального искусства, обучение которому в республике было положено в 1990 – начале 2000-х гг., под сопровождение игры на большом количестве музыкальных инструментов. В этом жанре прослеживается осязаемое различие этнических танцев, допускающих вовлечение женщин, и религиозных, для которых по нормам ислама подобное неприемлемо. В процессе участия во внеаудиторных мероприятиях учащиеся и студенты мусульманских образовательных учреждений изучали шедевры мусульманского музыкального творчества в его арабской, турецкой, персидской интерпретации, анализировали классическую музыку, мелодический фольклор кабардинцев и балкарцев, а также творчество республиканских композиторов З.А. Жирокова, М.З. Кабардокова, В.Л. Молова, Д.К. Хаупа.

Подростки и представители юношества, обучающиеся в исламских учебных заведениях КБР, изучали арабскую классическую литературу, произведения мусульманских писателей, шедевры мировой, в частности российской и северокавказской, светской литературы, проводили (при помощи представителей преподавательского состава) обсуждение прочитанных книг. В частности, весной 2014 г. оживленную дискуссию студентов и старшеклассников исламских учебных учреждений КБР вызвало произведение известного балкарского писателя и ученого-литературоведа З.Х. Толгурова «Голубой типчак», в котором автор рассматривает тяжелый период антирелигиозной кампании на территории Кабардино-Балкарии, сопровождающийся разрушением мусульманских храмов (и в иносказательном смысле – систематическим уничтожением духовного сознания верующих) [17, с. 6].

С конца 2000-х гг. внеаудиторная работа СКИУ осуществлялась в тесном сотрудничестве с Пятигорским лингвистическим государственным университетом (ныне ПГУ), в первую очередь с кафедрой восточных языков и культур. На начальном этапе данного сотрудничества студенты Северо-Кавказского Исламского университета осенью 2009 г. вместе с ректором Ш.Ю. Чочаевым (1960–2025) приняли участие в проходившей в ПГЛУ региональной научно-практической конференции «Взаимодействие государства и религиозных конфессий в современном образовательном пространстве», посвященной 1310-летию со дня рождения крупного мусульманского теолога и правоведа Имама Абу Ханифы, в честь которого назван виуз города Нальчика.

Среди наиболее значимых мероприятий, организованных на базе ПГЛУ / ПГУ, в которых участвовали студенты СКИУ в 2007–2015 гг., следует отметить дискуссионную площадку «Роль и место Духовных управлений мусульман Северного Кавказа в социализации исламской молодежи (22–24 ноября 2014 г.)»; международно-практические конференции «Особенности исламского образования и культуры: Азербайджан, Казахстан, Таджикистан (24–26 ноября 2014 г.)», «Направления и перспективы реализации Концепции развития исламского образования России», проходившей при участии представителей Азербайджана, Иордании, Казахстана, Кувейта, Таджикистана (3–5 декабря 2014 г.), «Исламское образование в поликультурном пространстве России: вчера, сегодня, завтра» с участием представителей Азербайджана, Египта, Иордании, Казахстана, Кувейта, Таджикистана; круглый стол «Анализ учебно-методической литературы по арабскому языку и дисциплинам конфессиональной подготовки зарубежного и/или отечественного издания» [3, с. 8].

Заключение

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что практическая деятельность исламских учебных учреждений в Кабардино-Балкарской Республике в 2005–2015 гг., ориентированная на приобщение мусульманской молодежи к религиозным и культурным традиционным ценностям, в целом решила свою просветительскую задачу и повысила образовательный и мировоззренческий уровень студентов и школьников.

Работа в области культурного просвещения, которая осуществлялась в сфере мусульманского образования в КБР с середины 2000 по середину 2010-х гг., оказала противодействие распространению идей псевдоисламского экстремизма, а также неоязыческих и сектантских учений. Воспитательные мероприятия, организованные в рассматриваемый период муфтием Кабардино-Балкарии и исламскими учебными учреждениями в формате круглых столов, способствуют более глубокому пониманию молодым поколением не только основ мусульманской религии, но и в целом общественных процессов, а также необходимости использовать навыки логического мышления для поиска компромисса.

Важной задачей структуры исламского образования КБР в 2005–2015 гг. была интеграция мусульманского просвещения республики в общую образовательную систему России, обеспечивавшая гармонизацию религиозных дисциплин с современными образовательными стандартами. Большую роль в решении данной задачи имело активное сотрудничество СКИУ имени Имама Абу Ханифы с Пятигорским государственным лингвистическим университетом в научной, культурной и учебной сферах деятельности.

В целом следует констатировать: культурная политика исламских образовательных заведений КБР в указанный период способствовала укреплению межнациональных связей и стабилизации обстановки в республике.

Литература

1. Аккиева С.И. *Ислам в Кабардино-Балкарской Республике*. М.: ООО Издательская группа «Логос»; 2009. 135 с.
2. Мухаметшин Р.М. Стратегические направления развития мусульманского образования в России. *Ислам в современном мире*. 2015;11(4):35–46.
3. Ибрагимов И.Д. Особенности организации исламского образования в государственном вузе (на примере Пятигорского государственного университета). *Образование и духовная безопасность*. 2017;2(2):6–10.
4. Джантуева Ф.Р. Ислам в системе этнической и религиозной идентичности карачаевцев и балкарцев. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2009;1:12–15.

5. Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2009; 4:72–92.
6. Ковальчук Н.Г. О состоянии системы мусульманского образования в России. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):15–18.
7. Бережной С.В. Кабардино-Балкарская республика как пример эволюции исламского фундаментализма на Северном Кавказе. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006; 2(44):170–180.
8. Такова А.Н. «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества. *Религия и общество на Кавказе*. 2016;2(34):256–280.
9. Курбанов Р. Глобализация сознания мусульман Кавказа: призыв и джихад. *Центральная Азия и Кавказ*. 2006;6(48):64–80.
10. Акаев В.Х. *Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе*. М.: Российская академия наук, Институт антропологии и этнологии; 1999. 26 с.
11. Горбунов А.П., Ибрагимов И.Д. Университетское теологическое образование как уникальный фактор преемственности межконфессионального диалога в поликультурном пространстве. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):121–127.
12. Такова С.Н. Исламская оппозиция в Кабардино-Балкарской республике: формирование, развитие, радикализация (конец 80-х годов XX – начало XXI века). *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009;3(151):53–58.
13. Кушнир М.В. Адыгские международные неправительственные организации: структура, функции, основные направления деятельности. *Вестник Чувашского университета*. 2012;1:187–194.
14. Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К. *Российский ислам: Очерки истории и культуры*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт Востоковедения Российской Академии Наук; 2018. 456 с.
15. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе. *Кавказ и глобализация*. 2012;6(3):115–127.

16. Ярлыкапов А. Исламские общины Северного Кавказа: идеология и практика. *Азия и Африка сегодня*. 2006;1(582): 44–49.

17. Сапронова М.А., Чечевишников А.Л. Исламское образование в России – собственная модель? *Право и образование*. 2019;6:4–14.

18. Дмитриева Е.Л. Исламское образование в России: история и современность. *Россия и мусульманский мир*. 2018; 4(310):12–17.

19. Тетуев А.И. Образование как фактор укрепления стабильности, согласия и толерантности в современном обществе (на материалах Кабардино-Балкарии). *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение*. 2005;S10:82–91.

20. Клычников Ю.Ю., Каспарян К.В. Конфессиональная государственная политика СССР и РФ по отношению к исламу 1970–1990-х гг. *Теология и богословие: сотрудничество для сохранения и укрепления российского государственного наследия. Материалы Международной образовательной конференции*. Т. 1. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; 2022. С. 121–129.

21. Муртазин М.Ф. Развитие исламского религиозного образования на Северном Кавказе и в Европейской части страны: тенденции и перспективы. *Историко-культурное наследие Юга России. Научно-практическая конференция. г. Ставрополь, 8 февраля 2015 г.* М.: Научное общество кавказоведов, Книжный мир; 2015. С. 57–71.

22. Аккиева С.И., Сампиев И.М. Состояние и проблемы мусульманского образования в Кабардино-Балкарской Республике. *Теория и практика общественного развития*. 2015;22:158–163.

23. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

24. Филатов С.Р. Кабардино-Балкария в поисках религиозного мира. *Россия и мусульманский мир*. 2015; 5(275):45–59.

References

1. Akkiyeva S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoy Respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. Moscow: LLC Publishing Group “Logos”; 2009. 135 p. (In Russian)

2. Mukhametshin R.M. Strategicheskie napravleniya razvitiya musul'manskogo obrazovaniya v Rossii [Strategic directions for the development of Muslim education in Russia]. *Islam v sovremennom mire* [Islam in the modern world]. 2015;11(4):35–46. (In Russian)
3. Ibragimov I.D. Osobennosti organizatsii islamskogo obrazovaniya v gosudarstvennom vuze (na primere Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta) [Features of the organization of Islamic education (using the example of Pyatigorsk State University)]. *Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost'* [Education and spiritual security]. 2017;2(2):6–10. (In Russian)
4. Dzhan TUYEVA F.R. Islam v sisteme etnicheskoy i religioznoy identichnosti karachaevtsev i balkartsev [Islam in the system of ethnic and religious identity of Karachays and Balkars]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Current problems of the humanities and natural sciences]. 2009;1:12–15. (In Russian)
5. Neflyasheva N.A. Musul'manskoe obrazovanie na Severo-Zapadnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Muslim education in the Northwestern Caucasus (the second half of the XIX – early XX century)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow University. Ser. 13. Oriental studies]. 2009;4:72–92. (In Russian)
6. Koval'chuk N.G. O sostoyanii sistemy musul'manskogo obrazovaniya v Rossii [On the state of the Muslim education system in Russia]. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):15–18. (In Russian)
7. Berezhnoy S.V. Kabardino-Balkarskaya respublika kak primer evolyutsii islamskogo fundamentalizma na Severnom Kavkaze [Kabardino-Balkarian Republic as an example of the evolution of Islamic Fundamentalism in the North Caucasus]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2006;2(44):170–180. (In Russian)
8. Takova A.N. “Molyashchayasya” musul'manskaya molodezh' kak subkul'tura kabardino-balkarskogo obshchestva [“Praying” Muslim youth as a subculture of Kabardino-Balkarian society]. *Religiya i obshchestvo na Kavkaze* [Religion and society in the Caucasus]. 2016;2(34):256–280. (In Russian)

9. Kurbanov R. Globalizatsiya soznaniya musul'man Kavkaza: prizyv i dzhikhad [Globalization of consciousness of Muslims of the Caucasus: the call and jihad]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2006;6(48):64–80. (In Russian)

10. Akayev V.Kh. *Sufizm i vakhkhabizm na Severnom Kavkaze* [Sufism and Wahhabism in the North Caucasus]. Moscow: the Russian Academy of Sciences, Institute of Anthropology and Ethnology Publ.; 1999. 26 p. (In Russian)

11. Gorbunov A.P., Ibragimov I.D. Universitetskoe teologicheskoe obrazovanie kak unikal'nyy faktor preemstvennosti mezhkonfessional'nogo dialoga v polikul'turnom prostranstve [University Theological Education as a unique factor of continuity of Interfaith Dialogue in a Multicultural Space]. *Minbar. Islamic Studies*. 2009;2(2):121–127. (In Russian)

12. Takova S.N. Islamskaya oppozitsiya v Kabardino-Balkarskoy respublike: formirovanie, razvitie, radikalizatsiya (konets 80-kh godov XX – nachalo XXI veka) [The Islamic Opposition in the Kabardino-Balkarian Republic: formation, development, radicalization (the late 80s of the XX and the early XXI century)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [The News of universities. The North Caucasus region. Social Sciences]. 2009;3(151):53–58. (In Russian)

13. Kushnir M.V. Adygskie mezhdunarodnye nepravitel'stvennye organizatsii: struktura, funktsii, osnovnye napravleniya deyatel'nosti [Adyghe international non-governmental organizations: structure, functions, main activities]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University Publ.]. 2012;1:187–194. (In Russian)

14. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., Bustanov A.K. *Rossiyskiy islam: Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam: Essays on History and Culture]. 2nd ed. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2018. 456 p. (In Russian)

15. Yarlykapov A.A. Islam i konflikt na sovremennom Severnom Kavkaze [Islam and conflict in the modern North Caucasus]. *Kavkaz i globalizatsiya* [The Caucasus and globalization]. 2012;6(3):115–127. (In Russian)

16. Yarlykapov A. Islamskie obshchiny Severnogo Kavkaza: ideologiya i praktika [Islamic Communities of the North Caucasus: ideology and practice]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2006;1(582): 44–49. (In Russian)
17. Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L. Islamskoe obrazovanie v Rossii – sobstvennaya model'? [Has Islamic education in Russia got its own model?] *Pravo i obrazovanie* [Law and education]. 2019;6:4–14. (In Russian)
18. Dmitriyeva E.L. Islamskoe obrazovanie v Rossii: istoriya i sovremennost' [Islamic Education in Russia: History and Modernity]. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 2018;4(310):12–17. (In Russian)
19. Tetuyev A.I. Obrazovanie kak faktor ukrepleniya stabil'nosti, soglasiya i tolerantnosti v sovremennom obshchestve (na materialakh Kabardino-Balkarii) [Education as a factor of strengthening stability, harmony and tolerance in modern society (based on the materials of Kabardino-Balkaria)]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie* [News of universities. The North Caucasus region. Social sciences. Application]. 2005; S10:82–91. (In Russian)
20. Klychnikov Yu.Yu., Kasparyan K.V. Konfessional'naya gosudarstvennaya politika SSSR i RF po otnosheniyu k islamu 1970–1990-kh gg. [Confessional state policy of the USSR and the Russian Federation in relation to Islam in the 1970s and 1990s]. *Teologiya i bogoslovie: sotrudnichestvo dlya sokhraneniya i ukrepleniya rossiyskogo gosudarstvennogo naslediya. Materialy Mezhdunarodnoy obrazovatel'noy konferentsii* [Theology and Divinity: cooperation for the preservation and strengthening of the Russian state heritage. Materials of the International Educational Conference]. Vol. 1. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully Publ.; 2022, pp. 121–129. (In Russian)
21. Murtazin M.F. Razvitie islamskogo religioznogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze i v Evropeyskoy chasti strany: tendentsii i perspektivy [The development of Islamic religious education in the North Caucasus and in the European part of the country: trends and prospects]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Yuga Rossii. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya. g. Stavropol', 8 fevralya 2015 g.* [Historical and cultural heritage of the South of Russia. Scientific and practical

M.M. Shibzukhov

**The role of the Muslim education system in Kabardino-Balkaria in introducing the Islamic...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):377–398**

conference. Stavropol, February 8, 2015]. Moscow: Scientific Society of Caucasian Studies, Book World; 2015, pp. 57–71. (In Russian)

22. Akkiyeva S.I., Sampiyev I.M. Sostoyanie i problemy musul'manskogo obrazovaniya v Kabardino-Balkarskoy Respublike [The state and problems of Muslim education in the Kabardino-Balkar Republic]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015;22:158–163. (In Russian)

23. Bukharaev R. *Islam in Russia: The Four Seasons*. Abingdon-on-Thames: Routledge; 2014. 356 p.

24. Filatov S.R. Kabardino-Balkariya v poiskakh religioznogo mira [Kabardino-Balkaria in search of religious peace]. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 2015; 5(275):45–59. (In Russian)

Информация об авторе

Шибзухов Мурат Мухамедович, ректор Северо-Кавказского Исламского университета имени Имама Абу Ханифы, г. Нальчик, Российская Федерация.

About the author

Murat M. Shibzukhov, the Rector of the North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 февраля 2025
Одобрена рецензентами: 12 мая 2025
Принята к публикации: 12 июня 2025

Article info

Received: February 12, 2025
Reviewed: May 12, 2025
Accepted: June 12, 2025

З.А. Шарыпов

Исламские фундаменталисты и суфийские тарикаты на Северном Кавказе...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):399–414

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-399-414

УДК 297

Original Paper

Оригинальная статья

Исламские фундаменталисты и суфийские тарикаты на Северном Кавказе: современное идеологическое противостояние

З.А. Шарыпов^{1а}

¹Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0009-2863-9109>, e-mail: abumansur@inbox.ru

Резюме: В статье рассматривается феномен идеологического противостояния исламских фундаменталистов и суфийских тарикатов на Северном Кавказе. Дается определение терминам «фундаментализм» и «салафизм». Анализируется деятельность и характерные черты салафитов на Северном Кавказе. Исследуется мозаичность и многообразие салафитских ветвей, характерных для Северного Кавказа в частности и для всей России в целом. В исследовании автор указал на отличительные характеристики салафитских направлений, выявил неоднородность салафитов по отношению к террористической деятельности. Все салафитские ветви можно разделить на две группы: мирную и воинствующую. В работе подробно исследуется деятельность Духовного управления мусульман Дагестана, его усилия по противодействию распространению радикализма и укреплению суфийских традиций как в республике, так и за ее пределами. А также отдельно выделены основные идеологические составляющие противостояния салафитов и суфиев.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; радикализм; салафизм; Северный Кавказ; суфизм; тарикат; ислам

Для цитирования: Шарыпов З.А. Исламские фундаменталисты и суфийские тарикаты на Северном Кавказе: современное идеологическое противостояние. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):399–414. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-399-414

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Islamic Fundamentalists and Sufi Tariqas in the North Caucasus: Modern Ideological Confrontation

Z.A. Sharypov^{1a}

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, the Russian Federation

^aORCID:<https://orcid.org/0009-0009-2863-9109>, e-mail: abumansur@inbox.ru

Abstract: The article examines the phenomenon of ideological confrontation between Islamic fundamentalists and Sufi Tariqas in the North Caucasus. The paper also defines the term fundamentalism and Salafism and considers the activity and characteristic features of Salafists in the North Caucasus. The author investigates the mosaic and the diversity of Salafi branches characteristic of the North Caucasus in particular and for the whole of Russia. In the study, the author pointed out the distinctive characteristics of Salafist trends. He revealed the heterogeneity of Salafists in relation to terrorist activities. All Salafi branches can be divided into two groups: peaceful and militant. The work separately and in detail examines the activities of the Spiritual Administration of Muslims of Dagestan, its efforts to counter the spread of radicalism and strengthen Sufi traditions both in the republic and abroad. The main ideological components of the confrontation between Salafis and Sufis are also highlighted separately.

Keywords: terrorism; extremism; radicalism; Salafism; North Caucasus; Sufism; tariqat; Islam

For citation: Sharypov Z.A. Islamic Fundamentalists and Sufi Tariqas in the North Caucasus: Modern Ideological Confrontation. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):399–414. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-399-414

Введение

Северный Кавказ продолжает оставаться той территорией, где сохраняется нестабильность и возможно весьма неожиданное развитие событий. Некоторые исследователи называют его самым турбулентным регионом России. Множество наций, имеющих собственные языки, культуру и традиции, очень плотно совместно проживают на относительно небольшой площади. Северокавказские народы, в целом, абсолютно нормально воспринимают свое нахождение в составе России, хотя отдельные оппозиционные силы и радикальные движения пытаются внести раскол в сознание россиян Северного Кавказа, называя Россию «оккупантом» и призывая всячески противостоять государственным структурам. Эти призывы подстегиваются идеологическим столкновением между различными исламскими религиозными и псевдоре-

лигиозными течениями северокавказских мусульман. Нельзя забывать, что ислам является преобладающей конфессией этого региона. Но ислам разнообразен и интерпретируется зачастую противоречиво. Следовательно, необходимо иметь представление, какие именно направления ислама действуют на Северном Кавказе, среди которых особо проявили себя последователи суфизма (тарикаты) и сторонники салафизма (исламские фундаменталисты).

Таким образом, исследование противостояния этих двух направлений, их влияния на религиозную-политическую обстановку в регионе является актуальной научной проблемой.

Цель данной научной работы – представление феномена противостояния исламских фундаменталистов и суфийских тарикатов как составного компонента сохранения сложной конфессиональной обстановки на Северном Кавказе.

С учетом цели данного исследования сформулированы основные **задачи**:

- дать определение терминам «фундаментализм» и «салафизм» (салафийа);
- проанализировать деятельность приверженцев салафизма на Северном Кавказе;
- провести сравнительный анализ различных ветвей салафизма на Северном Кавказе;
- исследовать деятельность суфийских тарикатов Дагестана, Чечни и Ингушетии;
- познакомить с опытом ДУМД в борьбе с радикальными идеями;
- выявить основные противоречия между салафитами и суфиями.

Историография проблемы

Необходимо отметить, что проблема изучения феномена противостояния исламских фундаменталистов и суфийских тарикатов является предметом научного интереса многих российских и зарубежных ученых, в числе которых 'Али Джум'а, М.А. аль-Джами, М. Аркун, Р.М. Мухаметшин, А.А. Ярлыкапов, Р.Ф. Патеев, И.П. Добаев.

Разные аспекты данной тематики рассмотрены в работах таких специалистов по истории ислама, как: С.М.Н. Аль-‘Аттас, Р.Г. Садыков, Г.М. Керимов, К. Хорри, Д.А. Нечитайло, П. Ланд, Р.М. Мухаметшин, Д.А. Шагавиев, С.М. Прозоров, А.К. Боташева, Д. Гилкрис, С.И. Чудинов, С.А. Семедов, А.В. Малашенко, А. Зарипов.

Кроме того, элементы данной научной проблемы исследованы в общих трудах по теологии таких экспертов, как: Р. Силантьев, Д.В. Сидоров, Ю.В. Максимов, М.В. Рутковская, Ю.Ю. Гранкин, Р.М. Мухаметшин, Ю.Ю. Клычников, С.С. Лазарян, В.Д. Дзидзоев.

Результаты

К двадцатым годам XXI в. мусульмане Северного Кавказа – это прежде всего четыре основные группы:

1) сторонники фундаментализма, так называемые салафиты, раздираемые внутренними разногласиями;

2) приверженцы суфизма, представленные различными тарикатами (суфийскими орденами);

3) обычные соблюдающие нормы религии мусульмане, прихожане мечетей, не примкнувшие ни к первым, ни ко вторым в силу занятости либо по причине нежелания разбираться в богословской догматике;

4) все остальные жители Северного Кавказа, считающие себя мусульманами, но не обременяющие себя исламскими нормами и поклонениями.

Данное исследование будет посвящено первым двум группам, так как именно они создают религиозную атмосферу в регионе, и по причине их противостояния, а также из-за радикализации некоторых салафитов конфессиональная обстановка в Северо-Кавказском регионе продолжает оставаться неоднозначной.

Термин *фундаментализм* «определяется тем, что его приверженцы выступают за восстановление принципов «чистого» ислама, освобождение его от позднейших наслоений, призывают к полному претворению в жизнь норм ислама. Он провозглашает в качестве своей цели восстановление в современной жизни мусульман конкретных институтов и норм раннего, времен пророка Мухаммада и первых четырех (праведных) халифов, ислама» [1, с.

22]. Сторонники этой идеи выступают против многочисленных вековых северокавказских традиций, утверждая, что они противоречат первоначальному исламу. Призывают отказаться от привнесенных либо позаимствованных из других религий и культур ритуалов и обычаев. В качестве примера они не только выступают против празднования своих дней рождения, но и против мавлюда, то есть против чествования дня рождения мусульманского пророка Мухаммада.

В действительности исламских фундаменталистов можно назвать мусульманскими глобалистами, так как их призыв отказаться от национальных традиций и устоев, культурных и местных особенностей, идей патриотизма, служения родному отечеству во имя возрождения «чистого» ислама очень схож с лозунгами глобализма, который призывает «подвести весь мир под общий знаменатель и навязать всем странам единую «правильную» систему жизни» [2].

Фундаменталисты сами себя чаще называют «салафитами», а за глаза некоторые их характеризуют как «буквалисты». Это вследствие того, что «салафизм сформировался как одно из идеологических направлений развития мусульманской богословской мысли, последователи которого выступают за строгое¹ следование идее единобожия, соблюдение требований Сунны пророка Мухаммада, за буквальное понимание того, что изложено в Коране и достоверных хадисах, а в качестве авторитетных источников принимают только то, что передается со слов саляф салих (праведных предшественников» [3, с. 157].

Для получения базовых знаний об исламе и поиска ответов на религиозные вопросы салафиты обращаются к зарубежным арабским богословам и проповедникам, лекции и ролики которых распространяются через интернет, либо к студентам, находящимся на обучении в Саудовской Аравии, Египте и др. Автор исследования неоднократно наблюдал картину, когда житель села где-нибудь в Ставропольском крае или в Карачаево-Черкесии по телефону

¹ На самом деле «строгое» – это с точки зрения самих же салафитов. Большинство суннитских богословов не согласны с их тройственной трактовкой понятия «единобожие», расплывчатым определением термина «поклонение» и чрезмерной категоричностью в предостережении от «ширка» многобожия. В этой связи полезно будет изучить статью Д.А. Шагавиева «Критерий понятия “поклонение” (“ибада”) с точки зрения исламской догматики» [4].

выходит на связь со студентом в городе Медине и задает ему шариатский вопрос и тут же получает ответ. Таким образом, местные духовные управления мусульман не пользуются авторитетом у салафитов. Обычно они обращаются в ДУМ для получения каких-либо справок или для регистрации мечетей.

Сторонники идей салафизма также могут создать в своей местности что-то наподобие «шариатского» суда и патруля. Автор исследования неоднократно выступал научным экспертом по оценке деятельности террористических и экстремистских организаций, и во время одной из таких экспертиз в Центре «Э» ГУ МВД по СКФО обнаружилось, что на территории нескольких сел одного из Северо-Кавказских регионов действует «комитет», выносящий решения о такфире (обвинения в вероотступничестве) и фетвы по спорным бытовым вопросам. И это все в обход деятельности местного муфтията.

А в Кабардино-Балкарской республике в июле 2024 г. был задержан и ликвидирован «шариатский патруль», состоящий из 10 человек, которые на протяжении длительного периода преследовали местных жителей, не соблюдавших нормы шариата². В своем интервью интернет-изданию «Аргументы и факты. Ставрополь» автор данного исследования объяснил, что на территории Российской Федерации никаких шариатских патрулей нет и быть не может, так как Россия – светское государство, где законодательная, судебная и исполнительная власти сосредоточены в руках президента и государства³.

Салафизм Северо-Кавказского региона по своей мозаичности и неоднородности ничем не отличается от общемирового салафизма. Несмотря на то, что всех салафитов объединяет изучение трудов Ибн-‘Абд-аль-Ваххаба, северокавказские салафиты также представляют собой различные группировки и направления в зависимости от личных убеждений и с учетом авторитета конкретного идеолога-богослова, за которым следует салафит. Здесь мы найдем безобидных «безмазхабников» – молодежные джамааты (общины), которые не следуют ни за одним из четырех общепризнанных имамов (Абу-Ханифа, Шафи‘и, Малик, Ибн-Ханбаль). Они лишь берут из шариатских норм то, что

² Силовики притормозили «шариатский патруль». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6821130> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Задержали в трусах. В Кабардино-Балкарии ликвидировали «шариатский патруль». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stav.aif.ru/society/person/zaderzhali-v-trusah-v-kabardino-balkarii-likvidirovali-shariatskiy-patruel> (дата обращения: 09.07.2024)

смогли изучить самостоятельно на доступном русском языке, либо то, что для их реалий наиболее удобно и легко в применении. Но идеологически они не претендуют на свержение существующей власти, воссоздание исламского государства, организацию терактов, борьбу с существующим государственным строем либо его поддержку.

Повсеместно встречаются салафиты-ихваны (кутубиты/суруриты), которые, хотя и исповедуют единобожие по трудам Ибн-‘Абд-аль-Ваххаба и строго не придерживаются мазхабов, при этом находятся под влиянием идей «суверенитета Аллаха» египетского мыслителя Саййида Кутба и концепции «исламской демократии» катарского (египетского по происхождению) богослова Юсуфа аль-Кардави [5]. В противовес им действуют салафиты-мадхалиты, так называемые умеренные, выступающие против «арабской весны», государственных переворотов в мусульманских странах, различных протестов и демонстраций против правителя мусульман. Они находятся под влиянием идей саудовских богословов Раби‘ аль-Мадхали, ‘Абд-Аллаха аль-Бухари и др. Салафиты-мадхалиты находятся в серьезной идейной конфронтации с салафитами-ихванами и называют последних «хариджитами» и «такфиристами». Хотя такфиризм – отдельная ветвь салафизма, о которой мы расскажем ниже.

Салафиты-ихваны, независимо от своего местоположения, занимаются общественной и социальной, а также нередко и политической деятельностью, имея возможность баллотироваться на выборах, сотрудничать с представителями других религий и органами власти. Это делается с намерением принести пользу исламу и распространить его влияние во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

Салафиты-мадхалиты, напротив, более замкнутые и закрытые для общественной и политической деятельности, а участие и баллотирование в выборах при немусульманской системе правления они считают вероотступни-

чеством (риддат). Всех остальных салафитов, несогласных с их взглядами, они называют «заблудшими» и открыто их бойкотируют (хаджр).

На Северном Кавказе также действуют салафиты-такфиристы [6, с. 235], которые причисляют себя к запрещённой в России исламистской организации «Такфир ва-аль-хиджра»⁴, что с арабского означает «Обвинение в неверии и исход». Есть и такие, кто является лишь носителями ее идей. В Российской Федерации их объединение признали экстремистским. Одна из причин запрета – это их ожидание прихода имама Махди, чтобы под его руководством начать боевые действия против неверных. В ноябре 2022 г. в городе Кисловодске была осуждена большая группа сторонников этой организации⁵. Приверженцы такфиризма попали под чрезмерное влияние радикальных идей Саййида Кутба, который весь мусульманский мир обвинил в «первобытном невежестве» и объявил большую часть мусульман в неверии [7, с. 111]. Египетский лидер организации «ат-Такфир ва-аль-хиджра» Мустафа Шукри трансформировал и углубил идеи Кутба, призывая нести смерть среди «неверных» мусульман [8, с. 89].

Отличие салафитов-ихванов от салафитов-такфиристов заключается в том, что первые обвиняют в неверии только правительство мусульманского государства и главу, которые не правят по принципам шариата и стремятся прийти во власть мирным путем. А такфиристы провозглашают неверие большинства мусульманского сообщества, заявляют, что «истинных» мусульман очень мало, и призывают уничтожать «неистинных» и узурпировать власть.

Считаем необходимым выделить еще одну разновидность салафитов, именуемую «джихадисты», или «салафиты-революционеры». Это именно те, кто причисляет себя либо к ИГИЛ⁶, либо к «аль-Ка'ида» (запрещенные

⁴ Международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра». Решением Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010 признано экстремистским и запрещено на территории России. Решение Верховного Суда РФ от 15 сентября 2010 г. N ГКПИ10-848. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/> (дата обращения: 11.11.2010).

⁵ В Кисловодске восемь человек получили по 2,5 года колонии за экстремизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/873514> (дата обращения: 21.11.2022).

⁶ По решению Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С международные организации «Исламское государство» (ИГИЛ) и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы) признаны террористическими, их деятельность на территории Российской Федерации запрещена. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-t-29-dekabrya>. (дата обращения: 09.02.2025).

в РФ террористические организации), устраивает теракты и покушается на сотрудников правоохранительных органов и священнослужителей. Из самых известных зарубежных джихадистов нужно назвать Усаму бен Ладена, а из российских – Шамиля Басаева и Анзора Астемирова [9, с. 64].

Таким образом, все разнообразие салафитов на Северном Кавказе можно разделить на две большие группы: мирные салафиты и воинствующие. Естественно, мирные имеют тенденцию к распространению благодаря своему визуальному преобладанию в социальных сетях и в образовательных интернет-порталах. Во время поисков ответов на шариатские вопросы в арабском сегменте интернета на первой странице мгновенно всплывают салафитские сайты. Глобальный международный онлайн-сервис YouTube переполнен салафитским контентом высокого качества. Язык их проповедей доступен, а догматы рациональны, просты и не запутанны. В трудах Ибн-‘Абд-аль-Ваххаба может разобраться даже школьник. Салафитские ученые взяли курс на популяризацию исламского богословия и призывают ко всеобщему просвещению, что возымело как положительный, так и отрицательный эффект. Многие правоверные, не владея арабским языком, стали разбираться в тонкостях вероучения ислама. Однако при этом среди простых мусульман распространился так называемый «синдром богослова», когда любой строитель или коммерсант без специального образования смело рассуждает о смыслах Корана и об изречениях пророка Мухаммада. И, как следствие, среди подобных верующих укореняется неуважение к авторитетным исламским богословам, имена которых они даже и не слышали. А из-за буквального понимания священных текстов без комментариев специалистов некоторые обычные мусульмане и мирные салафиты подвергаются вербовке в ряды салафитов-джихадистов.

Непримиримым противником всех салафитских ветвей на Северном Кавказе сегодня выступает суфизм со всем его многообразием. Суфизм, или тасаввуф, – это мистико-аскетическое течение в исламе. На территории Дагестана, Чечни и Ингушетии суфизм существует в рамках учений суфийских тарикатов накшбандийя, кадирийя и шазилийя. «Тарикат (дорога, путь) – метод духовного возвышения и мистического познания истины. Слово *тарик* в значении «путь» употребляется в Коране. Тарикату следуют многочисленные

суфийские ордена, сильно влияющие на общественную жизнь мусульманского мира. Сторонники мусульманского аскетизма, шедшие первоначально путём духовного возвышения и борьбы со своими страстями, в XI веке объединились вокруг духовных наставников в тарикаты» [10].

Суфийское влияние исходит прежде всего из Дагестана, менее из Чечни и Ингушетии. Вероятнее всего, последние стараются сохранить и укрепить практики тариката в первую очередь в своих республиках, среди своего собственного населения. Незаметно никаких чеченских или ингушских инициатив по распространению идей тасаввуфа (суфизма) по Северному Кавказу. Дальше разговоров о том, какой суфизм хороший, а ваххабизм плохой, не идет. Сотрудник Института международных исследований при МГИМО А.А. Ярлыкапов, проводя полевые исследования в Республике Дагестан в августе 2021 года, пришел к выводу: «удалось установить значительные изменения уровня организации работы Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), находящегося под контролем суфиев ветви Саид-афанди Чиркеевского (накшбандийя-халидийя) во главе с шейхами Абдулжалил-афанди (Умахановым) и Ахмад-хаджи Абдулаевым. Наряду с планомерным распространением в Дагестане отмечается также и широкое распространение сетей ДУМД за пределы Дагестана, особенно в Азиатскую часть России, не только богатые нефтью и газом ХМАО и ЯНАО, но и на Дальний Восток. Таким образом, суфийские сети сегодня серьезно конкурируют с трансрегиональными и транснациональными салафитскими сетями»⁷.

Представители ДУМД всячески стараются распространять тарикат среди коренного населения Северного Кавказа. При этом ногайцы, туркмены, осетины, карачаевцы, адыги эти попытки зачастую встречают негативно, ссылаясь на то, что их предки никогда не были суфиями и они тоже не собираются. Также сказывается влияние салафитского призыва среди указанных народов. И нельзя не учитывать межнациональное соперничество и конкуренцию среди народов Северного Кавказа. Дагестанцев недолюбливают ногайцы, туркмены, карачаевцы и другие за их напористость и расширяющееся влияние во власти, бизнесе и сельском хозяйстве. «Не хотим суфизм, потому

⁷ Исследования в Дагестане. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/departments/issledovaniya-v-dagestane-08-21/> (дата обращения: 23.08.2021).

что он от дагестанцев», – автор исследования неоднократно становился свидетелем подобных высказываний, находясь на должности заместителя муфтия Ставропольского края.

Автор исследования, анализируя деятельность ДУМД, за годы работы на Северном Кавказе отмечает, что дагестанские суфии расширяют свое влияние, проводя хорошо организованные благотворительные и просветительские мероприятия у себя в республике и за ее пределами. Распространяют газету «Ас-Салам» и другую религиозную литературу высокого качества, изданную под контролем ДУМД. Активно сотрудничают с властными органами на местах, грамотно выстраивают политический диалог, выступая на представительных конференциях и в СМИ, цитируя слова президента Путина В.В. и всячески поддерживая СВО, чего вообще не делают салафиты. Из многочисленных дагестанских медресе, находящихся под полным контролем Духовного управления мусульман республики, ежегодно выпускаются образованные, а главное, преданные тарикату имамы, которые разъезжают как по Северному Кавказу, так и по всей России, чтобы работать для религии и служить распространению суфизма. А дагестанские бизнесмены, успешно ведущие дела по всей стране и также равнодушные к суфизму, материально обеспечивают своих имамов, направленных по линии ДУМД по регионам РФ.

Таким образом, дагестанские суфии ведут активную просветительскую, образовательную, благотворительную, издательскую, политическую деятельность, а также работу в средствах массовой информации, в социальных сетях и в сети Интернет в целом. Они составляют серьезную конкуренцию многочисленным салафитским ветвям: создают собственные богословские кадры, открывают религиозные группы в регионах, проводят диспуты и ведут активную проповедническую деятельность. Поэтому накал страстей и идеологической борьбы между суфиями и сторонниками салафизма на Северном Кавказе не утихает, а даже усиливается.

Идеологическое противостояние последователей идей Ибн-‘Абд-аль-Ваххаба и суфиев заключается в следующих основных моментах:

· Суфии Северного Кавказа в правовых вопросах шариата традиционно придерживаются шафиитского мазхаба, а салафиты в большинстве своем отрицают следование какому-либо мазхабу;

· Суфии Северного Кавказа в вопросах вероучения ('акыды) придерживаются учения ашаритов, которые аллегорически интерпретируют атрибуты Аллаха в Коране и хадисах, а салафиты истолковывают их буквально;

· Салафиты настаивают на обязательности изучения вопросов вероучения ('акыды) для каждого мусульманина и постоянно проповедуют эти темы на пятничных богослужениях и регулярных выступлениях и уроках, а суфии больше озвучивают в своих проповедях темы нравственности и уходят от вопросов догматики;

· Между суфиями и салафитами наиболее остро стоит вопрос дозволенности либо запретности посредничества между Богом и человеком (тавасуль) и обращения к умершим святым (аулийа') за заступничеством. Салафиты всех ветвей категорически против, называя это ересью (бид'а) и даже многобожием (ширком), суфии, напротив, повсеместно одобряют и практикуют;

· Празднование дня рождения пророка Мухаммада (мавлид) также является камнем преткновения между суфиями и салафитами, последние, естественно, порицают его;

· Серьезные богословские разногласия между суфиями и салафитами в понимании терминов «единобожие» (таухид), «многобожие» (ширк) и «религиозное нововведение» (бид'ат).

Существуют и другие разногласия в вопросах вероучения и исламского права, но вышеперечисленные всегда становятся предметом полемики и противостояния между этими двумя течениями ислама.

Заключение

Исследование идеологического противостояния исламских фундаменталистов и суфийских тариқатов на Северном Кавказе как фактора неутрачивающей нестабильной обстановки в этом регионе позволяет сформулировать следующие выводы: присутствие в СКФО этих двух исламских течений создает возможность для богословского дискурса и определенной конкуренции,

так как подталкивает к разнообразным инициативам представителей обоих лагерей. В то же время по причине наличия среди салафитов на Северном Кавказе так называемых такфиристов и джихадистов вероятность совершения терактов и других антигосударственных и античеловеческих акций остается очевидной. В отличие от последних, салафиты «безмазхабники, ихваны и мадхалиты» не приемлют для себя участия в преступной и запрещенной в РФ экстремистской деятельности. Более того, салафиты-мадхалиты резко осуждают салафитов-такфиристов и джихадистов, называя их хариджитами, и богословски дискутируют с ними. Тем самым мадхалиты выступают партнерами северокавказских тарикатов, сами того не желая. «Мирных», то есть умеренных, салафитов намного больше, чем «воинствующих», а вероятность того, что первые примкнут ко вторым, остается небольшой.

Несмотря на значительное снижение уровня террористической угрозы в этом регионе, отдельные джихадистские группировки и личности продолжают предпринимать попытки по дестабилизации обстановки в СКФО. Поэтому вести речь о победе над терроризмом в этом округе пока преждевременно.

Суфийские тарикаты, которые ярко выражены в Чечне, Ингушетии и особенно в Дагестане, стремятся к конструктивному диалогу и сотрудничеству с Аппаратом Президента РФ и правоохранительными органами. Ведут самостоятельную активную просветительскую деятельность по борьбе с идеями терроризма и экстремизма. Одним из главных компонентов их противостояния радикализму является распространение учения тасаввуфа (суфизма).

Идеологическое противостояние суфиев и салафитов по внешним факторам во многом схоже с разногласиями внутри христианской церкви между католиками и протестантами. Автор данного исследования считает, что в случае, если государственные структуры и представители традиционного ислама в лице духовных управлений не наладят взаимодействие и диалог с умеренными салафитами, то впоследствии возможен более глубокий раскол в мусульманстве и дальнейшее создание автономных салафитских и суфийских институтов. В этом случае государство будет уже вынуждено признать леги-

тимность салафизма, по аналогии с тем, как это произошло в христианстве с протестантской церковью.

Литература

1. Добаев И.П. *Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика*. Волков Ю.Г. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ; 2002. 334 с.
2. Ашуров И. «Элиты паразитируют на мировой экономике»: что такое глобализм и почему он провалился. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vm.ru/world/1025706-elity-parazitiruyut-na-mirovoj-ekonomike-chto-takoe-globalizm-i-pochemu-on-provalilsya> (дата обращения: 17.01.2023).
3. Муртазин М.Ф. Салафитский дискурс на постсоветском пространстве. *Россия и новые государства Евразии*. 2019;4:157–169.
4. Шагавиев Д.А. Критерий понятия «поклонение» (‘ибада) с точки зрения исламской догматики. *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2):361–377.
5. Ярлыкапов А.А. *Современный ислам на Северном Кавказе: глобальное и региональное*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592> (дата обращения: 04.05.2015).
6. Шагавиев Д.А. *Исламские течения и группы: Учебное пособие*. Казань: Хузур; 2015. 336 с.
7. Петрашко А.В. Сайд Кутб как идеолог политического ислама. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки*. 2011;2(8):110–118.
8. Малащенко А.В. *Мусульманские страны: Религия и политика (70–80 гг.)*. М.: Наука; 1991. 181 с.
9. Баранов А.В. Современный терроризм на Северном Кавказе: причины, формы, проявления, направления противодействия. *Общество: политика, экономика, право*. 2017;4(11):62–67.
10. Туфик Сиди. Суфизм в Исламе (Накшубандийский тарикат). *Аналитика культурологии*. 2007;3(9):16–34.

References

1. Dobaev I.P. *Islamskiy radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika* [Islamic radicalism: genesis, evolution, practice]. Volkov Yu.G. (ed.). Rostov-on-Don: the Higher School of Economics Press; 2002. 334 p. (In Russian)
2. Ashurov I. “*Elity parazitiruyut na mirovoy ekonomike*”: *что такое глобализм и почему он провалился* [“Elites parasitize the world economy”: what is globalism and why it failed. [Electronic source]. Available at: <https://vm.ru/world/1025706-elity-parazitiruyut-na-mirovoj-ekonomike-cto-takoe-globalizm-i-pochemu-on-provalilsya>. (Accessed: 17.01.2023). (In Russian)
3. Murtazin M.F. Salafitskiy diskurs na postsovetском prostranstve [Salafi discourse in the post-Soviet space]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and the new states of Eurasia]. 2019;4:157–169. (In Russian)
4. Shagaviev D.A. Kriteriy ponyatiya “poklonenie” (‘ibada) s tochki zreniya islamskoy dogmatiki [Criterion of the concept of “worship” (‘ibada) from the point of view of Islamic dogma]. *Minbar. Islamic Studies.* 2023;16(2):361–377. (In Russian)
5. Sklykapov A.A. *Sovremennyy islam na Severnom Kavkaze: global'noe i regional'noe* [Modern Islam in the North Caucasus: global and regional]. [Electronic source]. Available at: <https://mgimo.ru/about/news/experts/268592> (Accessed: 04.05.2015). (In Russian)
6. Shagaviev D.A. *Islamskie techeniya i gruppy: Uchebnoe posobie* [Islamic movements and groups: Textbook]. Kazan: Huzur Press; 2015. 336 p. (In Russian)
7. Petrashko A.V. Sayd Kutb kak ideolog politicheskogo islama [Sayd Qutb as an ideologist of political Islam]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Historical Sciences Series]. 2011;2(8):110–118. (In Russian)
8. Malashenko A.V. *Musul'manskije strany: Religiya i politika (70–80 gg.)* [Muslim countries: Religion and Politics (70–80)]. Moscow: Nauka Press; 1991. 181 p. (In Russian)
9. Baranov A.V. *Sovremennyy terrorizm na Severnom Kavkaze: prichiny, formy, proyavleniya, napravleniya protivodeystviya* [Modern terrorism in the North Caucasus: causes, forms, manifestations, directions of counteraction]. *Obshchestvo:*

Z.A. Sharypov

**Islamic Fundamentalists and Sufi Tariqas in the North Caucasus: Modern Ideological...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):399–414**

politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]. 2017;4(11):62–67.
(In Russian)

10. Toufic Sidi. Sufizm v Islame (Nakshubandijskij tarikat) [Sufism in Islam
(Naqshubandi Tariqah)]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies].
2007;3(9):16–34. (In Russian)

Информация об авторе

Шарыпов Закир Ахтамович, аспирант
Института подготовки кадров Высшей
квалификации Пятигорского государ-
ственного университета, г. Пятигорск,
Российская Федерация.

About the author

Zakir A. Sharypov, Postgraduate at the
Institute of Higher Qualification Training
in Pyatigorsk State University, Pyatigorsk,
the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфлик-
та интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict
of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03 марта 2025

Одобрена рецензентами: 03 мая 2025

Принята к публикации: 03 июня 2025

Article info

Received: March 03, 2025

Reviewed: May 03, 2025

Accepted: June 03, 2025

С.Ю. Егоров

Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):415–439

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-415-439

УДК 24

Original Paper

Оригинальная статья

Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации

С.Ю. Егоров^{1а}

¹Московский налоговый институт, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8512-400X>, e-mail: sergeyuegorov@gmail.com

Резюме: Статья посвящена вопросу о соответствии деятельности конфессиональных диссертационных советов правилам и практике работы государственной системы научной аттестации в ее современном состоянии. Основное внимание сфокусировано на изучении российских православных, исламских и протестантских систем богословской научной аттестации, в рамках которых создаются и функционируют конфессиональные диссертационные советы, присуждаются и признаются богословские степени. В обширную источниковую базу были включены отечественные и зарубежные нормативные и правовые акты, внутренние установления религиозных организаций, документы и материалы о работе диссертационных советов и о присуждении богословских степеней. Исследование показало, что конфессиональная и светская научная аттестация проводятся по схожим принципам, в соответствии с сопоставимыми требованиями. Это проявляется как в организационных аспектах, так и в вопросах оценки качества кандидатских и докторских диссертаций. Подобное положение дел связано с общей установкой конфессиональных систем на сближение с актуальными государственными образцами. Наибольшее сходство обнаруживается при сравнении с работой диссоветов, созданных на базе ведущих образовательных и научных организаций, получивших право самостоятельно присуждать ученые степени в рамках государственной системы научной аттестации.

Ключевые слова: богословские степени; богословские звания; научная аттестация; богословская аттестация; ученые степени; диссертационный совет; диссертация; кандидат богословия; доктор богословия; доктор служения; доктор исламских наук

Для цитирования: Егоров С.Ю. Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):415–439*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-415-439

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

S.Yu. Egorov

Activities of dissertation councils of confessional scientific certification systems

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):415–439

Activities of dissertation councils of confessional scientific certification systems

S.Yu. Egorov^{1a}

¹*Moscow Tax Institute, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8512-400X>, e-mail: sergeyyuegorov@gmail.com

Abstract: The paper is devoted to the compliance of the confessional dissertation councils' operation with the rules and practices of the state system of scientific attestation in its current state. The main focus is on the study of the Russian Orthodox, Islamic and Protestant systems of theological academic certification, within which confessional dissertation councils are established and operate, and theological degrees are awarded and recognised. The extensive source base included domestic and foreign regulatory and legal acts, internal regulations of religious organisations, documents and materials on the operation of dissertation councils and on the awarding of theological degrees. The study demonstrated that confessional and secular scientific attestation are conducted according to similar principles, in accordance with comparable requirements. It is revealed both in organisational aspects and in the issues of quality assessment of candidate and doctoral theses. This state of affairs is related to the general attitude of confessional systems towards the convergence with actual state formats. The similarity is mostly revealed in case of comparing the operation of dissertation councils established on the basis of leading educational and scientific organisations, which have received the right to independently award state academic degrees.

Keywords: Theological Degrees; Theological Ranks; Scientific Attestation; Theological Attestation; Academic Degrees; Dissertation Council; Dissertation; Candidate of Theology; Doctor of Theology; Doctor of Ministry; Doctor of Islamic Sciences

For citation: Egorov S.Yu. Activities of dissertation councils of confessional scientific certification systems. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):415–439*. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-415-439

Введение

Начатый в 2016 году процесс расширения университетской автономии привел к формированию в России уникальной ситуации, при которой прежде монолитная система научной аттестации начала приобретать более сложную организационную структуру [1]. Помимо ученых степеней, присуждаемых по единым правилам Высшей аттестационной комиссии (ВАК), появились аналогичные им степени, присуждаемые самостоятельно ведущими обра-

зовательными и научными организациями [2]. В тот же период произошла активизация конфессиональных систем научной аттестации, присуждающих богословские степени [3]. В связи с обозначенной ситуацией в профессиональных и академических сообществах начались дискуссии, посвященные различным аспектам соответствующей проблематики. При этом вопросы богословской аттестации рассматривались почти исключительно в перспективе истории прошлых веков [4]. В 2023 году в Государственной Думе Российской Федерации был рассмотрен законопроект, предлагающий уравнивать в правах обладателей богословских степеней с обладателями других ученых степеней¹. Активное обсуждение в экспертной среде показало отсутствие единого понимания природы и сути данного феномена и обусловило необходимость его научного изучения, в первую очередь, в контексте работы конфессиональных диссертационных советов.

За исключением нескольких публикаций, посвященных вопросам интеграции богословского образования в российскую систему образования [5], современное состояние богословских степеней не подвергалось научному рассмотрению. Это, с одной стороны, определяет потребность в обозначении общих рамок, структуры и специфики указанного явления, а с другой – требует обращения к смежной проблематике. Наиболее близкие по теме исследования посвящены вопросам развития теологии как образовательной и научной специальности. Соответствующие наработки представлены работами Д.В. Шмонина [6], А.М. Прилуцкого [7], Г.В. Алфеева [8] и других авторов. Их содержание дополняют результаты изучения конфессиональных образовательных структур, отраженные в статьях и книгах И. Шоу [9], И.В. Левина [10], А.Ю. Егорова [11] и их коллег. И, наконец, особенностями развития российских систем научной аттестации занимаются С.В. Новиков [12], С.И. Пахомов [13], А.В. Габов [14] и другие специалисты. В контексте обозначенной научной базы ключевой вопрос настоящего исследования может быть сформулирован следующим образом: соответствует ли деятельность конфессиональных диссертационных советов прави-

¹ Законопроект № 323220-8 «О внесении изменений в статьи 92 и 108 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"». СО ЗД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323220-8> (дата обращения: 28.08.2024).

лам и практике работы государственной системы научной аттестации в ее современном состоянии?

Источниковую базу, необходимую для поиска ответа на обозначенный выше исследовательский вопрос, формируют несколько групп источников. Во-первых, это нормативные и правовые акты, утверждаемые на уровне федерального законодательства об образовании и о науке, а также о свободе совести и религиозных объединениях. Во-вторых, анализу подлежат внутренние установления российских религиозных организаций, представляющих традиционные религии и конфессии России. Стоит отметить, что наиболее заметные системы богословской аттестации созданы в православных, исламских и протестантских религиозных объединениях. В-третьих, ценность представляют информационные материалы, возникшие в связи с работой конфессиональных диссертационных советов, – списки участников, документы защит и иные сведения, размещенные на их официальных сайтах. В качестве методологической основы исследования будет применен системный подход, позволяющий не только последовательно описать наиболее значимые компоненты систем богословской научной аттестации, но и проследить существующие в их рамках взаимосвязи, закономерности и тенденции развития. В соответствии с этим, в качестве основных методов будут выступать анализ, синтез, обобщение, моделирование, типологизация, классификация, а также другие инструменты сбора, обработки и интерпретации данных.

1. Основные принципы организации работы диссертационных советов

Деятельность конфессиональных диссертационных советов стартовала задолго до указанной ранее университетской реформы 2016 года [15]. Православные семинарии, институты и академии начали присуждение богословских степеней еще в период самодержавия, с некоторыми перерывами продолжили в советские годы и не стали останавливать свою практику после распада СССР. Мусульмане и протестанты получили возможность создавать свои национальные системы богословской аттестации только в конце XX века, а до этого их служители могли получать степени лишь в зарубежных университетах [16]. Наибольшая активность в сфере богословской научной аттестации возникла после утверждения Федерального закона «Об образо-

вании в Российской Федерации» 2012 года², где впервые в законодательство были введены термины «богословские степени» и «богословские звания». Возможность учитывать обладателей таких степеней при государственном лицензировании и аккредитации стала важным стимулом для приложения усилий к развитию в России соответствующих конфессиональных систем [17]. Стоит отметить, что централизованные религиозные организации (ЦРО) получили возможность не только присуждать собственные степени, но и проводить признание иностранных ученых степеней [1].

Длительное нахождение вне единых рамок государственного регулирования привело к появлению заметных различий между практикой работы диссертационных советов разных конфессий. Православные специалисты в организационном плане ориентировали свою деятельность на классические образцы имперских, советских и постсоветских государственных систем научной аттестации [18]. Исламское образование пошло по пути объединения национальных традиций с принципами и практикой образовательных организаций дружественных арабских стран [16]. Протестанты избрали стратегию сохранения вариативности, в которой присутствовали как близкие к классическим образцам диссертационные советы, так и системы присуждения ученых степеней, аналогичные практике ведущих европейских и американских университетов, в первую очередь – Оксфордского, Кембриджского и Гарвардского [19]. В результате к моменту начала реформы 2016 года, в ходе которой многие университеты начали искать для себя варианты совмещения национальных и зарубежных примеров работы систем научной аттестации, в традиционных религиях и конфессиях России подобный опыт накапливался уже более двух десятилетий [1]. При этом представители всех конфессиональных систем прилагали усилия для обеспечения возможности государственного признания богословских степеней [3].

Многие регламенты российских религиозных организаций содержат указание на то, что в своей деятельности конфессиональные диссертационные советы ориентируются не только на внутренние установления, но и на

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ivo.garant.ru/#/document/70291362/> (дата обращения: 28.08.2024).

федеральное законодательство. Стремление к соответствию стандартам государственной системы научной аттестации выражается в следовании основным принципам организации работы диссоветов. К этому, в первую очередь, относится баланс университетской автономии и отраслевого контроля [1]. В рамках государственной модели существуют диссертационные советы, создаваемые на базе образовательных и научных организаций, а также ВАК, экспертные советы которой координируют работу по различным научным специальностям [15]. В организациях, осуществляющих самостоятельное присуждение ученых степеней, разработка правил работы и контроль качества осуществляется их учеными советами. При этом за ними сохраняется общий контроль со стороны Минобрнауки России, а также обязанность информировать ВАК о своей деятельности [2]. В конфессиональных системах диссертационные советы получают аналогичный уровень автономии [5]. Отраслевой контроль там осуществляют соответствующие ЦРО и их профильные структурные подразделения, которые и устанавливают правила проведения богословской научной аттестации³.

В конфессиональных диссертационных советах сохраняется общепринятый порядок работы, в целом соответствующий тем практикам, которые существуют в российской государственной системе [3]. Присуждение богословских степеней производится коллективными органами, деятельность которых подлежит внешнему контролю. Данные органы создаются с разрешения вышестоящих структур, отвечающих за регулирование в той или иной научной сфере. В светском пространстве роль подобных структур выполняют экспертные советы ВАК, в конфессиональном – ЦРО. Основанием для присуждения выступает защита диссертации, подготовленной самостоятельно соискателем ученой степени и оформленной в соответствии с наиболее распространенными в России образцами [1]. Процедура защиты включает этап предварительного рассмотрения диссертации, рецензирование ее текста, публичную защиту перед представителями диссертационного совета, дополнительное рассмотрение аттестационного дела внешними экспертами, а также возможность апелляции на всех этапах [5]. По мере необходимости диссовет

³ Устав. Учебный комитет РПЦ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchkom.info/uchebnyy-komitet/ustav/> (дата обращения: 28.08.2024).

может действовать в полном составе или же в лице избранных участников, образующих комиссии и комитеты⁴. Все названные этапы в тех или иных формах присутствуют в практике и государственных, и конфессиональных диссертационных советов [14].

По схожим принципам происходит комплектование составов диссертационных советов. В них на разовой и (или) на постоянной основе включаются специалисты, обладающие заведомо достаточными компетенциями, необходимыми для оценки диссертаций соискателей ученых степеней [1]. Их выбирают как из числа работников организаций, на базе которых создаются диссоветы, так и из внешних экспертов, что важно для развития межуниверситетского взаимодействия [3]. В период становления в конфессиональные советы активно привлекали зарубежных ученых, поскольку национальный кадровый резерв был относительно небольшим. По мере роста числа российских обладателей богословских степеней потребность в иностранцах начала снижаться, однако их участие сохранилось в рамках международного научного сотрудничества [17]. Ни в православных, ни в исламских, ни в протестантских регламентах работы диссертационных советов не устанавливается конфессиональный ценз для включения в их составы⁵. Анализ соответствующей практики показывает, что помимо представителей того же религиозного направления в работе диссоветов нередко принимают участие светские специалисты, а также представители других религий и конфессий, специализирующиеся на тематиках защищаемых диссертаций [3].

Последовательное изучение нормативных документов и материалов защит конфессиональных диссертационных советов подтверждает соответствие их деятельности основным принципам организации работы диссоветов в рамках государственной системы научной аттестации [1]. На современном этапе развития православные диссоветы работают по регламентам, практически полностью повторяющим государственные нормативные акты. Основ-

⁴ Положение об Общецерковном докторском диссертационном совете Русской Православной Церкви. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doctorantura.ru/pdf/dissovet/regulations_main.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

⁵ Положение о Совете по защите диссертаций на соискание богословской степени доктора исламских наук. Болгарская Исламская Академия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bolgar.academy/wp-content/uploads/2023/09/polozhenie-o-sovete-po-zashhite-dissertaczij-na-sssoiskanie-bogoslovskoj-stepeni-doktobogoslovskoj-stp.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

ное отличие заключается в конфессиональном контроле со стороны соответствующей ЦРО⁶. Исламские внутренние установления в большей степени соответствуют правилам ведущих государственных образовательных и научных организаций, действующих самостоятельно, но по максимально схожим с предъявляемыми ВАК требованиям. Для обеспечения общего академического пространства независимые друг от друга исламские духовные образовательные организации утверждают единые регламенты работы исламских диссертационных советов⁷. Протестантские диссертационные советы создаются по аналогии с практикой университетов, самостоятельно присуждающих государственные ученые степени и активно экспериментирующих с формами и методами научной аттестации. Протестанты уделяют большое внимание как национальному, так и международному признанию богословских степеней [15]. По целому ряду параметров можно увидеть множество соответствий между правилами и практикой государственных и конфессиональных диссертационных советов [2].

2. Организационные формы диссертационных советов

Вопрос о соответствии конфессиональных и государственных систем научной аттестации требует рассмотрения организационных форм, в которых осуществляется работа диссертационных советов. В рамках государственной системы научной аттестации предусмотрены постоянно действующие и разовые диссертационные советы⁸. Для постоянных советов установлена минимальная численность в 11 человек, а для разовых – в диапазоне от 5 до 9 человек. Стоит отметить, что к первой группе относятся как советы, созданные на базе одной образовательной или научной организации, так и объединенные диссертационные советы, включающие специалистов из нескольких

⁶ Положение о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doctorantura.ru/images/dissovet/polozenie-kand.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

⁷ В России принято положение о порядке присуждения степени доктора исламских наук. *Татар-информ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-rossii-prinyato-polozenie-o-poryadke-prisuzdeniya-stepeni-doktor-islamskix-nauk-5836351> (дата обращения: 28.08.2024).

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 N 842 «О порядке присуждения ученых степеней». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70461216/> (дата обращения: 28.08.2024).

структур, но не более чем из четырех организаций⁹. В постоянных диссоветах могут принимать участие кандидаты наук, но при условии, что их доля составляет не более 25% от общего количества членов¹⁰. Особую подсистему составляют специальные диссертационные советы, создаваемые на базе одной или нескольких организаций для рассмотрения и защиты диссертаций, содержащих сведения, составляющие государственную тайну¹¹. Для них действуют в целом похожие правила, при этом ряд требований, например, в части публичности, существенно упрощен [3].

В православных и мусульманских организациях функционируют только постоянно действующие диссертационные советы. Протестантские религиозные объединения создают и постоянные, и разовые диссоветы. Православные и протестанты формируют свои советы на базе как одной, так и нескольких организаций [19]. Количество членов диссертационного совета у православных должно быть не менее 17, у мусульман не менее 11, а у протестантов от 2 до 15 человек, что соответствует практике ведущих мировых университетов, где диссертации традиционно оценивают группы из 2-3 человек [3]. Что касается квалификационного ценза, в православных советах, имеющих право присуждать богословские степени на уровне кандидата наук, допускается наличие членов с такой же степенью. Их доля не ограничивается, однако указывается, что это возможно в порядке исключения¹². В докторских советах допускается наличие только докторов наук, а в особых случаях – обладателей зарубежной докторской степени¹³. Ни мусульмане, ни протестанты

⁹ Письмо Минобрнауки России от 23.09.2014 N 13-3671 «О типовом соглашении о создании объединенного диссертационного совета». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70753232/> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁰ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 N 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71825906/> (дата обращения: 28.08.2024).

¹¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 28.06.2023 N 652 «Об утверждении Положения о специальном совете по защите диссертаций, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407510924/> (дата обращения: 28.08.2024).

¹² Положение о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.doctorantura.ru/images/dissovet/polozhenie-kand.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

¹³ Положение об Общецерковном докторском диссертационном совете Русской Православной Церкви. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doctorantura.ru/pdf/dissovet/>

станты не запрещают включение кандидатов наук в работу диссертационных советов и не вводят строгие количественные ограничения для их участия¹⁴.

Конфессиональные диссертационные советы, созданные на базе одной организации, являются наиболее распространенной организационной формой подобных структур. Они присутствуют при всех традиционных религиях и конфессиях России [7]. В православных советах порядок защиты диссертации в целом повторяет последовательность действий, описанных в требованиях к советам под руководством ВАК¹⁵. На первом этапе диссертация принимается для предварительного рассмотрения специальной комиссией. Далее диссовет назначает оппонентов (двух для кандидатской и трех для докторской диссертации) и ведущую организацию для получения внешних отзывов. Затем диссертацию рассматривают в рамках публичного заседания¹⁶. В исламских диссертационных советах оценивание диссертации производят похожим образом, при этом назначение оппонентов и предоставление дополнительных отзывов не всегда является обязательным требованием¹⁷. В протестантских диссоветах встречается и первый, и второй сценарий. В большинстве случаев рецензенты и ведущая организация не назначаются, поскольку их функции распределяются между участниками основного состава совета. К моменту выхода соискателя на завершающий этап защиты каждый член диссертационного совета готовит письменный отзыв на диссертацию¹⁸.

Православные объединенные диссертационные советы создаются преимущественно для рассмотрения докторских диссертаций¹⁹. Долгое время

regulations_main.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁴ Положение о Совете по защите диссертаций на соискание богословской степени доктора исламских наук. *Болгарская Исламская Академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bolgar.academy/wp-content/uploads/2023/09/polozhenie-o-sovete-po-zashhite-dissertacij-na-ssssoiskanie-bogoslovskoj-stepeni-doktobogoslovskoj-stp.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁵ Диссертационный совет. *ПСТГУ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/Disser_divinity_church/ (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁶ Положение об Общецерковном докторском диссертационном совете Русской Православной Церкви. *ОАД*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doctorantura.ru/pdf/dissovet/regulations_main.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁷ Положение о Совете по защите диссертаций на соискание богословской степени доктора исламских наук. *Болгарская Исламская Академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bolgar.academy/wp-content/uploads/2023/09/polozhenie-o-sovete-po-zashhite-dissertacij-na-ssssoiskanie-bogoslovskoj-stepeni-doktobogoslovskoj-stp.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁸ Академические стандарты ТЕАЕ. *ТЕАЕ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tea-e.org/academic_standards/ (дата обращения: 28.08.2024).

¹⁹ Диссертационные советы. *Учебный комитет РПЦ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

существовал всего один совет докторского уровня, однако в 2019 году был создан второй на базе Московской духовной академии, Санкт-Петербургской духовной академии и Минской духовной академии, к которому в 2022 году присоединилась Сретенская духовная академия²⁰. Порядок работы в таких советах отличается лишь необходимостью получить большее количество согласований. Деятельность диссоветов координируется Патриархом и Учебным комитетом Русской Православной Церкви (РПЦ)²¹. Во внутренних установлениях протестантских религиозных объединений возможность создания объединенных диссоветов также предусмотрена, однако на практике она не реализуется. Попытки создания подобных советов предпринимались по трем основным направлениям: создание диссовета совместно с зарубежным университетом или семинарией; работа в партнерстве с одним из ведущих российских государственных университетов; заключение соглашения между несколькими духовными образовательными организациями²². Так, например, на протяжении 2018 года велись переговоры о создании объединенного совета на базе Евроазиатской богословской семинарии, Санкт-Петербургского христианского университета и Кубанского евангельского христианского университета [3].

Разовые конфессиональные диссертационные советы создаются, в основном, протестантскими религиозными объединениями. Их состав формируется из числа профильных специалистов, способных дать всестороннюю оценку конкретной диссертации по той или иной научной специальности²³. В зависимости от темы диссертации и языка ее написания в состав совета включаются работники российских и зарубежных светских и церковных

<https://uchkom.info/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/diss-sovet/> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁰ Объединенный докторский диссертационный совет Московской духовной академии, Санкт-Петербургской духовной академии, Минской духовной академии и Сретенской духовной академии. *Московская духовная академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpda.ru/news-heading/doctorsky-sovet/> (дата обращения: 28.08.2024).

²¹ Положение об Объединенном докторском диссертационном совете. *Минская духовная академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minda.by/nauka/doktorskij-sovet/polozhenie-ob-doktorskom-sovete/> (дата обращения: 28.08.2024).

²² Академические стандарты ТЕАЕ. *ТЕАЕ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tea-e.org/academic_standards/ (дата обращения: 28.08.2024).

²³ Положение о присуждении богословских ученых степеней. *Дагестанский исламский университет*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://diudag.ru/wp-content/uploads/2021/01/Положение-о-присуждении-ученых-степеней-сайт.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).

образовательных и научных организаций. На кандидатском уровне допускается участие обладателей кандидатских и аналогичных им степеней без ограничения их доли в общем количестве членов. Для защит на уровне доктора наук приглашаются только лишь обладатели дипломов того же уровня²⁴. Стоит отметить, что в новой государственной модели научной аттестации разовые советы являются единственным форматом работы для целого ряда ведущих университетов, включая СПбГУ, МГИМО и РАНХиГС [2]. Не менее распространенной практикой можно считать комбинирование постоянно действующих и разовых диссоветов, что существует в том числе в РУДН, РХТУ и ЮФУ [14]. Порядок работы подобных структур в целом аналогичен регламентам деятельности протестантских диссертационных советов [3].

По результатам всестороннего рассмотрения организационных форм, применяемых в конфессиональных диссертационных советах, можно констатировать, что они в целом схожи с аналогичными структурами в рамках государственной системы научной аттестации [5]. Принятие решений об использовании той или иной формы обусловлено целым рядом обстоятельств, не являющихся характерными исключительно для религиозных организаций. Во-первых, учитывается возможность обеспечить необходимые условия функционирования диссовета за счет ресурсов одной или нескольких организаций²⁵. Во-вторых, оценивается наличие достаточного количества профильных специалистов по теме выдвигаемой на защиту диссертации²⁶. В-третьих, определяется баланс между репрезентативностью совета и административными расходами на его деятельность [3]. Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования работы конфессиональных диссертационных советов, на практике их эволюция проходит в рамках общих трендов и тенденций развития государственной системы научной аттестации. Наиболее

²⁴ Положение об Общецерковном докторском диссертационном совете Русской Православной Церкви . ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doctorantura.ru/pdf/dissovet/regulations_main.pdf (дата обращения: 28.08.2024).

²⁵ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 N 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» . *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71825906/> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁶ Письмо Минобрнауки России от 10.11.2014 N 13-4259 «Об объединенных диссертационных советах». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70798544/> (дата обращения: 28.08.2024).

часто в качестве основной стратегии избирается адаптация общей государственной модели научной аттестации с учетом религиозной специфики. Создание уникальных инновационных моделей с принципиально новыми организационными решениями также практикуется, однако в значительно меньшем объеме [1].

3. Базовые организации для создания диссертационных советов

Особого внимания заслуживает вопрос о требованиях к организациям, на базе которых создаются диссертационные советы. В соответствии с действующими нормативными правовыми актами, в государственной системе научной аттестации в данной роли могут выступать образовательные организации высшего и дополнительного профессионального образования, а также научные организации [19]. Решение о создании диссовета принимает Минобрнауки России на основе рекомендации ВАК по ходатайствам самих организаций и, при необходимости, по согласованию с их учредителями²⁷. В организациях, самостоятельно присуждающих государственные ученые степени, аналогичное решение принимается ректором или ученым советом [1]. Конфессиональные советы создаются по решению ЦРО или, если это предусмотрено соответствующими внутренними установлениями, руководящими органами образовательной организации [3]. При этом, помимо названных видов организаций, богословская научная аттестация может проводиться непосредственно на базе ЦРО. В ряде случаев в одних и тех же организациях создаются не только государственные, но и конфессиональные диссертационные советы, что обеспечивает соискателей более широкими возможностями для выбора вариантов прохождения научной аттестации и получения ученых степеней²⁸.

Участие ЦРО в работе диссоветов предусмотрено не только в системах богословской научной аттестации, но и в государственных советах²⁹. При со-

²⁷ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 N 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71825906/> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁸ Диссертационные советы. *Учебный комитет РПЦ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchkom.info/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/diss-sovet/> (дата обращения: 28.08.2024).

²⁹ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 N 1093 «Об

здании диссертационных советов по группе научных специальностей 5.11 Теология для получения разрешения Минобрнауки России заявители должны предоставить рекомендацию ЦРО соответствующей конфессиональной принадлежности по каждому кандидату в члены совета и согласовать заявку с Комиссией по развитию теологического, религиозного и духовно-нравственного образования Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации³⁰. Данное нормативное требование сокращает отличие государственных советов от конфессиональных и стимулирует религиозные объединения к большей открытости к единым государственным требованиям [1]. На это же направлено включение в Номенклатуру научных специальностей Минобрнауки России исследовательских направлений «православие», «ислам», «иудаизм», «протестантизм» и «буддизм» в каждую научную специальность в группе 5.11 Теология³¹. Внесение соответствующих поправок в законодательство усилило конкуренцию между государственными и конфессиональными моделями научной аттестации, поскольку у ЦРО появилось больше инструментов влияния на правила и практику присуждения ученых степеней [7].

Большинство православных, исламских и протестантских конфессиональных диссертационных советов было создано на базе духовных образовательных организаций (ДОО). В соответствии с российским законодательством, ДОО регистрируются по решению ЦРО в качестве религиозных организаций, при этом в полном наименовании указывается тип образовательной организации³². Во внутренних установлениях традиционных религий и конфессий России не вводится обязательного требования создавать диссоветы только на базе ДОО высшего или дополнительного профессионального

утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71825906/> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁰ Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями. *Президент России*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/administration/64915> (дата обращения: 28.08.2024).

³¹ Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400450248/> (дата обращения: 28.08.2024).

³² Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ. *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/171640/> (дата обращения: 28.08.2024).

образования, однако подобная практика является наиболее распространенной [3]. Значительная часть членов диссоветов ДОО обладает богословскими степенями, полученными в российских и зарубежных организациях. Так, например, в православных регламентах указывается что в состав советов допускаются обладатели степеней, полученных в Российской Федерации и в других странах канонической территории РПЦ³³. Почти всегда в состав советов входят кандидаты и доктора наук, имеющие дипломы, полученные в рамках государственной системы научной аттестации, работающие в ДОО и (или) в других организациях³⁴. Чаще всего на защиту выходят соискатели, подготовившие диссертацию в этой же ДОО³⁵.

Помимо ДОО в качестве базы для создания конфессиональных диссертационных советов выступают светские образовательные и научные организации. Подобная возможность активно используется православными и протестантскими системами богословской научной аттестации³⁶. Ярким примером этого является Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), зарегистрированный в форме образовательного частного учреждения высшего образования³⁷. Несмотря на полностью нерелигиозную организационно-правовую форму ПСТГУ и отсутствие лицензии на подготовку служителей, на его базе почти три десятилетия работают конфессиональные диссоветы РПЦ и присуждаются богословские степени³⁸. Аналогичным образом действуют и протестантские ЦРО, по мере необходимости создающие диссоветы на базе партнерских организаций, в том числе тех, в которых они не являются учредителями. Стоит отметить, что светские организации участвуют в работе систем богословской научной аттестации не

³³ Положение об Объединенном докторском диссертационном совете. *Минская духовная академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minda.by/nauka/doktorskij-sovet/polozhenie-ob-doktorskom-sovete/> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁴ Кандидатский диссертационный совет СПбДА. *СПбДА*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbda.ru/science/dissertatsionnyj-sovet-spbda> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁵ Новости: Диссертационный совет. *Московская духовная академия*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpda.ru/news-heading/dissertacionnyj-sovet/> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁶ Диссертационный совет. ПСТГУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/Disser_divinity_church/ (дата обращения: 28.08.2024).

³⁷ Основные сведения. *ПСТГУ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pstgu.ru/sveden/common/> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁸ Список защищенных работ. *ПСТГУ*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/Disser_divinity_church/protected_works/ (дата обращения: 28.08.2024).

только в роли базы для создания советов, но и в качестве ведущих организаций при защите диссертаций³⁹. Нередко таковыми становятся государственные образовательные организации высшего образования, сотрудники которых ведут активную научно-исследовательскую деятельность в тех или иных областях исследований⁴⁰.

Довольно редко богословская научная аттестация проводится непосредственно на базе ЦРО. В России подобная практика не является широко распространенной, поскольку организационное обеспечение соответствующих аттестационных процедур проще осуществлять на базе образовательных и научных организаций [3]. Тем не менее, в случае необходимости придания общецерковного статуса присуждаемым богословским степеням без надления особыми правами какой-либо образовательной или научной организации, ЦРО может свободно применять подобный подход⁴¹. Правовым основанием для этого является то, что российское законодательство позволяет религиозным организациям действовать в соответствии с собственными внутренними установлениями, при условии, что их нормы не противоречат законодательству [20]. Отсутствие государственных ограничений делает такой формат доступным для использования. В мировой практике подобные богословские степени присуждаются, например, в Англиканской церкви Архиепископом Кентерберийским под названием Lambeth Degree⁴². В отличие от почетных степеней, ламбетовские степени являются юридически значимыми академическими степенями, присуждаемыми соискателям, которые соответствуют требованиям, предъявляемым для получения университетских

³⁹ В ОЦАД состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doctorantura.ru/news/v_otsad_sostoyalas_zashchita_dissertatsii_na_soiskanie_uchenoy_stepeni_kandidata_bogosloviya/ (дата обращения: 28.08.2024).

⁴⁰ Общецерковный докторский совет: иерей Григорий Игоревич Григорьев. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doctorantura.ru/science/discouncils/all-church-council/pages/ierey-grigoriy-igorevich-grigorev> (дата обращения: 28.08.2024).

⁴¹ Общецерковный докторский совет: протоиерей Алексей (Алексей Олегович) Ястребов. ОАД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doctorantura.ru/science/discouncils/all-church-council/pages/protoierey-aleksiy-aleksey-olegovich-yastrebov> (дата обращения: 28.08.2024).

⁴² Lambeth Degrees. *The Faculty Office of the Archbishop of Canterbury*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facultyoffice.org.uk/lambeth-degrees/> (accessed: 28.08.2024).

ученых степеней, в том числе в части наличия публикаций по профильной специальности⁴³.

Деятельность конфессиональных диссоветов прекращается по тем же основаниям, что и в государственной системе научной аттестации. Ключевыми из них являются завершение срока, на который был создан совет, реорганизация или ликвидация базовой организации, серьезные нарушения установленных правил и нецелесообразность продолжения деятельности в связи с низкой результативностью⁴⁴. Последний пункт представляется интересным в перспективе исследования масштабов работы систем богословской научной аттестации, однако подобный труд в текущий момент является практически невозможным [3]. Основным препятствием к сравнительному изучению результативности диссоветов является отсутствие единой базы данных, содержащей сводные сведения о прошедших защитах и о присужденных степенях [1]. Существующая в публичном пространстве информация о работе конфессиональных советов отличается разрозненностью и неполнотой. Стремление к публикации отчетов о деятельности получило распространение лишь в недавние годы, поэтому без целенаправленной работы по составлению единых реестров на уровне ЦРО оценка количества обладателей богословских степеней может быть только условной [6]. Решение подобной задачи особенно важно в контексте утверждения законопроекта о признании степеней⁴⁵.

Заключение

Проведенное исследование помогает прийти к нескольким выводам, связанным с поставленным ключевым вопросом. Соответствие деятельности конфессиональных диссертационных советов установленным правилам государственной научной аттестации и сложившейся практике в данной сфере

⁴³ Archbishop's Awards and Examinations. *Archbishop of Canterbury*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.archbishopofcanterbury.org/about/archbishops-awards-and-examinations> (accessed: 28.08.2024).

⁴⁴ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 N 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». *Гарант*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71825906/> (дата обращения: 28.08.2024).

⁴⁵ Законопроект № 323220-8 «О внесении изменений в статьи 92 и 108 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"». *СО ЗД*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323220-8> (дата обращения: 28.08.2024).

прослеживается в целом ряде примеров и перспектив. Порядок создания и приостановки деятельности диссоветов аналогичен тому, как это происходит в образовательных и научных организациях, самостоятельно присуждающих ученые степени. Основные организационные формы советов также в целом совпадают. Кадровые требования, предъявляемые к составу государственных и конфессиональных диссоветов, достаточно близки, хотя и содержат некоторые отличия, связанные с особенностями тех или иных профессиональных сфер. Процедуры, применяемые для рассмотрения и защит диссертаций, основаны на образцах, присущих российским университетским традициям и практике ведущих мировых университетов. Подтверждением этого служат нормы, содержащиеся во внутренних установлениях религиозных организаций, а также публичные сведения о деятельности конфессиональных диссертационных советов. Все это позволяет констатировать отсутствие существенных расхождений на организационном уровне, что важно в перспективе предоставления всей полноты академических и профессиональных прав обладателям богословских степеней.

На протяжении последних трех десятилетий наблюдается систематическое сближение государственных и конфессиональных систем научной аттестации. Помимо организационной близости это проявляется в правовом пространстве. ЦРО в своих документах все чаще указывают на необходимость следования установленным государственным требованиям, несмотря на то что для присуждения богословских степеней они не являются обязательными. В законодательстве появляется все больше возможностей для конфессионального участия в государственной научной аттестации. Сперва в федеральные государственные образовательные стандарты было включено направление подготовки «Теология». Затем в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» и в подзаконные акты были добавлены термины «богословские степени» и «богословские звания». Далее в Номенклатуре научных специальностей Минобрнауки России появилась группа специальностей «Теология», внутри которой впоследствии были выделены исследовательские направления, соответствующие традиционным религиям и конфессиям России. И, наконец, было закреплено участие ЦРО в создании

государственных диссоветов по направлению «Теология». Указанные обстоятельства подтверждают устойчивую тенденцию сближения, которая в ближайшие годы может привести к более эффективной консолидации усилий по подготовке кадров высшей квалификации.

Помимо позитивных аспектов процесс развития систем богословской научной аттестации сопровождаются и существенные препятствия. Первым из них является правовая неопределенность по целому ряду вопросов. Так, например, термин «богословские степени» введен в законодательство без расшифровки. По косвенным признакам можно установить, что он аналогичен понятию «ученые степени», однако это не закреплено прямым нормативным способом. Обладатели богословских степеней являются преподавателями и руководителями образовательных программ с государственной аккредитацией, в том числе научными руководителями кандидатских и докторских диссертаций, однако их по-прежнему не разрешается включать в состав государственных диссертационных советов. Отсутствие единой системы государственного и конфессионального учета деятельности диссертационных советов создает сложности с оценкой количественных и качественных показателей, с подтверждением достоверности документов о богословских степенях, а также со множеством других административных вопросов. Создание для конфессиональных диссертационных советов организационных и правовых условий по аналогии с организациями, самостоятельно присуждающими ученые степени, могло бы решить обозначенную совокупность проблем и создать возможности для заметного повышения качества работы систем научной аттестации.

Литература

1. Егоров С.Ю. Богословские степени в оптике российского законодательства и конфессиональных норм. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):929–950. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-929-950.
2. Петров М.П., Логинова Е.А., Пахомов С.И. Развитие системы государственной научной аттестации в России в контуре права самостоятельного присуждения ученых степеней: инструменты, результаты и дальнейшие шаги.

Управление наукой и наукометрия. 2024;19(1):10–65. DOI: 10.33873/2686-6706.2024.19-1.10-65.

3. Егоров С.Ю. Работа диссертационных советов новой системы научной аттестации. *Университетское управление: практика и анализ*. 2022;26(1):82–91. DOI: 10.15826/umpa.2022.01.006.

4. Мелешко О.П., Александрова И.Н. Порядок действий производства в ученые степени в Уставах православных и римско-католической духовных академий. *Актуальные проблемы экономики, социологии и права*. 2020;3:64–67.

5. Egorov S. Legal Regulation for Ensuring the Integrity of the Russian Scientific Certification System. *Politics and Society*. 2023;4:46–58. DOI: 10.7256/2454-0684.2023.4.43802.

6. Шмонин Д.В. Теология в новой парадигме. *Вопросы теологии*. 2023;5(3):494–508. DOI: 10.21638/spbu28.2023.309.

7. Прилуцкий А.М., Шмонин Д.В. Институционализация теологии: опыт и перспективы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022;38(2):254–263. DOI: 10.21638/spbu17.2022.209.

8. Алфеев Г.В. Теология в перспективе современной науки, культуры, просвещения: итоги и задачи. *Теология и образование*. 2020;3:23–31.

9. Shaw I.J., Lawson K.E. *Handbook for Supervisors of Doctoral Students in Evangelical Theological Institutions*. Carlisle: Langham Global Library; 2015. 242 p.

10. Левин И.В. Модели теологического образования российского протестантизма: пример Заокского адвентистского университета. *Вопросы теологии*. 2022;4(4):708–722. DOI: 10.21638/spbu28.2022.410.

11. Егоров С.Ю., Егоров А.Ю. *Инструменты оценки программ богословского образования*. М.: Национальный институт управления; 2020. 207 с.

12. Новиков С.В., Плахин А.Е. Направления адаптации системы научной аттестации в соответствии с потребностями национальной экономики. *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2023;4(136):94–100. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2023.04.02.013.

13. Пахомов С.И., Щеголева Л.В., Гуртов В.А. Новые горизонты в делегировании государственных функций по аттестации кадров высшей на-

учной квалификации. *Экономика и управление*. 2023;29(8):989–1000. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-989-1000.

14. Габов А.В. Мониторинг и контроль деятельности советов по защите диссертаций, созданных организациями, имеющими право самостоятельного присуждения ученых степеней. *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2024;6:11–42. DOI: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-11-42.

15. Егоров С.Ю. Целостность новой системы научной аттестации (на примере атрибутов ученой степени). *Юридические исследования*. 2023;4:11–23. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.4.38621.

16. Карибуллин А.А. Исламское образование в России. *Богословское наследие мусульман России: Сборник научных докладов IV Международного форума, Болгар, 16–21 мая 2022 года*. Т. II. Болгар: Болгарская исламская академия; 2022:126–149.

17. Егоров С.Ю. Развитие моделей и механизмов управления в современных системах евангельского богословского образования. *Современное образование*. 2019;4:44–54. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.4.27659.

18. СклЯрова Т.В., Агеева А.В. Развитие системы высшего образования Русской Православной Церкви в период 1990–2015 гг. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021;9(6):39.

19. Егоров С.Ю. Проблема целостности новой российской системы научной аттестации (на примере требований к диссертации). *Современное образование*. 2022;1:9–21. DOI: 10.25136/2409-8736.2022.1.37622.

20. Егоров С.Ю. Внутренние установления как источник канонического права пятидесятнических церквей. *Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. Москва, 22 апреля 2024 года*. М.: Издательство «Академическая среда»; 2024. С. 145–149.

References

1. Egorov S.Yu. Bogoslovskie stepeni v optike rossiyskogo zakonodatel'stva i konfessional'nykh norm [Theological degrees in the framework of the Russian legislation and confessional norms]. *Minbar. Islamic Studies*. 2024;17(4):929–950. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-929-950. (In Russian)

2. Petrov M.P., Loginova E.A., Pakhomov S.I. Razvitie sistemy gosudarstvennoy nauchnoy attestatsii v Rossii v konture prava samostoyatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney: instrumenty, rezul'taty i dal'neyshie shagi [Development of the State Scientific Certification System in Russia within the Independent Academic Degree Award Principles: Tools, Outcomes, and Future Steps]. *Upravlenie naukoy i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics]. 2024;19(1):10–65. DOI: 10.33873/2686-6706.2024.19-1.10-65. (In Russian)

3. Egorov S.Yu. Rabota dissertatsionnykh sovetov novoy sistemy nauchnoy attestatsii [The Work of dissertation councils of new system of scientific attestation]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis]. 2022;26(1):82–91. DOI: 10.15826/umpa.2022.01.006. (In Russian)

4. Meleshko O.P., Alexandrova I.N. Poryadok deystviy proizvodstva v uchenye stepeni v Ustavakh pravoslavnykh i rimsko-katolicheskoy dukhovnykh akademiya [The procedure for the production of academic degrees in the statutes of the Orthodox and Roman Catholic theological academies]. *Aktual'nye problemy ekonomiki, sotsiologii i prava* [Current issues in Economics, Sociology and Law]. 2020;3:64–67. (In Russian)

5. Egorov S. Legal Regulation for Ensuring the Integrity of the Russian Scientific Certification System. *Politics and Society*. 2023;4:46–58. DOI: 10.7256/2454-0684.2023.4.43802.

6. Shmonin D.V. Teologiya v novoy paradigme [Theology in a new paradigm]. *Voprosy teologii* [Issues of Theology]. 2023;5(3):494–508. DOI: 10.21638/spbu28.2023.309. (In Russian)

7. Prilutskii A.M., Shmonin D.V. Institutsializatsiya teologii: opyt i perspektivy [Institutionalization of Theology: Experience and Prospects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. 2022;38(2):254–263. DOI: 10.21638/spbu17.2022.209. (In Russian)

8. Alfeev G.V. Teologiya v perspektive sovremennoy nauki, kul'tury, prosveshcheniya: itogi i zadachi [Theology in the perspective of modern science, culture, enlightenment: results and tasks]. *Teologiya i obrazovanie* [Theology and Education]. 2020;3:23–31. (In Russian)

9. Shaw I.J., Lawson K.E. *Handbook for Supervisors of Doctoral Students in Evangelical Theological Institutions*. Carlisle: Langham Global Library; 2015. 242 p.
10. Levin I.V. Modeli teologicheskogo obrazovaniya rossiyskogo protestantizma: primer Zaokskogo adventistskogo universiteta [The Models of Education of Russian Protestantism: the example of the Zaoksky Adventist University]. *Voprosy teologii* [Issues of Theology]. 2022;4(4):708–722. DOI: 10.21638/spbu28.2022.410. (In Russian)
11. Egorov S.Yu., Egorov A.Yu. *Instrumenty otsenki programm bogoslovskogo obrazovaniya* [Assessment Tools for Theological Education Programmes]. Moscow: National Institute of Management; 2020. 207 p. (In Russian)
12. Novikov S.V., Plakhin A.E. Napravleniya adaptatsii sistemy nauchnoy attestatsii v sootvetstvi s potrebnoyami nacional'noy jekonomiki [Directions of adaptation of the scientific certification system in accordance with the needs of the national economy]. *Jekonomika i upravlenie: problemy, resheniya* [Economics and management: problems, solutions]. 2023;4(136):94–100. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.04.02.013. (In Russian)
13. Pakhomov S.I., Shchegoleva L.V., Gurtov V.A. Novye gorizonty v delegirovanii gosudarstvennykh funktsiy po attestatsii kadrov vysshej nauchnoy kvalifikatsii [New Horizons in the Delegation of Government Functions on Attestation of Personnel of Higher Scientific Qualification]. *Jekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. 2023;29(8):989–1000. DOI: 10.35854/1998-1627-2023-8-989-1000. (In Russian)
14. Gabov A.V. Monitoring i kontrol' dejatel'nosti sovetov po zashhite dissertatsiy, sozdannykh organizatsiyami, imeyushhimi pravo samostojatel'nogo prisuzhdeniya uchenykh stepeney [Monitoring the Activities of Dissertation Defense Councils Established by Organizations that have the Right to Independently Award Academic Degrees, and Monitoring Compliance by such Councils with Established Requirements]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovaniy* [Methodological problems of civilistic research]. 2024;6:11–42. DOI: 10.33397/2619-0559-2024-6-6-11-42. (In Russian)
15. Egorov S.Yu. Tselostnost' novoy sistemy nauchnoy attestatsii (na primere atributov uchenoy stepeni) [Integrity of the new System of Scientific Attestation

(on the example of academic degree attributes)]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Studies]. 2023;4:11–23. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.4.38621. (In Russian)

16. Karibullin A.A. Islamskoe obrazovanie v Rossii [Islamic education in Russia]. *Bogoslovskoe nasledie musul'man Rossii: Sbornik nauchnykh dokladov IV Mezhdunarodnogo foruma, Bolgar, 16–21 maja 2022 goda* [Theological Heritage of Muslims of Russia: Collection of Scientific Reports of the IV International Forum, Bolgar, 16–21 May 2022]. Vol. II. Bolgar: Bulgarian Islamic Academy; 2022, pp. 126–149. (In Russian)

17. Egorov S.Yu. Razvitie modelej i mehanizmov upravleniya v sovremennykh sistemakh evangel'skogo bogoslovskogo obrazovaniya [Developing models and mechanisms of governance in contemporary evangelical theological education systems]. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern education]. 2019;4:44–54. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.4.27659. (In Russian)

18. Sklyarova T.V., Ageeva A.V. Razvitie sistemy vysshego obrazovaniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v period 1990–2015 gg. [Development of the higher education system of the Russian Orthodox Church in the period 1990–2015]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. 2021;9(6):39. (In Russian)

19. Egorov S.Yu. Problema tselostnosti novoy rossiyskoy sistemy nauchnoy attestatsii (na primere trebovaniy k dissertatsii) [The problem of the integrity of the new Russian system of scientific attestation (by the example of the requirements for a dissertation)]. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern Education]. 2022;1:9–21. DOI: 10.25136/2409-8736.2022.1.37622. (In Russian)

20. Egorov S.Yu. Vnutrennie ustanovleniya kak istochnik kanonicheskogo prava pyatidesyatnicheskikh tserkvey [Internal regulations as a source of canon law of Pentecostal churches]. *Razvitie sovremennoj nauki i tekhnologii v usloviyakh transformatsionnykh processov. Sbornik materialov XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 22 aprelya 2024 goda* [Development of modern science and technology in the conditions of transformation processes. Collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference. Moscow, 22 April 2024]. Moscow: Academic Environment Publishing House; 2024, pp. 145–149. (In Russian)

С.Ю. Егоров

Деятельность диссертационных советов конфессиональных систем научной аттестации
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):415–439

Информация об авторе

Егоров Сергей Юрьевич, доктор права, доктор наук о богословии, профессор, проректор по научной работе Московского налогового института, г. Москва, Российская Федерация

About the author

Sergey Yu. Egorov, Doctor of Laws, Doctor Habilitatus in Theology, Full Professor, Vice-Rector for Research at the Moscow Tax Institute, Moscow, the Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 03 марта 2025

Одобрена рецензентами: 03 мая 2025

Принята к публикации: 03 июня 2025

Article info

Received: March 03, 2025

Reviewed: May 03, 2025

Accepted: June 03, 2025

Политическая теология как новая наука: предмет, методология

В.С. Полосин^{1а}

¹Болгарская исламская академия, г. Болгар, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4965>, e-mail: polosinsmr@mail.ru

Резюме: В статье дается обоснование политической теологии в качестве самостоятельной научной дисциплины. О связи религии с политикой сказано очень много с древних пор, однако отсутствует специальная дисциплина, основным предметом системного изучения которой являлось бы взаимодействие религиозного фактора с политическими отношениями и которая имела бы свою методологию исследования и терминологию.

Политическая деятельность осуществляется людьми, имеющими собственную мотивацию. Она формируется на основе доминирующих в обществе ценностей, на которые влияют и религия, и законы восприятия, изучаемые индивидуальной и социальной психологией.

Сегодня перед наукой стоит задача системного междисциплинарного раскрытия смысла понятия «политическая теология», т. е. исследования всего механизма воздействия религиозного фактора на мотивацию и на восприятие политического процесса субъектами этого процесса, поскольку такое исследование предполагает применение в сочетании методов философии религии, философии политики, политологии, теологии и психологии.

Политическая теология есть наука, предметом которой является изучение закономерностей взаимосвязи политического процесса с религиозным фактором с позиций телеологической эпистемологии.

Ключевые слова: теология; политика; ценности; философия; психология; наука; религиозный фактор

Для цитирования: Полосин В.С. Политическая теология как новая наука: предмет, методология. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):440–454. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-440-454

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Political Theology as a New Science: Subject and Methodology

V.S. Polosin^{1a}

¹*Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1301-4965>, e-mail: polosinsmr@mail.ru

Abstract: The article provides a rationale for Political Theology as an independent scientific discipline. Much has been said about the relationship between the religion and politics since the ancient times, but there is no specific discipline that systematically studies the interaction between religion and politics and has its own research methodology and terminology.

Political activities are carried out by the individuals who have their own motivations. These motivations are shaped by the dominant values in society, which are influenced by religion and the laws of perception studied by an individual and social psychology.

Today, science faces the task of a systemic interdisciplinary disclosure of the meaning of the phrase “political theology”, i.e. the study of the entire mechanism of the influence of a religious factor on the motivation and on the perception of the political process by the subjects of this process, since such research involves a combination of methods of Philosophy of Religion, Philosophy of Politics, Politology, Theology and Psychology.

Political Theology is a science where the subject is the study of the regularities of the relationship of the political process with the religious factor from the standpoint of teleological epistemology.

Keywords: Theology; Politics; values; Philosophy; Psychology; science; religious factor

For citation: Polosin V.S. Political Theology as a New Science: Subject and Methodology. *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):440–454. (In Russ.)* DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-440-454

Понятие политической теологии

О связи религии с политикой сказано и написано очень много историками, философами, социологами и политологами. Все эти произведения имеют свой предмет науки, однако среди них отсутствует специальная дисциплина, которая в качестве своего основного предмета системно изучала бы особенности действия религиозного фактора не как привходящую данность, а в их связи с внутренней спецификой религиозного мировосприятия, для чего имела бы собственную методологию исследования.

Для авторов, преследующих апологетические или миссионерские цели, характерны мистические воззрения на политические идеалы, и при описании

этих идеалов они используют интуитивные тезисы и иррациональные термины. Это естественно для веры, но таким образом невозможно объяснить религию не только иноверцам, но даже и всем своим последователям. Когда невежественный человек в мечети затеял спор о категории неоднозначных аятов (муташабах), то праведный халиф ‘Умар велел его выгнать и наказать [1, с. 413–414]. Не зная внутренней специфики религиозного мировосприятия тех или иных политических субъектов, невозможно объяснить обществу, каким именно образом религиозный фактор влияет на социальные и политические отношения.

Теология рассматривается здесь как рациональная система знаний о социально выраженном духовном опыте. Как справедливо отмечает Р. М. Мухаметшин, «теология не является наукой о Боге – она есть наука о вере» [2, с. 13]. Арабское словосочетание «‘ильм аль-иляхиййат» переводится не как знание Аллаха, а как знание божественного. Греческое слово логос используется здесь в значении рационального учения, как например, в аналогичных названиях других наук: социология, биология и т. п. В России теология официально утверждена в перечне научных дисциплин, и это дает основание именно для такой ее интерпретации в российском словоупотреблении. Любой термин в теологии, в том числе взятый из области мистического, должен иметь свое, понятное всему обществу определение.

Слово «политика» по происхождению является греческим – *politike*, образованным от слова *polis* (город-государство), и означает занятие государственными или общественными делами в этом полисе. Немецкий социолог Макс Вебер дает следующее определение: политика – это «стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает» [3]. Исламский философ и социолог ‘Абд-ар-Рахман ибн Хальдун не ограничивает цели политики только распределением власти, увязывает ее с волей к жизни и с этическими ценностями и дает более универсальное, чем у Вебера, определение: «Гражданская политика... представляет собой надлежащее управление домом или градом в соответствии с требованиями этики (ахляк) и мудрости с целью направить массы по такому пути, чтобы [человеческий] вид остался в сохранности и избежал гибели» [4, с. 187–217].

Политика является объектом и предметом изучения нескольких современных наук. Современная политология стала непосредственным порожде-

нием социологии и поначалу так и именовалась: политическая социология. В связи с этим необходимо отметить, что социология описывает только внешние, эмпирические процессы в их данности и исследует закономерности между ними. Здесь очевиден интерес, прежде всего, к констатации фактов, к статистике, к опросам, к поиску природы и причин социальных изменений в самих явленных фактах, а не в закономерностях человеческой психики.

В 1948 году специальная комиссия ЮНЕСКО определила следующие пять основных блоков политологии: теорию политики, философско-методологические основы политики; теорию политических систем и их элементов; теорию международных отношений; теорию управления социально-политическими процессами; политическую идеологию и историю политических учений.

В этом исчерпывающем перечне отсутствует системное изучение мотивации акторов политического процесса. Социология, а вслед за ней и политическая социология лишь констатируют, что, к примеру, некоторые богословы почему-то предложили религиозные реформы, а политики и предприниматели успешно их использовали для перемен в экономике и в политике.

Макс Вебер излагает свой метод так: «Термин «харизма» употребляется здесь исключительно в свободном от ценностей смысле. Для социолога маниакальные припадки северного берсерка, чудеса и откровения какого-нибудь захолустного пророка, демагогический дар Клеона – в такой же мере проявления харизмы, что и качества Наполеона, Иисуса, Перикла. Ибо для нас решающим является то, что это считается харизмой и воздействует как харизма, т. е. что харизма находит признание как таковая» [5, с. 411.]. Социологическая наука, разумеется, имеет на это право, это ее метод, однако ее подхода совершенно недостаточно для исследования и исчерпывающего объяснения политических процессов, проходящих через психику человека.

В связи с этим видится вполне убедительным критический взгляд современного французского философа Жана Бодриера: «Социология в состоянии лишь описывать экспансию социального и ее перипетии. Она существует лишь благодаря позитивному и безоговорочному допущению социального. Устранение, имплозия социального от нее ускользают» [6, с. 4].

С развитием науки стало приходить осознание, что описательный и констатирующий подход недостаточен для объяснения закономерностей политических процессов. Для понимания и объяснения политического процесса необходимо изучать не только структуры власти, политические события и

их внешнюю взаимосвязь, но и внутреннюю динамику субъектов политики, а именно закономерности всего, что относится к мотивации этих субъектов, к действию религиозного и психологического факторов.

Поскольку политическое восприятие является, прежде всего, именно восприятием, т. е. психологической категорией, то ввиду самоограничения политологии рамками социологии закономерно сформировалась в качестве специальной отрасли знаний такая наука, как политическая психология. Она изучает законы восприятия политической реальности и мотивацию политических действий.

Однако мотивацию изучает не только психология, но и теология с позиции воздействия религиозного фактора и в целом на мотивы человека, и на формирование индивидуальных и социальных ценностей. Без изучения этих ценностей невозможно научно определить критерии легитимизации большинством общества власти над собой меньшинства – а это главный вопрос науки о политике.

Предмет политической теологии

Теология – наука, рационально объясняющая религию и действие религиозного фактора. Изучение мотивации и мировоззренческой основы формирования ценностей требует междисциплинарного подхода.

Мировоззренческая основа не едина: она носит либо телеологический, либо детерминистский характер. Телеологическое мировоззрение означает нацеленность субъекта на заданную свыше абсолютную цель и устойчивость бытия, которая является условием для временной, относительной социальной устойчивости. Детерминизм присущ пантеистическому, деистическому и материалистическому мировоззрению, он исследует только «почему», но не допускает вопроса «зачем», т. е. абсолютной цели бытия. Сообразно формируются и ценности, по которым народ легитимизирует власть.

Без изучения влияния коллективного бессознательного с его архетипами, законов формирования субъективной и объективной мотивации политических субъектов исследование политического процесса останется описанием эмпирически явленных событий и изучением их внешней взаимосвязи. В то же время волевые изменения просто выпадают из поля зрения: они почему-то наступили, такова данность. Почему человек вдруг захотел развить капиталистические отношения? Столько веков не хотел и вдруг захотел. Что ему мешало?

Может сложиться ошибочное впечатление, что изменения в отношении к рынку в XVI веке произошли только потому, что несколько оппозиционеров-реформаторов в католической церкви внезапно захотели кардинально изменить трактовку Библии. А почему они это захотели? Что за мотивы побудили их объявить непримиримую войну всему католическому миру, сильно рискуя попасть на костер? Почему за их совершенно новыми рисковыми идеями пошли князья и значительная часть населения, особенно Средней и Северной Европы? Анализом взаимосвязи только лишь внешних событий это невозможно объяснить.

Фундаментальный вопрос политологии – это вопрос о легитимизации власти, который решается во взаимоотношениях между малочисленной правящей элитой и народом, имеющим количественное большинство. Легитимизация власти происходит по ценностям, которые формируются в коллективном бессознательном и становятся критериями, по которым большинство соглашается подчиняться именно этому, а не другому меньшинству.

Политическая теология есть наука, предметом которой является изучение закономерностей взаимосвязи политического процесса с религиозным фактором через призму теологии. Религиозный фактор наряду с этническим и с психологическим факторами непосредственно влияет на формирование ценностей общества. Ценности – это интуитивно принимаемые константные нормативы поведения: принципы, убеждения, идеалы и стереотипы, которые отражают совокупный опыт предшествующих поколений и которыми общество и индивид руководствуются в повседневной жизни. Поскольку на протяжении тысячелетий религиозный фактор в разной степени – от тотальной до символической – влиял и продолжает влиять на мировоззрение и ценности общества, то название теология здесь весьма уместно. Это, собственно, и констатировал политолог и правовед Карл Шмитт, который ввел новый термин в научный оборот, издав в 1922 г. работу под названием: «Политическая теология. Четыре главы о концепции суверенитета». Будучи светским ученым, он утверждал:

«Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становился всевластным законодателем, но и в их систематической структуре, познание которой необходимо для социологического рассмотрения этих понятий» [7, с. 57].

В 2011 г. вышла книга, автор которой Пол Кан предпринял попытку развить главные идеи Карла Шмитта, о чем говорит уже название книги – «Политическая теология. Новые четыре главы о концепции суверенитета» [8].

Концепция К. Шмитта перекликается с распространенными в его время попытками исследовать взаимосвязь вероучений и мифологий с политическим и экономическим устройством, прежде всего – с разработанной Максом Вебером концепцией «духа капитализма», в которой тот констатировал как данность наличие причинно-следственной связи между теологией Реформации и легитимизацией капиталистических отношений. Однако такая связь между теологией и политическим восприятием была изначальна и повсеместна.

Теократия была по факту монархией или иерократией либо их симбиозом, но сутью образа монарха было представление о том, что он – посланец богов или носитель божества. Сувереном земным выступал тот, кого считали посредником с верховным, небесным сувереном, кого этот верховный наделил харизмой и соответствующими полномочиями. Архетипической формулой такого восприятия суверенитета можно считать следующую формулу: «Я Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран... Говорит Дарий-царь: по воле Ахурамазды я стал царем, Ахумаразда дал мне царство» [9, с. 275].

Уже в древнем Шумере «руководитель рассматривался как земной представитель истинного суверена – а именно бога – покровителя города. Считалось, что город принадлежит одному богу, хотя поклоняться другим богам тоже не запрещалось. Этот единственный бог считался абсолютным владыкой города и выражал свою волю посредством чудес и знамений. Задача земного царя состояла в том, чтобы правильно интерпретировать волю царя небесного и заботиться о том, чтобы тот всегда был доволен и благоволил своему городу» [9, с. 25]. Тем самым суверенитет, или государство, означал для масс абсолютное господство бога над ними, а царь был полномочным посредником с ним. В связи с этим термин «политическая теология» выглядит совершенно оправданным и научным.

Этот термин получил распространение у современных авторов, опиравшихся на христианскую доктрину – прежде всего, на сочинение блаженного Августина об идеальном государстве: «О граде Божьем». Религиозные деятели преследовали цели политического закрепления своей религии, что совершенно нормально для проповедников веры, но проповедь интуитивных убеждений и

всестороннее, объективное и системное научное исследование объекта – разные вещи.

Элементы политической теологии присутствует во многих сочинениях христианских авторов. Российский философ Владимир Соловьев, критикуя национализм, мотивированный только земными интересами, трактовал сущность политики с телеологической позиции: «С точки зрения христианской и в пределах христианского мира, эти две области – нравственная и политическая – хотя и не могут совпадать друг с другом, однако должны быть теснейшим образом между собою связаны. <...> христианская политика должна готовить пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей – народов, племен и государств» [10, с. 264].

К первым работам в России в жанре оригинальной сравнительной политической теологии следует отнести вызвавшую большой научный и общественный резонанс во всем мире книгу российского философа Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», а также ряд его статей на эту тему.

Сегодня тему политической теологии активно разрабатывает Джон Милбанк, руководитель Центра теологии и философии при Ноттингемском университете. Появились англоязычный и польский журналы с соответствующим названием. В 2022 г. в России вышел первый утвержденный министерством учебник «Политическая теология: учебник для вузов» М.А. Шепелева, предметом которого являются христианские богословские представления об идеальном обществе на земле.

В отличие от социологии, политическая теология должна ответить прежде всего на вопрос о ценностном характере харизмы, от чего отказался Вебер, о видах харизмы, о характере и границах ее воздействия на социум и наконец на связанный с ней вопрос о критериях легитимности власти. Для политической теологии важнее не сами по себе факты как предмет исторического описания, а их восприятие и интерпретация акторами политического процесса, т. е. характер отражения фактов в коллективном сознании и в бессознательном, причины и последствия именно такого отражения в мотивации субъектов политической деятельности.

В книге «Политическая теология и новая наука» Джон Милбанк утверждает: «Пространство светского должно было быть изобретено как пространство «чистой власти». Однако, как мы это сейчас увидим, само это изобретение

было достижением теологическим, так как только теология определенного рода могла сказать: «как если бы Бога не было» [11, с. 38].

Методология

Политическая теология изучает закономерности воздействия религиозного фактора на политический процесс, которое осуществляется посредством:

- влияния на мотивацию политических субъектов;
- формирования ценностных критериев легитимизации власти;
- влияния на формирование структуры и режима государственного управления.

Политическая теология является наукой с междисциплинарной методологией, использующей для системного объяснения политического процесса методы и данные других наук. В методологии науки принято выделять эмпирические и теоретические методы. В политической теологии эмпирическими методами являются:

- исследование мифологий и ритуалов, религиозных и социально-политических учений в их отношении к политике;
- исследование научной литературы по политологии, социологии, социальной теологии, социальной психологии;
- исследование теории политического имиджмейкинга как вида политического мифотворчества;
- компаративистика – сопоставление фактов, событий, процессов, мифологий, религиозных и религиозно-политических доктрин.

Важнейшим специфическим методом является метод холизма, присущий восточному мышлению и характерный для политической мысли всего древнего мира до создания новой латинской Римской империи в 800 г. н. э.

Целое имеет качественное своеобразие по отношению к своим составным частям, и эти части не могут быть системно изучены и объяснены без своего функционального соотношения с целым. Каждая из них сама по себе не содержит качества, присущего только целому. Целое может быть интерпретировано только как процесс системного взаимодействия всех его составляющих, т. е. как движение, рождающее новое качество именно вследствие данного движения. Этого нового качества нет в отдельных компонентах, целое не сводится к статичной арифметической сумме входящих в него компонентов. В этом суть восточного, холистического, процессуального мышления.

Противоположный холизму метод редукционизма, т. е. сведения сложного к простому и к обособленному изучению составных частей самих по себе, прекрасно работает на уровне анализа, но при синтезе частей, разделенных этим анализом, он может соединить эти части лишь в их арифметической сумме, не содержащей нового качественного своеобразия целого, т. е. «за деревьями не видит леса».

Политическая теология, будучи, по сути, антропологической наукой, рассматривает человека как целое, которое не сводится к сумме своих составных частей, и потому использует методы разных наук о человеке: философии, религиоведения, теологии, политологии, социологии, индивидуальной, социальной и аналитической психологии, включая концепцию архетипов. Использует их и синтезирует в свой метод в ракурсе главного мотива человека – воли к жизни, которая реализует себя, формируя ценностную мотивацию в социальной сфере.

Также используется метод интерпретации, когда политико-мифологические учения прошлого реконструируются в контексте современных научных исследований, что и позволяет воспроизвести заложенные в них изначально смыслы.

Политическая теология использует метод проведения аналогии между политологическими и теологическими понятиями, между господствующим в обществе мировоззрением и ценностями и формой государственного устройства в конкретный исторический период.

К сравнительной политической теологии, т. е. компаративистике, в полной мере можно отнести определение: «Сравнительная политология – это систематическое изучение политических систем, в ходе которого мы пытаемся понять эти системы не как изолированные случаи, а через обобщение и сравнение» [12, с. 39]. Там, «где эксперимент не может быть применен, сравнение является синонимом не только научного подхода, имеющего целью выявить все сходства и различия между двумя и более ситуациями; оно является также единственным средством получения информации, достаточной для обеспечения большей адекватности научного подхода. В данном случае сравнение служит и средством описания, и способом выражения мысли» [13, с. 22, 29].

Ярким современным примером практического применения политической теологии является история с ограничением наследственной харизмы японского императора. В Японии долгое время господствовал режим абсолют-

ной теократии, когда император воспринимался в имидже не только сына богини солнца Аматаэрасу, что характерно для большинства монархий древности, но и в более редком варианте прямого теократического самодержавия – в имидже «явленного бога» (акицумиками), действующего на земле здесь и сейчас через плоть императора. На этом основывался и культ камикадзе, так как он воспринимался как жертвоприношение непосредственно богу. В отличие от Китая, где есть понятие «утрата мандата Небес», имидж прямой абсолютной теократии исключал возможность замены династии даже в случае полной катастрофы, каковая и случилась в 1945 году после того, как император Хирохито вверг свою страну в агрессивную войну на стороне Гитлера и привел ее к полному краху.

Теократический имидж императора – это целое, несводимое ни к каким его отдельным компонентам, и для восточного массового сознания невозможно никаким земным институтам: ни суду, ни парламенту, ни народу на публических собраниях – взять и произвольно вычеркнуть какой-либо компонент, данный по воле Небес. А отказаться в целом от императора японский народ категорически не хотел. Поэтому политический вопрос о границах харизмы императора был решен именно теологическими средствами на основе холистического метода: в «Указе о строительстве новой Японии» от 1 января 1946 г. император, «сын Аматаэрасу», не желая оказаться подсудимым на Нюрнбергском процессе, сам отказался от своего прямого теократического статуса, провозгласив своим подданным новую волю Небес, еще пребывая в этом самом теократическом статусе:

«Пребывая в единении со своим народом, Мы всегда готовы разделить с ним горести и радости. Связь между Нами и народом всегда основывалась на взаимном доверии и привязанности, а не просто на мифах и легендах. Не основывается эта связь и на ложной идее о том, что император является явленным божеством (акицумиками), и на том, что японский народ стоит выше других народов и его предназначением является управление миром» [14, с. 13–16].

Тем самым божество показало сущностное изменение самого себя, которое уже никто из подданных не вправе оспорить. Без понимания сакральной сущности и границ действия теократической и одновременно наследственной харизмы императора было бы невозможно конструктивно решить этот вопрос, от которого зависело политическое будущее страны. Без этого было бы невозможно изменить мировоззрение, в котором доминировало этническое само-

превозношение, до степени коллективного самообожествления и вытекающий из этого культ камикадзе.

Заключение

Политическая теология как самостоятельная научная дисциплина восполняет то, что в близких к ней науках – философии религии, политологии и политической психологии – исследуется в ракурсе предметов и методологий данных наук, где особенности действия религиозного фактора приводятся как внешняя данность, но не изучаются в их связи с внутренней спецификой самого религиозного мировосприятия.

Предметом политической теологии является изучение взаимосвязи политического процесса с религиозным фактором, формируемым религиозным мировосприятием, изучаемым теологией. Религиозный фактор, наряду с этническим и с психологическим факторами, непосредственно влияет на формирование ценностей общества, т. е. интуитивно принимаемых константных нормативов поведения, отражающих историческую память – совокупный опыт предшествующих поколений. Общество и индивид руководствуются традиционными для них ценностями в повседневной жизни, и именно эти ценности выступают критериями легитимизации той или иной формы власти и политического режима.

Политическая теология имеет собственную методологию и для системного объяснения политического процесса использует также методы и данные других гуманитарных наук. Там, где невозможно получить опытным путем данные о действии религиозного фактора в политике, сопоставление с данными других наук помогает получить необходимую для научной полноты и объективности информацию. В связи с этим компаративистика – сравнительная политическая теология – является одновременно и важным разделом, и методом исследования самой политической теологии.

Литература

1. Абу-ль-Фида' Исма'иль ибн 'Умар ибн Касир аль-Кураши ад-Димашкы. *Тафсир аль-Кур'ан аль-азым*. Сами Мухаммад ибн Саляма (ред.). Т. 7. Эр-Рияд: Дар Тыба; 1999. 554 с.
2. Мухаметшин Р.М. *Введение в исламскую теологию*. Казань: СИО; 2023. 264 с.

3. Вебер М. *Политика как профессия и призвание. Избранные произведения*. М.: Прогресс; 1990. 808 с.
4. Ибн Халдун. Введение (Муккадима). Смирнов А.В. (сост., пер. с араб. и прим.). *Историко-философский ежегодник 2007*. М.: Наука; 2008. С. 187–217.
5. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Господство*. Т. 4. М.: Изд. дом ВШЭ; 2019. 542 с.
6. Бодрияр Ж. *В тени молчаливого большинства.... Психология и психоанализ власти*. Самара: Изд. Дом «Бахрах-М»; 2015. 816 с.
7. Шмитт К. *Политическая теология. Четыре главы о концепции суверенитета*. Сборник. М: «КАНОН-пресс-Ц»; 2000. 336 с.
8. Paul W. Kahn. *Political theology. Four new chapters on the concept of sovereignty*. New York: Columbia University Press; 2011. 224 с.
9. Москати С. *Цивилизации Древнего Востока. Исторические связи народов Месопотамии, Египта, Палестины, Сирии, Аравии, Анатолии и Ирана*. М.: ЗАО Центрполиграф; 2024. 318 с.
10. Соловьев В.С. *Национальный вопрос в России. Философская публицистика*. Т. 1. М.: изд. «Правда»; 1989. 687 с.
11. Милбанк Дж. *Политическая теология и новая наука политики. Логос*. 2008;4(67):33–54.
12. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор; Учебное пособие*. М.: Аспект Пресс; 2002. 537 с.
13. Доган М., Пеласси Д. *Сравнительная политическая социология*. М.: Ин-т социал.-полит. исслед. РАН: Социально-политический журнал; 1994. 272 с.
14. Артеменко Н.И. *Возрождение культа японского императора во второй половине XX – начале XXI в.: этапы, особенности, дискуссии. История и археология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. С.-Петербург, июль 2017 г.)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12253/> (дата обращения: 23.04.2024).

References

1. Abu al-Fida' Isma'il ibn 'Umar ibn Kathir al-Qurashi al-Dimashqi. *Tafsir al-Qur'an al-'azim*. Sami Muhammad ibn Salamah (ed.). Vol. 7. Riyadh: Dar Tibah; 1999. 554 p. (In Arabic)
2. Muhametshin R.M. *Vvedeniye v islamskuyu teologiyu* [An introduction to Islamic Theology]. Kazan: Council on Islamic Education Publ.; 2023. 264 p. (In Russian)
3. Weber M. *Politika kak professiya i prisvaniye. Izbrannye proizvedeniya* [Policy as a profession and a devotion]. Moscow: Progress Press; 1990. 808 p. (In Russian)
4. Ibn Haldun. *Vvedeniye (Mukkadima)* [An introduction]. *Istoriko-filosofskij jezhгодnik 2007* [History of Philosophy Yearbook 2007]. Smirnov A.V. (comp., tr. from Arabic and notes). Moscow: Nauka Press; 2008, pp. 187–217. (In Russian)
5. Weber M. *Hozhajstvo i obshchestvo: ocherki ponimajutshej soziologii: v 4 t. Gospodstvo. T. 4* [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes. Domination. Vol.4]. Moscow: Higher School of Economics Press; 2019. 542 p. (In Russian)
6. Bodriyar J. *V teni molchalivogo bolshinstva... Psihologiya i psihoanaliz vlasti* [In the shadow of the silent majority.... Psychology and psychoanalysis of power]. Samara: "Bahrah-M" Press; 2015. 816 p. (In Russian)
7. Schmitt K. *Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy o konceptzii suvereniteta. Sbornik* [Political theology. Four chapters on the concept of sovereignty. Collection of works]. Moscow: "KANON-press-Z" Publ.; 2000. 336 p. (In Russian)
8. Paul W. Kahn. *Political theology. Four new chapters on the concept of sovereignty*. New York: Columbia University Press; 2011. 224 p.
9. Moscati S. *Zivilisazii Drevnego Vostoka. Istoricheskiye svyazi narodov Mesopotamii, Egipta, Palestini, Sirii, Aravii, Anatolii i Irana* [The civilizations of the Ancient East. Historical ties between the peoples of Mesopotamia, Egypt, Palestine, Syria, Arabia, Anatolia and Iran]. Moscow: LLC The central Polygraphy; 2024. 318 p. (In Russian)
10. Solovjev V.S. *Nacional'nyj vopros v Rossii. Filosofskaya publizistika* [The national issues in Russia. Philosophical journalism]. Vol. 1. Moscow: Pravda Press; 1989. 687 p. (In Russian)

11. Milbank D. *Politicheskaya teologiya i novaya nauka politiki* [Political Theology and the New Science of Politics]. Logos Press. 2008;4(67):33–54. (In Russian)
12. Almond G., Pauell Dzh., Strom K., Dalton R. *Sravnitel'naya politologiya segodnya: Mirovoj obzor. Uchebnoe posobie* [Comparative Political Science today: A Global overview; The textbook]. Moscow: Aspekt Press; 2002. 537 p. (In Russian)
13. Dogan M., Pelassi D. *Sravnitel'naya politicheskaya sociologiya* [Comparative Political Sociology]. Moscow: Institute of Socio-Political Research Press, Social and Political Journal; 1994. 272 p. (In Russian)
14. Artemenko N.I. Vozrozhdenie kul'ta yaponskogo imperatora vo vtoroj polovine XX — nachale XXI v.: etapy, osobennosti, diskussii [The revival of the cult of the Japanese Emperor in the second half of the XX and the beginning of the XXI century: stages, features, discussions]. *Istoriya i arheologiya: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. S.-Peterburg, iyul' 2017 g.)* [History and Archeology: proceedings of the IV International Scientific Conference (St. Petersburg, July 2017)]. [Electronic source]. Available at: <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12253/> (Accessed: 23.04.2024). (In Russian)

Информация об авторе

Полосин Вячеслав Сергеевич, доктор философских наук, кандидат политических наук, профессор Болгарской исламской Академии, г. Болгар, Российская Федерация.

About the author

Vyacheslav S. Polosin, Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Politics), Full Professor of Bolgar Islamic Academy, Bolgar, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

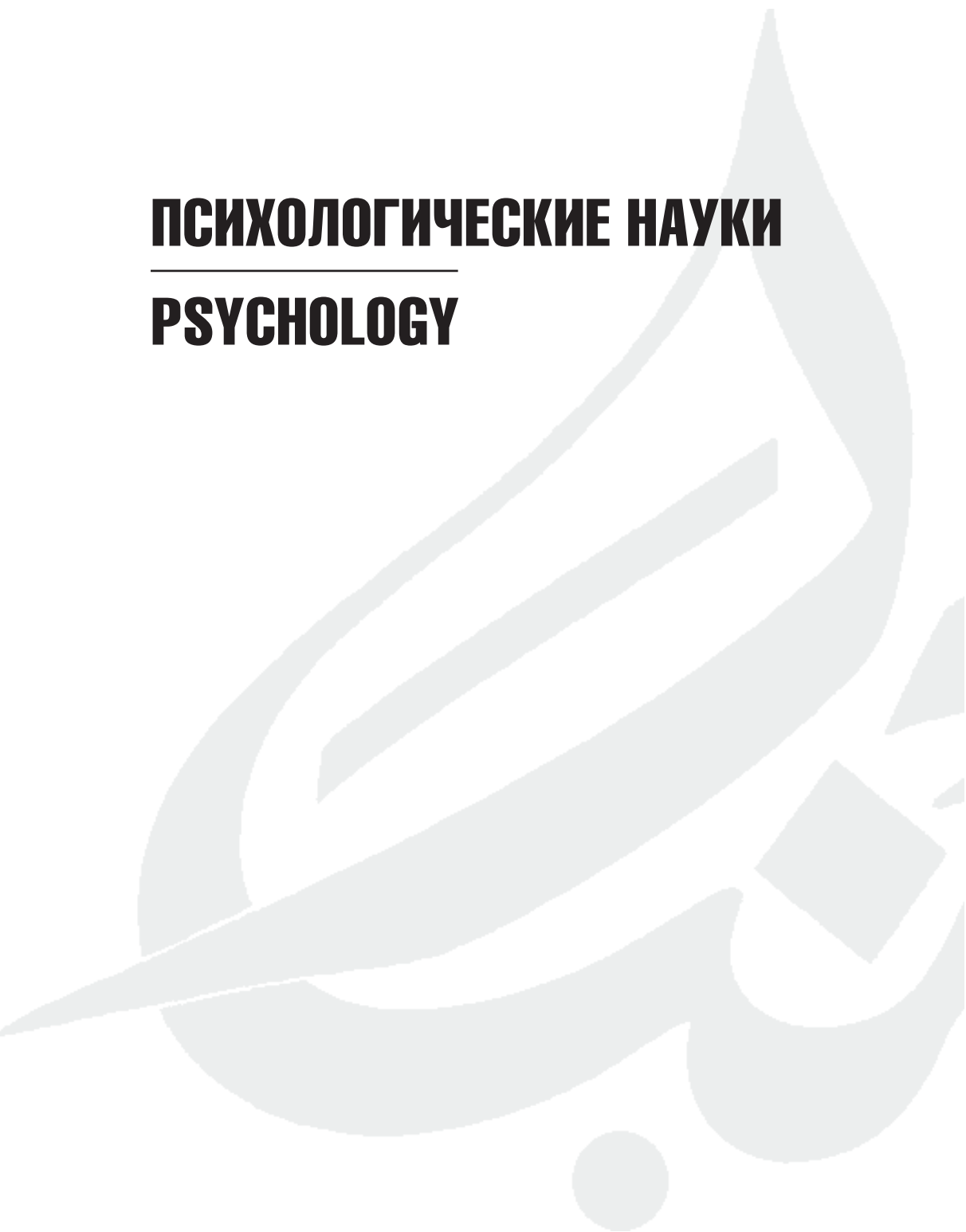
Поступила в редакцию: 03 марта 2025
Одобрена рецензентами: 03 мая 2025
Принята к публикации: 03 июня 2025

Article info

Received: March 03, 2025
Reviewed: May 03, 2025
Accepted: June 03, 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSYCHOLOGY

◆ Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови (случай из практики)

◆ Жизненные стратегии женщин-предпринимателей Таджикистана

Р.Х. Ганиева

Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):457–481

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-2-457-481

УДК 159.9

Original Paper

Оригинальная статья

Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови (случай из практики)

Р.Х. Ганиева^{1а}

¹Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, г. Магас, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Резюме: В статье дан психологический анализ межпоколенных взаимосвязей в расширенной семье; показана положительная динамика психологической работы, опирающейся на ингушскую культуру и религиозные ценности. На примере конкретного случая психологического консультирования ингушской невестки по поводу ее отношений со своей свекровью описывается культура оказания психологической помощи с учетом культурного и духовного наследия клиента.

В связи с ростом запросов на духовное консультирование мусульман, ориентированных на поиск смысла и улучшение качества жизни, возникла необходимость показать роль культурных и религиозных практик в процессе исцеления. Культурная и религиозная приверженность способствует духовному и физическому благополучию клиента. Религиозные верования помогают человеку найти опору, стабильность и утешение во время неопределенности или кризиса.

Ключевые слова: межпоколенная связь; детско-материнские отношения; свекровь; невестка; конфликт; стратегия конфликтного поведения; безусловное принятие; ингушская культура; ислам

Для цитирования: Ганиева Р.Х. Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови (разбор случая). *Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):457–481*. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-457-481

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Experience in consulting on issues of relations between daughter-in-law and mother-in-law (case analysis)

R.H. Ganieva^{1a}

¹The Ingush Scientific Research Institute of the Humanitarian Sciences after Chakh Ahriev, Magas, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2737-9335>, e-mail: rozacpp@mail.ru

Abstract: The article examines intergenerational relationships in an extended family; it shows the positive dynamics of psychological work based on Ingush culture and religious values. Using the example of a specific case of psychological counseling for the Ingush daughter-in-law towards her relationship with her mother-in-law, the culture of providing psychological assistance is described, considering the cultural and spiritual heritage of the client.

Due to the growing demand for spiritual counseling from Muslims, focused on finding meaning and improving the quality of life, it became necessary to show the role of cultural and religious practices in the healing process. Cultural and religious commitment contributes to the spiritual and physical well-being of the client. Religious beliefs help a person to find support, stability and solace in times of uncertainty or crisis.

Keywords: intergenerational connection; child-mother relationships; mother-in-law; daughter-in-law; conflict; conflict behavior strategy; unconditional acceptance; Ingush culture; Islam

For citation: Ganieva R.H. Causes and manifestations of infantilism as feelings of helplessness and despair: psychological and spiritual specifics (case analysis). *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):457–481. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-457-481

Введение

Проблема межпоколенных связей является актуальной для современной психологической науки. Выделение и установление связи предполагает различные ее виды: генетические, стационарные, связи функционального воздействия.

Для того, чтобы дифференцировать типы межпоколенных связей, в психологии используются такие понятия, как: наследственная (генетическая) связь, трансгенерационная связь, представляющая собой «разновидность социальной межпоколенной связи в семье, основанной на передаче и приеме информации и опыта в направлении от предков к потомкам» [1, с. 73], и пре-

фигуративная связь. Термин используется в трудах М. Мид для описания такого типа культуры, когда предки перенимают ценный опыт у потомков [2].

Ярким примером межпоколенного воспроизводства является дисфункциональная семья. В исследованиях ученых В.И. Брутмана, А.Я. Варги, И.Ю. Хамитовой, Т.В. Гущиной показано, что девиантное материнство – многопоколенная проблема. Девиантная мать – это та женщина, которая не получила безусловной любви и принятия от своих родителей. В таком случае ребенок становится поддержкой, опорой, утешением для своей девиантной матери, лишенной межпоколенной связи. Однако сын/дочь, когда-то взваливший на себя родительскую ношу, несет ее до тех пор, пока не обнаружит свои собственные потребности, а потом удовлетворяет их за счет своих детей. Таким образом, семейная история повторяется в разных поколениях.

Префигуративные культуры формируют новый тип социальной связи, когда не востребован опыт старшего поколения, а культивируются знания, информированность, компетентность молодых людей. Социум с таким типом культуры называется «обществом риска», потому что пропагандирует разрыв поколений, а из этого следует, что каждое предшествующее поколение иначе «прочитывает свои жизненные задачи» [3].

«Так, например, в исследовании жизненных сценариев женщин трех поколений были изучены жизненные девизы, которые отражали их жизненный опыт и мудрость. Оказалось, что бабушки и матери более ориентированы на сохранении семьи и ее благополучия, а внуки – на получение удовольствий от жизни. С учетом того, что катализатором перемен является поколение молодых, ценностные ориентации старших поколений теряют свою актуальность» [1, с. 85].

В психологической литературе, как правило, дается анализ отношений со старшими родственниками через призму индивидуалистических ценностей, низкой дистанции власти в семье, то есть через структуру и ценности малых нуклеарных семей. В Ингушетии по-прежнему многие семьи живут расширенной семьей, и в этом случае иерархия власти в семье является обычным типом отношений. Поэтому отношения невестки и свекрови – это отношения младшего со старшим в условиях жесткой семейной иерархии [4].

Однако в связи с глобализацией и модернизацией традиционная модель отношений в расширенной семье меняется; тема взаимоотношений невестки и свекрови – одна из самых актуальных, хотя ей посвящено совсем мало научных статей.

Случай из практики

В наш Центр психологической помощи (г. Магас) обратилась девушка по имени Зухра (имя изменено), тридцати трех лет, работающая, замужем, мать четверых сыновей.

«Я от души помогаю людям, – говорит Зухра. – Я хочу угодить всем. Всегда хотела лучше всех учиться. Из дома не могу выйти, если нет идеального порядка. Ребенок у меня должен быть идеальный, дом идеальный».

«Мы общались с моим будущим мужем. Пятнадцать лет назад он вошел во двор и украл меня. Тогда мне было 18 лет. Деньги моего мужа полностью забирает свекровь. Даже пособие по уходу за ребенком в 1500 рублей я вынуждена была отдавать ей. «Вторая мама» заставляла меня все делать во дворе. Готовить можно было только в гараже, а кушать – в прихожке.

Свекровь покупает себе куртку из кожи питона, одежду марки «Марио Ферре». Когда я жила с ними, она моим свояченицам покупала платья, а мне говорила: «Денег не хватило на платье для тебя».

Через много лет нас отделили. В первое время на хлеб не было денег. Я не работала, он не работал.

Муж не обижается на свою мать. Когда он видит, что мать недовольна, кричит, крутит машину.

Я хочу всем угодить. От свекрови никогда не уйду, пока всю посуду по 100 тарелок не помою и не высушу.

Муж хорошо относится ко мне, но у него есть и другие женщины. У нас с ним любовь и ненависть! Пытаюсь ему угодить. Деньги отдаю. То хочу быть хорошей, то не обращаю на него внимания. Я не знаю, как себя правильно вести. Если я прошу его приехать домой, он злится, если не прошу, говорит, что я с кем-то общаюсь.

Я мечтаю посидеть вместе с ним, выпить чай, поговорить. Когда он возвращается домой, встречаю, обнимаю его. Дети обнимают. Хочу дожить с ним до старости. Несмотря ни на что, мы неразлучны. Никакие препятствия мне не страшны. Я хочу, чтобы он был как прежде ответственным за детей, внимательным и говорил мне: «Я люблю тебя!». Зухра обратилась к нам для того, чтобы урегулировать отношения со свекровью.

В работах отечественных и зарубежных исследователей достаточно много внимания уделяется вопросам супружеского взаимодействия и детско-родительским отношениям [5; 6; 7].

Между тем, с точки зрения Т.В. Андреевой, самыми малоизученными аспектами семьи являются межпоколенные связи. Еще реже в психологическом пространстве встречаются труды, посвященные диаде «невестка-свекровь». Среди отечественных ученых Е.П. Ильин [8] описал взаимоотношения невестки и свекрови, опираясь на результаты исследования Т.В. Андреевой и Л.Н. Савиной [9].

Для начала рассмотрим этимологию слов «невестка» и «свекровь». Слово «свекровь» подразумевает кровную связь и указывает на доминирующую позицию этой женщины в семейной иерархии. На Руси родственные отношения складывались по матери и ее крови. Мать мужа дарила свой кров новому члену семьи. И именно ее кровь текла в жилах будущих внуков и правнуков. К тому же свекровь считалась основным звеном между всеми кровными родственниками, потому что, согласно традиции, невеста приходила жить в дом своего супруга, где всем хозяйством распоряжалась его мать.

«Слова “невеста” и “невестка” – очень близкие. По одной версии, в основе своей это связано с обычаями, зародившимися еще при родовом строе, когда в жены брали девушек из других племен или дальних поселений. Об избранице мало что было известно, потому и называли ее “невесть кто”, то есть неведомая, и это слово стало прототипом более позднего названия просватанной девушки. Входя в дом мужа, она не могла не раскрыть свой характер в ходе совместной жизни с его членами семьи, что и характеризует суффикс “к” в слове “невестка”» [10].

На начальном этапе семейной жизни, пока супруги осваивают новые роли и формируют семейные традиции, вмешательство родственников препятствует адаптационному процессу. В своих исследованиях А.С. Шубина выделяет взаимодействие с родительскими семьями как одну из наиболее острых психологических проблем молодых супругов [11].

Согласно мнению Л.А. Коростылевой, «вмешательство родственников» – одна из главных причин развода для женщин, в то время как для мужчин эта причина стоит почти на последнем месте. Другие исследователи считают, что основной причиной развода для женщин чаще всего являются сложные отношения со свекровью [8]. Среди внешних факторов, оказывающих влияние на брачно-семейные отношения, С. Кратохвил выделил давление со стороны родителей и близких родственников [12]. Как показывают результаты исследований, женщины на этапе принятия роли матери в качестве трудности, с которой они сталкиваются, выделяют категорию «отношения с родственниками» (собственными родителями или родителями супруга). Она была охарактеризована такими коммуникативными оборотами: «непонимание со стороны родителей/мамы», «споры с родителями», «посещение свекрови/ссора со свекровью», «недоверие со стороны родителей», «критика родителями моих методов воспитания» [13].

Н.О. Белорукова отмечает, что даже в социально-адаптированных городских семьях с высоким достатком и образованием сложно психологически адаптироваться к супругу (92%); второй по важности сложностью стало достижение эмоциональной и финансовой независимости от родителей; редкие встречи с друзьями (77,5%), далее респонденты отметили: очень непросто исполнять роли мужа/жены, нужно трансформировать устоявшиеся тенденции и привычные модели поведения (35%); на четвертом месте по трудности супруги назвали отношения с родственниками мужа и жены (57,5%) и в качестве самой легкой задачи подчеркнули изменение условий жизни и расширение хозяйственно-бытовых обязанностей (20%) [14].

Исследователи семьи и семейных взаимоотношений А.Я. Варга, А.И. Захаров, А.С. Спиваковская, Э.Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис в своих трудах выделяют факторы, при которых семья в трудной ситуации использу-

ет психологическую защиту чаще, чем другие стратегии. Мифологизированная семейная история, конфликты, психологическая зависимость, размытые границы – условия кризиса, при которых семья использует различные типы защит [13].

Нужно выделить причины, влияющие на отношения невестки и свекрови. В первую очередь, важен возраст свекрови. Много лет родители привыкли беззаветно любить и опекать своих детей, заботиться о них. «С точки зрения типологии отношений они находились в комплементарных отношениях со своими детьми. Данный тип отношений совсем не просто быстро перевести в разряд полностью симметричных отношений со взрослыми детьми, даже если родители стараются это сделать» [12, с. 267]. Складывающиеся из года в год эмоциональную связь, тип отношений и модель взаимодействия изменить сложно. Именно поэтому в качестве нормативных кризисов Вирджиния Сатир выделила этап, когда «молодые люди женятся, и в семью входят невестки и зятья» [15, с. 56]. Появляются новые члены семьи, растет число социальных ролей. Матери нужно приложить значительные усилия, чтобы пересмотреть отношения с сыном и уменьшить свое влияние. Чем старше родители, тем сильнее их эмоциональная зависимость от детей. Выход на пенсию, уменьшение социальных контактов, сужение интересов, отсутствие увлечений и хобби, статус свекрови (в разводе или вдова) – все это приводит к центрации матери на сыне. Если у свекрови благополучные, комфортные отношения с мужем, то конфликтов обычно не бывает. Если у свекрови сложности с ее мужчиной, она часто переносит свои нереализованные чувства на семью сына.

Считаем, что случай совместного проживания молодой семьи с родителями супруга требует отдельного рассмотрения. Это может быть связано с экономикой семьи или традицией проживания невесты в доме мужа. Присутствие двух хозяек в одном доме часто вызывает боль и переживания у невестки и свекрови. Свекровь много лет была единственной хозяйкой в доме и не сразу готова отдать эту роль снохе.

И проведенный нами анализ психологических работ показал, и А.Н. Байкулова пришла к выводу, что главная причина конфликтов невесток

и свекровей – совместное проживание, создающее безвыходность и принуждение. По мнению автора, раздельное проживание способствует психологической независимости молодой пары. Кроме того, А.Н. Байкулова утверждает, что при совместном проживании статус свекрови выше, чем у снохи, чего нет при раздельном. Ролевое превосходство свекрови уменьшается, если она живет в квартире молодой пары, имеет проблемы со здоровьем и не участвует в хозяйстве [16].

«...Результаты исследования подтвердили предположение о том, что молодые женщины, проживающие в патрилокальной семье разное количество лет, различно оценивают свои взаимоотношения с матерью мужа. Было установлено, что эмоциональный климат более благополучен при стаже проживания невестки с родственниками супруга более пяти лет. Именно эта категория женщин чаще демонстрирует благоприятное самочувствие, взаимопонимание, эффективность общения со свекровью, отмечая ее положительные черты личности. ...Один из ресурсов, которым обладает молодая женщина, – это опыт взаимодействия с собственной матерью, может быть актуализирован и в отношениях с матерью супруга» [17, с. 122].

Основными причинами конфликтов между женщинами разных поколений, некровных родственников являются разные подходы к супружеским отношениям, хозяйству, воспитанию детей. Самый конфликтогенный фактор при совместном проживании – различие в воспитании и взглядах.

По мнению Л.М. Тагалековой, «большинство конфликтов зависит, с одной стороны, от недостаточного понимания невестки своей роли, а с другой стороны, нет четких дифференцированных представлений у свекрови ролей жены – матери – свекрови, которые она совмещает. Важно осознание свекровью границ общения между собственной семьей и молодой семьей сына, т.е. осознание и уважение свекровью прав молодой семьи, сына в частности, на самостоятельность и ответственность за свою семью, поступки, решения» [18].

Л.Н. Савина и Т.В. Андреева [9] отмечают, что важна роль мужа-сына в отношениях невестки и свекрови.

Бывает, когда молодая жена конкурирует со свекровью за внимание мужа. Обе женщины любят одного мужчину и заботятся о нем. «Положение значительно ухудшается, если свекровь одинока или имеет с сыном прочные эмоциональные связи» [12, с. 269]. Эта комбинация крайне опасна. Чрезмерная привязанность матери к сыну создает сложности. Мать не дает сыну отделиться и создать семью, если ребенок – единственный смысл ее жизни, желанный, поздний ребенок или оставшийся без отца. И еще для того, чтобы не лишиться своего статуса и значимости, мать может манипулировать посредством разных инструментов: требования и осуждения, оказывая помощь и поддержку [11; 19]. Симбиотическая связь с матерью мешает сыну в своей семье стать мужчиной, мужем, отцом, потому что он продолжает оставаться в психологическом смысле ребенком.

Работу с запросами, касающимися дисгармонии в общении свекрови и невестки, обычно мы начинаем с повествования:

«Представьте матрёшку. Верхняя матрёшка – это образ невесты в контакте со свекровью. Если у невестки благополучно складываются отношения с мужем, если он ее любит, помогает по дому, открыто говорит о своих доходах и ей хочется поделиться этим со свекровью, то лучше этого не делать. Если у матери не сложились комфортные отношения со своим мужем или ей присущи определенные психологические особенности, то она будет завидовать молодой женщине, и эта зависть старшей, утасующей, увядающей женщины к молодой делает поведение свекрови неадекватным.

Молодая женщина со своим супругом – это вторая матрёшка. Будучи в этой матрёшке, вы можете периодически говорить: “Ты знаешь, тебе важно понимать, что ты не можешь брать за всё на свете ответственность”. “Я хочу видеть мужчину, который не только хороший сын. Это важно, что ты – хороший сын, я не желаю, чтобы ты был плохим сыном, но я хочу, чтобы, кроме роли сына, которая занимает 80% твоей идентичности, у тебя была роль главы семьи, роль отца, роль супруга. В первую очередь меня интересует та роль, которая достается мне. Для меня важно, чтобы ты и другие роли освоил, потому что я не очень готова жить с мужем-сыном”.

А третья – самая центральная матрёшка – это девушка со своей глубиной, идентичностью, ценностями, избирательностью, витальным ресурсом.

Центральная матрешка подпитывает все остальные, поэтому предельно важна забота о себе, о своих базовых убеждениях» (*Полевой материал. Рассказала Халмурзиева Асма Ахметовна, 83 года, г. Назрань, 20.04.2025*).

Мы прошли с Зухрой все этапы консультирования: этап формулирования запроса, выстраивания терапевтического альянса, диагностики проблем клиента, построения консультативного процесса. Для повышения самооценки, формирования навыков уверенного поведения, ответственности, повышения доверия к себе и миру, сострадания, принятия, развития креативности и ассертивности с Зухрой был выполнен комплекс следующих упражнений: «Анализ уровня мышления» [20, с. 46], «Голос низкой самооценки» [20, с. 47], «Браслет» [20, с. 48], «Не нужно себя воспитывать» [20, с. 49], «Бегство от идеала» [20, с. 51], «Вы достойны» [20, с. 52], «Лестница успеха» [20, с. 69], «Если бы я любила себя» [20, с. 75]

Для того, чтобы «примирить» конфликтующие стороны личности, помочь Зухре достичь гармоничного внутреннего состояния, были выполнены техники «Столкновение» [21, с.108–109] и «Сближение» [21, с. 105–107].

Однако техника, которую хотелось бы более подробно описать, поскольку она абсолютно перевернула сознание молодой женщины и помогла увидеть множество достоинств свекрови, – это «Разные ткани» [21, с. 115–116]. Невестке было предложено вспомнить что-то хорошее о свекрови, с которой у нее конфликт. Затем выбрать ткань и встать на нее, разложив лоскут на полу. Стоя на ткани, нужно было описать конкретные позитивные ситуации, связанные со «второй матерью», и максимально погрузиться в приятное состояние. После этого невестка смотрела на лоскут, символизирующий конфликт, и определяла, не стал ли он в ее восприятии меньше. Поскольку это было действительно так, то невестке предложили «уменьшить» лоскут, символизирующий конфликт, – сложить, загнуть уголок и т.д. Действия повторились несколько раз (5 повторов): сноха снова и снова выбирала лоскут для приятного воспоминания, погружалась в него, после чего «уменьшала» лоскут с конфликтом. Таким образом, через «уменьшение» ткани снизилась степень негатива в отношении свекрови [21, с. 115–116].

Вместе с тем для разрешения конфликтных ситуаций со свекровью Зухре было рекомендовано: активное слушание, так как подлинное понимание точки зрения и чувств другой стороны помогает снизить напряжение; работа над эмоциональным интеллектом, поскольку управление своими и чужими эмоциями способствует конструктивному диалогу; позитивное мышление, потому что фокус на решении, а не на обвинениях, способствует поиску выхода из конфликта; поиск общих интересов, означающий, что идентификация точек соприкосновения нивелирует разногласия; работа с прошлым, урегулирование неразрешенных конфликтов с матерью, с тревогой, неуверенностью помогают построить более здоровые отношения со свекровью; групповая терапия: общение с другими женщинами в подобной ситуации предоставляет возможность почувствовать поддержку и обменяться опытом.

Таким образом, осознание природы конфликтов и их источников, применение эффективных стратегий для их разрешения может не только минимизировать негативные последствия, но и способствовать развитию более крепких отношений.

Терапевтическая работа с использованием этнокультурных ресурсов

Вопросы взаимодействия некрвных родственников – невестки и свекрови – во все времена считались непростыми и парадоксальными. Отношения невестки и свекрови в ингушском фольклоре представлены в драматическом ключе. Это видно из пословиц и поговорок, которые как нельзя лучше отражают жизнь. Незавидна судьба невестки, так как она чаще всего выступает «потерпевшей стороной», а свекровь – «злодейкой». «Ала йо1ага – хаза несийна» (инг.)/Скажи дочери, чтобы сноха услышала; «Масса йо1 дика хилча, во истий мичара боаг1а?» (инг.)/Если все девушки хороши, откуда берутся плохие жены? Цханна наьна во йо1 яц, цхьанна маьрнаьна дика нус яц. (инг.)/Ни у одной матери нет плохой дочери, ни у одной свекрови нет хорошей снохи. Аьннар дергдоаца во1-вошеи, яхача яхаргйоаца йо1-йишеи вай ма кхувлба (инг.)/Пусть не вырастет у нас непослушный сын или брат и неуживчивая в замужестве дочь или сестра. Ситуация мирных взаимоотношений представляется нереальной, так, в народе говорят: «В раю пустуют два кресла: одно – для хорошей свекрови, а второе – для хорошей невестки».

Традиции фольклора нашли свое продолжение в ингушской национальной литературе. Яркими примерами могут быть роман И.М. Базоркина «Из тьмы веков» [22], рассказ И.А. Кодзоева «Марнана» [23] и др. Не обошел стороной тему невесток и свекровей Ингушский государственный драматический театр им. И. Базоркина, который рассматривает ее с разных позиций и предлагает богатейший выбор сюжетов.

При обращении к этнографическому материалу обнаруживаем, что в ингушском обществе за «старшей» женщиной был закреплен высокий статус. Она организовывала женский труд, руководила невестками и дочерьми, воспитывала детей, берегла нравственные устои, транслировала обычаи и традиции, курировала женские обряды. «Старшая» координировала жизнь всех женщин и в то же время отстаивала их интересы перед мужчинами. «Старшая», как правило, – супруга главы семьи, мать его сыновей, и это обеспечивало ей превосходство не только в кругу женщин, но и в кругу мужчин. «В тех семьях, где члены ее жили дружно, взаимоотношения с невестками строились на взаимопонимании, старшие заботились о младших, младшие с почтением относились к старшим. Система внутрисемейной иерархии подчеркивалась и закреплялась многочисленными и изощренными этикетными предписаниями» [24, с. 37].

В формировании будущих отношений невестки и свекрови существенную роль играют отношения матери и дочери. Они могут как способствовать гармоничному взаимодействию, так и создавать предпосылки для конфликтов. Если у девушки были теплые, доверительные и уважительные отношения с матерью, она, скорее всего, перенесет эту модель на отношения со свекровью. Будет склонна к эмпатии, компромиссам и открытому общению.

Здоровые отношения с матерью способствуют развитию эмоциональной зрелости, что помогает адекватно реагировать на сложные ситуации и конструктивно решать конфликты.

Если мать девушки имеет хорошие отношения со своей свекровью, это может служить позитивным примером и вдохновлять на построение гармоничных отношений в собственной семье. И наоборот. Если отношения с ма-

терью были конфликтными, напряженными или холодными, девушка может неосознанно проецировать этот негативный опыт на свекровь.

Неурегулированные проблемы в отношениях с матерью могут сказываться на взаимодействии со свекровью. Девушка может бессознательно «переносить» свои негативные эмоции и невысказанные претензии на свекровь.

Для того, чтобы получить новые перспективы относительно эмоционального состояния Зухры, найти новые способы решения ее проблем, мы обратились к роману классика ингушской литературы И.М. Базоркина «Из тьмы веков» и увидели, как автор описывает детско-родительские отношения главной героини Зору и ее матери Батази [22]. Принуждение соответствовать устоявшимся социальным нормам, назидания и обвинения, вмешательство в личную жизнь, установление жесткого контроля над контактами дочери – вот неполный перечень требований к девушке со стороны матери.

«Тоненькая, бледнолицая, с резкими черными бровями, из-под которых только иногда светились большие темные глаза, полные скромности, достоинства и грусти, она (Зору) была очаровательна» [22, с. 188]. Тяжела судьба девочки, когда ее «сумасшедшая» мать хочет удовлетворить собственные амбиции и пытается обеспечить своему ребенку ложное «женское счастье».

Роман описывает тяжелый опыт отношений дочери и матери: *«...Зору научилась скрывать от Батази свои чувства. Дочери теперь больше всех нужна была мать, а она осталась одна»* [22, с. 134]. После очередной встречи с Калоем *«она (Батази) в ярости схватила из-под печи железные щипцы и ударила Зору по голове. Зору никогда не били. И этот удар ошеломил ее не столько болью, сколько обидой. Она в удивлении посмотрела на мать, а та снова бросилась на нее и в исступлении стала колотить до тех пор, пока сама не задохнулась и не свалилась в припадке»* [22, с. 184]. *«Избитая, униженная, подавленная, все эти дни она была совсем больной»* [22, с. 187]. Одна из форм «материнского захватничества», которая «именно с девочками обретает наиболее жестокие и архаические формы и подчас доходит до прямого насилия» [25, с. 17].

Зору восстает против диктата и запретов Батази и только ради отца, чтобы он не опустил голову и сохранил свою честь и гордость перед народом, выходит замуж за Чаборза. В момент сватовства девушка *«...с презрением по-*

смотрела на мать. Ей ничего сейчас не хотелось, кроме одного: показать этой язвительной и жадной женщине свое превосходство. И ей захотелось власти над этой женщиной, так бездушно топтавшей ее сердце» [22, с. 190].

В день свадьбы, когда Батази подошла, чтобы проститься и произнести последние заветные слова, Зору сказала: *«Да превратит Аллах мне в яд молоко, которым ты вскормила меня! Отныне на этом и на том свете – говорю перед Богом – нет у меня матери!» [22, с. 227]*

Неурегулированные проблемы в отношениях с матерью негативно сказываются на взаимодействии со свекровью. Почему отношения со свекровью доставляли Зухре столько боли и переживаний? У девушки была предрасположенность к формированию негативных убеждений о себе, партнере, его близких, зародившаяся еще в родительской семье. Непростыми были ее первые отношения в мире, отношения с матерью. Однако она справлялась с ними до тех пор, пока ее внутренняя уязвимость не оказалась под давлением многочисленных стрессоров. На этом этапе терапии для более полного осознания проблемы в качестве еще одного шага к ее решению и была подключена библиотерапия.

Терапевтическая работа с использованием религиозного ресурса

Отношения со свекровью – очень важная и чувствительная тема. В работе с Зухрой, столкнувшейся с трудностями в этих отношениях, мы использовали аяты и хадисы, которые подчеркивают ценность терпения, хорошего нрава, справедливости и уважения к родным мужа, но при этом и соблюдения границ личности невесты. Во-первых, эти отношения требуют терпения и сдержанности. «...Поистине, Аллах... вместе с терпеливыми [помогает им и благословляет]» (2:153)¹.

С точки зрения ислама, терпение – это не слабость, а форма силы. Мусульмане верят, что Аллах обещает Свою поддержку терпеливым. Красивое терпение не является эквивалентом слова «покорность». При встрече с несправедливостью следует отстаивать свои интересы. «Верующие, будьте набожны пред Аллахом... и говорите правдивые... слова...» (33:70). Проявлять терпение – значит терпеливо устранять несправедливость. Нельзя переоце-

¹ Здесь и далее использован перевод смыслов Корана Ш.Р. Аляутдинова [26].

нить значение прощения и великодушия: «Разве вы не желаете того, чтобы Аллах... простил вам [ваши прегрешения, как вы простите тех, кто был к вам несправедлив, груб или преступен]?». (24:22). Даже если свекровь поступает несправедливо, мягкость и прощение могут разорвать круг конфликта.

Опора на нормы и ценности ислама, относящиеся к межличностному взаимодействию, помогли выстроить основу коммуникации в семье с использованием следующих правил:

Важно проявлять уважение к родным мужа:

«Тот, кто не благодарит людей, тот не благодарит и Аллаха» [27, с. 322]. Хорошее отношение к родным мужа – это способ выражения благодарности за мужа и его семью.

Не быть несправедливой к себе... «Господь повелевает быть справедливыми...» (7:29). Женщина не должна терпеть психологическое или физическое насилие, забывая о своей ценности. Этот аят – напоминание о необходимости защищать свои границы.

Мусульманам нужно помнить о важности общения с использованием благих слов: «...говорите людям лишь хорошее...» (2:83). Даже если другой человек говорит резко, мусульманка старается держаться достойно и говорить мягко.

Кроме того, важно не отвечать злом на зло: «Не одинаковы хорошее и плохое. [Это разные вещи. Злу не может быть оправдания. Но если кто-либо проявил его в твой адрес, предоставь себе возможность расти и развиваться, настройся должным образом внутренне, усьмири эмоции и] ответь хорошим... Ты увидишь, как твой враг превращается в близкого, задушевного друга...» (41:34). Это прекрасный принцип для конфликтных ситуаций. Иногда мягкий и мудрый подход может изменить всё. И еще передают со слов пророка Мухаммада: «Пусть тот, кто желает, чтобы его удел был увеличен, а срок жизни продлен, укрепляет родственные узы» (Хадис №2067) [28, с. 332].

К тому же Зухре было рекомендовано придерживаться баланса между использованием причин и упования на Аллаха, как упомянуто в Коране, где пророк Якуб (мир Ему) повелел своим сыновьям использовать причины упования на Аллаха. «И сказал [Якуб, предостерегая от предполагаемых опасно-

стей, а также от сглаза]: «Не входите в [Египет] через одну дверь. Войдите же через разные врата. Но и от того, что уже определено Аллахом... я не смогу вас уберечь. Власть... принадлежит только Богу. Я уповаю на Него. И пусть же на него уповают уповающие» (12:67).

Удивительный пример любви, преданности и уважения между невесткой и свекровью – история Руфь из Библии, мотивы которой перекликаются с такими исламскими ценностями, как преданность, добродетель, забота о ближнем. В исламском контексте эту историю хочется упомянуть как межрелигиозный мост и вдохновение. Аяты и хадисы, которые мы выше обсудили, прекрасно её дополняют.

Вот краткая суть истории: Руфь – моавитянка, после смерти мужа не оставила свою свекровь Ноеминь, сказала: «Куда ты пойдёшь – туда и я пойду, и где ты жить будешь – там и я буду жить. Твой народ будет моим народом, и твой Бог – моим Богом...» (1:16–17) [29]. Эта история показывает: преданность и эмпатию (Руфь не бросила свекровь в горе, а осталась с ней, поделила её путь), уважение к старшему поколению, милосердие как путь к благу (в дальнейшем она была вознаграждена тем, что Аллах (в христианской трактовке – Бог) сделал её прародительницей пророка Давида).

Заключение

Таким образом, взаимоотношения невестки со свекровью в мусульманских семьях в целом и в ингущских семьях в частности являются важнейшим аспектом отношений в большой расширенной семье. Именно в отношениях со свекровью чаще проявляется характерная для расширенных семей триангуляция, а также именно эти отношения часто являются сложными и конфликтными.

Следует отметить ряд причин, влияющих на взаимоотношения невестки со свекровью. В первую очередь важную роль играет возраст свекрови. Много лет родители привыкли безусловно любить, сопровождать своих детей и заботиться о них.

Если у свекрови благополучные, комфортные отношения со своим мужем, то конфликта, как правило, не бывает. Если же у свекрови есть какие-то

сложности в отношениях с ее мужчиной, она очень часто переносит все свои нереализованные чувства на сына.

Случай совместного проживания молодой семьи с родителями супруга, связанный с экономическим положением семьи или традицией, нередко доставляет психологические переживания как невестке, так и свекрови.

Результаты психологических исследований подтверждают предположение о том, что молодые женщины, проживающие в патрилокальной семье разное количество лет, по-разному оценивают взаимоотношения с матерью мужа. Было отмечено, что эмоциональный климат более благополучен при продолжительности проживания невестки с родственниками супруга более пяти лет.

Основными причинами конфликтов между женщинами разных поколений, некровных родственников являются разные взгляды на то, как формировать супружеские взаимоотношения, вести хозяйство, воспитывать подрастающее поколение.

Чрезмерная привязанность матери к сыну может быть неблагоприятным фактором. Мать не позволит сыну отделиться и построить свою семью в тех случаях, когда единственным смыслом жизни матери является ребенок – или желанный и поздний, или оставшийся без отца. И для того, чтобы не лишиться своего статуса и значимости, мать может манипулировать посредством разных инструментов: требования и осуждения, поиска помощи и поддержки.

В формировании будущих отношений невестки и свекрови существенную роль играют отношения матери и дочери. Они могут как способствовать гармоничному взаимодействию, так и создавать предпосылки для конфликтов. Если у девушки были теплые, доверительные и уважительные отношения с матерью, она, скорее всего, перенесет эту модель на отношения со свекровью. Будет склонна к эмпатии, компромиссам и открытому общению.

Для невестки предельно важна забота о себе и своих базовых убеждениях. Заниженная самооценка и чрезмерная зависимость от чужого мнения влияют на характер и отношения с другими людьми. Гармоничные отношения с миром возможны только в случае гармонии с самим собой. Для повышения

самооценки, формирования навыков уверенного поведения, ответственности, повышения доверия к себе и миру, сострадания, принятия, развития креативности и асертивности с Зухрой был выполнен комплекс упражнений. Для того, чтобы «примирить» конфликтующие стороны личности, помочь Зухре достигнуть гармоничного внутреннего состояния, были выполнены указанные выше в тексте техники. Помогла увидеть множество достоинств свекрови методика «Разные ткани» [21, с. 115–116]. Для разрешения конфликтных ситуаций со свекровью Зухре было рекомендовано: активное слушание, работа над эмоциональным интеллектом, позитивное мышление, поиск общих интересов, групповая терапия.

У девушки была предрасположенность к формированию негативных убеждений о себе, партнере, его близких, зародившаяся еще в родительской семье. Непростыми были ее первые отношения в мире, отношения с матерью. В связи с этим на очередном этапе терапии для более полного осознания проблемы в качестве еще одного шага к ее решению была подключена библиотерапия.

В работе с Зухрой, столкнувшейся с трудностями в отношениях со свекровью, мы использовали аяты и хадисы, которые подчеркивают ценность терпения, хорошего нрава, справедливости и уважения к родным мужа, но при этом и соблюдения границ личности невесты.

Удивительный пример любви, преданности и уважения между невесткой и свекровью – история Руфь из Библии. В исламском контексте эту историю мы упомянули как межрелигиозный мост и символ вдохновения.

Литература

1. Сапоровская М.В. *Психология межпоколенных отношений в современной российской семье*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; 2012. 430 с.
2. Мид М. *Культура и мир детства*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»; 1988. 429 с.
3. Пучков А.Я. *Механизм преемственности поколений: исторический опыт и современность: автореф. дисс. ... канд. филос. наук*. Екатеринбург, 1993. 131 с.

4. Павлова О.С. Семейные отношения мусульман постсоветского пространства: основные черты и подходы к психологическому консультированию. *Minbar. Islamic Studies.* 2024;17(4):953–978. DOI:10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978

5. Галиева Г.Ф. Исследование психологических проблем женщин-мигранток в семейных и детско-родительских отношениях. *Minbar. Islamic Studies.* 2023;16(1):213–234. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-1-213-234

6. Хребина С.В., Швалева Н.М., Ваделова Х.Ю. Ролевая структура в мусульманских семьях с различным типом функционирования. *Minbar. Islamic Studies.* 2018;11(3):621–634.

7. Баирова З.М. Актуальные проблемы в супружеских отношениях в современных мусульманских семьях: теологический подход. *Minbar. Islamic Studies.* 2017;10(2):84–96. DOI: 10.31162/2618-9569-2017-10-2-84-96

8. Ильин Е.П. *Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины.* СПб.: Питер; 2006. 544 с.

9. Андреева Т.В., Савина Л.Н. Расширенная семья: психологические аспекты взаимоотношений невестки и свекрови. *Ананьевские чтения-2000: Тез. научно-практической конф.* СПб.: СПбГУ; 2000. С. 114–116.

10. Куликов Л.В., Петрова Д.К. Эмоционально-чувственные характеристики взаимоотношений свекрови и невестки. *Социальная и экономическая психология.* 2018;3(1):167–190.

11. Шубина А.С. Взаимоотношения молодых супругов с родительскими семьями. *Психология. Пермь.* 2007;14:4–13.

12. Кратохвил С. *Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний.* М.: Медицина; 1991. 220 с.

13. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. *Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними.* СПб.: Речь; 2005. 240 с.

14. Белорукова Н.О. *Семейные трудности и совладающее поведение на разных этапах жизненного цикла семьи: автореф. дис. ...канд. психол. наук.* Кострома, 2000. 25 с.

15. Сатир В. *Как строить себя и свою семью*. М.: Педагогика-Пресс; 1992. 152 с.
16. Байкулова А.Н. Факторы дисгармонии в общении некровных родственников, свекрови и невестки: пути урегулирования конфликтного взаимодействия. *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.* Кормилицыной М.А. (ред.). Вып. 14. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та; 2014. С. 39–54.
17. Маленова А.Ю. Особенности отношений молодых женщин с собственной матерью и матерью супруга в патрилокальных семьях. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2013;4(14):110–118.
18. Тагалекова Л.М. Причины возникновения конфликтных ситуаций в диаде свекровь-невестка (на примере карачаевского этноса). *Нравственное воспитание в современном мире: психологический и педагогический аспект: сборник статей Международной научно-практической конференции*. Ч. 2. Уфа: Аэтерна; 2017. С. 185–188.
19. Зоткина Е.А. Замуж... за свекровь? *Виноград. Журнал для родителей*. 2013;2(52):32–37.
20. Залого А. *Любовь к себе. 50 способов повысить самооценку*. М.: Бомбора; 2019. 117 с.
21. Колендо-Смирнова А.А. *Как не заблудиться в лабиринте психосоматики, а просто выйти из него!* М.: ООО «Вариант»; 2019. 128 с.
22. Базоркин И.М. *Из тьмы веков*. М.: Наука; 2019. 574 с.
23. Кодзоев И.А. «Нынче зама такая...». Ростов-на-Дону: Лаки Пак; 2016. 696 с.
24. Агиева Л.Т. *Этнография ингушей*. Майкоп: ОАО Полиграф-ЮГ; 2011. 552 с.
25. Эльячефф К., Эйниш Н. *Дочки-матери. 3-й лишний*. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2011. 448 с.
26. Аляутдинов Ш.Р. *Священный Коран. Смыслы*. М.: Диля; 2020. 3264 с.
27. Ахмад ибн Ханбаль. *Муснад*. Т. 13. Бейрут: аль-Рисаля; 1997. 548 с.
28. аль-Бухари. *Сахих аль-Бухари*. Рияд: Дар ас-Салам; 1999. 1513 с.

29. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Эксмо; 2024. 1296 с.

References

1. Saporovskaya M.V. *Psikhologiya mezhpokolennykh otnosheniy v sovremennoy rossiyskoy sem'e* [Psychology of intergenerational relations in the modern Russian family]. Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov Publ.; 2012. 430 p. (In Russian)

2. Mead M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow: Main Editorial Board of Eastern Literature, Nauka Press; 1988. 429 p. (In Russian)

3. Puchkov A.Ya. *Mekhanizm preemstvennosti pokoleniy: istoricheskiy opyt i sovremennost': avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [The mechanism of continuity of generations: historical experience and modernity: abstract of a candidate dissertation on Philosophy]. Ekaterinburg, 1993. 131 p.

4. Pavlova O.S. *Semeynye otnosheniya musul'man postsovetskogo prostranstva: osnovnye cherty i podkhody k psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu* [Family relations of Muslims in the post-Soviet space: main features and approaches to psychological counseling]. *Minbar. Islamic Studies.* 2024;17(4):953–978. DOI: 10.31162/2618-9569-2024-17-4-953-978 (In Russian)

5. Galieva G.F. *Issledovanie psikhologicheskikh problem zhenshchin-migrantok v semeynykh i detsko-roditel'skikh otnosheniyakh* [Study of psychological problems of migrant women in family and parent-child relationships]. *Minbar. Islamic Studies.* 2023;16(1):213–234. DOI: 10.31162/2618-9569-2023-16-1-213-234 (In Russian)

6. Khrebina S.V., Shvaleva N.M., Vadelova H.Yu. *Rolevaya struktura v musul'manskikh sem'yakh s razlichnym tipom funktsionirovaniya* [Role structure in Muslim families with different types of functioning]. *Minbar. Islamic Studies.* 2018;11(3):621–634. DOI: 10.31162/2618-9569-2018-11-3-621-634 (In Russian)

7. Bairova Z.M. *Aktual'nye problemy v supruzheskikh otnosheniyakh v sovremennykh musul'manskikh sem'yakh: teologicheskiy podkhod* [Actual

problems in marital relations in modern Muslim families: theological approach]. *Minbar. Islamic Studies*. 2017;10(2):84–96. DOI: 10.31162/2618-9569-2017-10-2-84-96 (In Russian)

8. Ilyin E.P. *Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny* [Differential psychophysiology of men and women]. St. Petersburg: Piter Press; 2006. 544 p. (In Russian)

9. Andreeva T.V., Savina L.N. *Rasshirennaya sem'ya: psikhologicheskie aspekty vzaimootnosheniy nevestki i svekrovi* [Extended family: psychological aspects of the relationship between daughter-in-law and mother-in-law]. *Anan'evskie chteniya-2000: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ananyev Readings-2000: Abstract of the scientific and practical conference]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University; 2000, pp. 114–116. (In Russian)

10. Kulikov L.V., Petrova D.K. *Emotsional'no-chuvstvennyye kharakteristiki vzaimootnosheniy svekrovi i nevestki* [Emotional and sensory characteristics of the relationship between mother-in-law and daughter-in-law]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and Economic Psychology]. 2018;3(1):167–190 (In Russian)

11. Shubina A.S. *Vzaimootnosheniya molodykh suprugov s roditel'skimi sem'yami* [Relationships of young spouses with parental families]. *Psikhologiya. Perm'* [Psychology. Perm]. 2007;14:4–13. (In Russian)

12. Kratochvil S. *Psikhoterapiya semeyno-seksual'nykh disgarmoniy* [Psychotherapy of family and sexual disharmonies]. Moscow: Medicine Press; 1991. 220 p. (In Russian)

13. Kryukova T.L., Saporovskaya M.V., Kuftyak E.V. *Psikhologiya sem'i: zhiznennyye trudnosti i sovladenie s nimi* [Family psychology: life difficulties and coping with them]. St. Petersburg: Rech Press; 2005. 240 p. (In Russian)

14. Belorukova N.O. *Semeynye trudnosti i sovladayushchee povedenie naraznykh etapakh zhiznennogo tsikla sem'i: avtoref. diss. ...kand. psikhol. nauk* [Family difficulties and coping behavior at different stages of the family life cycle: abstract of a candidate dissertation on Psychology]. Kostroma, 2000. 25 p. (In Russian)

15. Satir V. *Kak stroit' sebya i svoju sem'yu* [How to build yourself and your family]. Moscow: Pedagogy Press; 1992. 152 p. (In Russian)

16. Baykulova A.N. Faktory disgarmonii v obshchenii nekrovnykh rodstvennikov, svekrovi i nevestki: puti uregulirovaniya konfliktnogo vzaimodeystviya [Factors of disharmony in communication between non-blood relatives, mother-in-law and daughter-in-law: ways of resolving conflict interaction]. *Problemy rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sbornik nauchnykh trudov* [Problems of speech communication: inter-university. collection of scientific papers]. Kormilitsyna M.A. (ed.). Is. 14. Saratov: Saratov University Press; 2014, pp. 39–54. (In Russian)

17. Malenova A.Yu. Osobennosti otnosheniy molodykh zhenshchin s sobstvennoy mater'yu i mater'yu supruga v patrilokal'nykh sem'yakh [Peculiarities of relationships of young women with their own mothers and mothers of their spouses in patrilocal families]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities]. 2013;4(14):110–118. (In Russian)

18. Tagalekova L.M. Prichiny vozniknoveniya konfliktnykh situatsiy v diade svekrov'-nevestka (na primere karachaevskogo etnosa) [Causes of conflict situations in the mother-in-law-daughter-in-law dyad (using the Karachay ethnic group as an example)]. *Nravstvennoe vospitanie v sovremennom mire: psikhologicheskii i pedagogicheskii aspekt: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Moral education in the modern world: psychological and pedagogical aspect: collection of articles from the International scientific and practical conference]. Part 2. Ufa: Aeterna Press; 2017, pp. 185–188. (In Russian)

19. Zotkina E.A. Zamuzh... za svekrov'? [Marry... your mother-in-law?]. *Vinograd. Zhurnal dlya roditeley* [Vinograd. A magazine for parents]. 2013;2(52):32–37. (In Russian)

20. Zaloga A. *Lyubov' k sebe. 50 sposobov povysit' samootsenku* [Self-love. 50 ways to increase self-esteem]. Moscow: Bombora Press; 2019. 117 p. (In Russian)

21. Kolendo-Smirnova A.A. *Kak ne zabludit'sya v labirinte psikhosomatiki, a prosto vyyti iz nego!* [How not to get lost in the labyrinth of psychosomatics, but simply get out of it!]. Moscow: LLC Variant Publ.; 2019. 128 p. (In Russian)
22. Bazorkin I.M. *Iz t'my vekov* [From the Darkness of Ages]. Moscow: Nauka Press; 2019. 574 p. (In Russian)
23. Kodzoev I.A. “*Nynche zama takaya...*” [“These days the wife is like this...”]. Rostov-on-Don: Lucky Pack Press; 2016. 696 p. (In Russian)
24. Agieva L.T. *Etnografiya ingushey* [Ethnography of the Ingush]. Maykop: Polygraph-Yug Press; 2011. 552 p. (In Russian)
25. Elyacheff C., Einisch N. *Dochki-materi. 3-y lishniy* [Meres-Filles. Une Relation A Trois]. Moscow: Institute for General Humanitarian Research Publ.; 2011. 448 p. (In Russian)
26. Alyautdinov Sh.R. *Svyashchennyy Koran. Smysly* [Holy Quran. Meanings]. Moscow: Dilya Press; 2020. 3264 p. (In Russian)
27. Ahmad ibn Hanbal. *Musnad*. T. 13. Beirut: al-Risala; 1997. 548 p. (In Arabic)
28. al-Bukhari. *Sahih al-Bukhari*. Riyadh: Dar al-Salam; 1999. 1513 p. (In Arabic)
29. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow: Eksmo; 2024. 1296 p. (In Russian)

Информация об авторе

Ганиева Роза Хаматхановна, кандидат психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, директор Центра психологической помощи, член Ассоциации психологической помощи мусульманам, г. Магас, Российская Федерация.

About the author

Rosa H. Ganieva, Cand. Sci. (Psychology), Full Professor, the Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia, Senior Researcher at the Department of Ethnology in Ingush Research Institute of Humanities Named After Ch. Ahriev, Director of the Centre for Psychological Assistance and Psychological Post-crisis Rehabilitation, Member of the Association of Psychological Assistance to Muslims, Magas, the Russian Federation.

Р.Х. Ганиева

Опыт консультативной работы по вопросам отношений невестки и свекрови...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(2):457–481

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025

Одобрена рецензентами: 06 мая 2025

Принята к публикации: 25 мая 2025

Article info

Received: 14 April, 2025

Reviewed: 6 May, 2025

Accepted: 25 May, 2025

Жизненные стратегии женщин-предпринимателей Таджикистана

И.А. Керимова^{1а}

¹Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3338-3784>, e-mail: i.kerimova@gmail.com

Резюме: В статье представлены результаты сравнительного анализа жизненных стратегий таджикских женщин-предпринимателей и женщин, работающих по найму. В исследовании приняли участие 59 респондентов – молодых женщин-мусульманок Таджикистана, работающих по найму и ведущих собственный бизнес, средний возраст которых – 25 лет (от 18 до 35). Анализ результатов исследования подтвердил нашу гипотезу о том, что существуют различия в выборе жизненных стратегий у женщин, занятых предпринимательской деятельностью, и женщин, работающих по найму: женщины, занятые предпринимательской деятельностью, демонстрируют более высокую ориентацию на «стратегии жизненного успеха». Также исследование выявило, что «стратегия стремления к жизненному благополучию» более выражена у женщин, работающих по найму. Это свидетельствует о том, что объективные условия деятельности мелких и средних предпринимателей в Таджикистане, где ограниченные материальные ресурсы, высокая конкуренция и необходимость постоянного поиска решений, нередко заставляют их жертвовать комфортом ради достижения профессиональных целей.

Ключевые слова: жизненные стратегии; женщины-мусульманки; женщины-предприниматели; стратегия жизненного благополучия; стратегия жизненного успеха; стратегия самореализации; таджикские женщины

Для цитирования: Керимова И.А. Жизненные стратегии женщин-предпринимателей Таджикистана. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):482–498. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-482-498

Благодарности: автор статьи благодарит Тахмину Усманиевну Закирову, выпускницу магистратуры кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии МПГУ, за помощь в организации исследования в Таджикистане, сбор эмпирического материала.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Life Strategies of Women Business Owners in Tajikistan

I.A. Kerimova^{1a}

¹*Moscow Pedagogical State University, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3338-3784>, e-mail: i.kerimova@gmail.com

Abstract: The article presents the results of a comparative analysis of life strategies for Tajik women entrepreneurs and employees. The study was attended by 59 respondents who are young Muslim women of Tajikistan involved in working and leading their own business between the ages from 18 to 35 years. The average age of respondents is 25 years. The analysis of the results of the study confirmed our hypothesis that there are differences in the choice of life strategies by the women engaged in entrepreneurial activities and the working one: the women engaged in entrepreneurial activity demonstrate a higher orientation on the “the strategy for life success”. The study also revealed that the “the strategy for the desire for life well-being” is more pronounced among the working women. This indicates that the objective conditions of the activity of small and medium-sized entrepreneurs in Tajikistan, where there are the limited resources, high level of competition and the need for a constant search for decisions, which often force them to sacrifice comfort for the professional goals.

Keywords: life strategies; Muslim women; women entrepreneurs; life well-being strategy; life success strategy; self-realization strategy; Tajik women

For citation: Kerimova I.A. Life Strategies of Women Business Owners in Tajikistan. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(2):482–498. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-2-482-498

Acknowledgments: The author is grateful to Zakirova Takhmina, a graduate of the master's program of the Department of Social Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy and Psychology of Moscow State Pedagogical University, for her assistance in organizing the research in Tajikistan, collecting empirical material, and conducting interviews.

Введение

Главной особенностью современного мира большинство исследователей называют изменчивость. Действительно, стремительные изменения в XX и XXI веках касаются всех сфер общественного существования – политики, экономики, технологий, психологии.

Существенные позитивные изменения произошли и продолжают происходить в положении женщин в обществе. Это касается не только так называемых стран Запада, но и стран с развивающейся экономикой. Кардинально изменившиеся представления о месте женщины в обществе позволяют видеть

ее как бизнес-профессионала, предпринимателя и лидера нового времени. По прогнозам социологов, в 2030 году почти половина всех новых предприятий в мире, включая те, что находятся в странах с развивающейся экономикой, будут запущены женщинами [1].

Однако в традиционных мусульманских странах, в частности странах ближнего зарубежья (в бывших советских республиках), ситуация с положением женщин несколько иная. В Таджикистане, например, где «источниками формирования национально-психологических особенностей таджиков были производственно-экономическая неподвижность социальных отношений, сохранение феодальных пережитков в экономической и социальной структуре государства, постоянная преемственность социально-политических институтов, преобладание крестьянства в общем составе населения страны, господство семейно-родственных отношений, большая роль... отводится исламской идеологии и морали... всеохватывающей системе традиций и норм поведения, имевших ярко выраженную специфику» [2, с. 12].

В своем исследовании R. Sokolova, анализируя гендерную политику и влияние религиозной оппозиции на идентичность и права женщин, пишет, что, хотя «государство приняло ряд законов и указов о повышении роли женщин в обществе и юридически защищает их гражданские права, тем не менее фактическое гендерное неравенство и дискриминация в отношении женщин по-прежнему весьма ощутимы в политических, экономических и социальных аспектах жизни» [3].

И сегодня, по прошествии 10 лет, принимаются документы, направленные на улучшение положения женщины. В частности, одним из важных документов является «Государственная программа развития женского предпринимательства в Республике Таджикистан на период до 2027 года», цель которой – «создание дополнительных, более благоприятных условий для женского предпринимательства»¹. Однако при презентации программы было отмечено, что «...несмотря на проделанную работу по развитию предприни-

¹ Постановление Правительства Республики Таджикистан "О Государственной программе развития женского предпринимательства в Республике Таджикистан на период до 2027 года" от 29.11.2023 № №545. Национальная Ассоциация малого и среднего бизнеса Республики Таджикистан. 2024 г.

материнства среди женщин, в некоторых случаях проблемы в этой сфере все еще существуют»².

В отчете о результатах краткой оценки положения по обеспечению охраны психического здоровья родителей и детей в Таджикистане [4] аккуратно высказывается предположение, что «структура и исторические нормы таджикского общества с традиционно-консервативными и патриархальными ценностями, особенно в сельской местности могут повлиять на гендерные стереотипы в отношении ролей женщин и мужчин» [4, с. 28].

По этому поводу R. Sokolova отмечает, что «светские принципы и ограничительная политика государства в отношении ислама и мусульманского дресс-кода были оспорены и раскритикованы религиозной оппозицией. Poleмика между государством и религиозной оппозицией по поводу подхода к гендерным вопросам и построения женской идентичности привела к значительной маргинализации женщин в таджикском обществе и навязыванию двух конкурирующих взглядов на идентичность таджикской женщины» [3].

Ситуация осложняется и тем, что экономическое состояние в сегодняшнем Таджикистане вынуждает многих молодых людей искать работу за рубежом. Высокий уровень трудовой миграции в таджикском обществе приводит к разрушению семей, что соответствует положению в Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии [5].

С другой стороны, сложившаяся ситуация подталкивает наиболее активных женщин самостоятельно зарабатывать и таким образом становиться акторами экономического процесса. На 1 января 2022 года в стране зарегистрировано свыше 79 тыс. предпринимателей-женщин, что составляет 23,1% от общей массы зарегистрированных субъектов предпринимательства страны. В 2023 году эти показатели увеличились до 85 тысяч³.

Согласно данным, прозвучавшим на конференции «Вопросы развития женщин-предпринимателей: положение, проблемы и пути решения», по

² Презентация «Государственной программы развития женского предпринимательства в Республике Таджикистан на период до 2027 года». *National Association of Small and Medium Business of the Republic of Tajikistan*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namsb.tj/en/allnews/news/prezentacziya-gosudarstvennoj-programmy-razvitiya-zhenskogo-predprinimatelstva-v-respublike-tadzhikistan-na-period-do-2027-goda/> (дата обращения: 04.04.2025).

³ Там же.

состоянию на 1 января 2024 года в стране работают почти 90 тыс. женщин-предпринимателей. Из них 42% деловых женщин приходится на Согдийскую область, 27,5% – на Хатлонскую область, 16,8% – на районы республиканского подчинения, 12% – на город Душанбе и 1,8% – на Горно-Бадахшанскую автономную область⁴. И хотя, как было отмечено, большинство деловых женщин занимаются мелким бизнесом (ремесленничество, салоны красоты и т.д.), привлекая банковские кредиты для развития⁵, в результате женщины становятся более независимыми и имеющими больше возможностей самостоятельно управлять собственной судьбой, строить жизненные планы, в той или иной степени осознанности выбирать свою жизненную стратегию и следовать ей.

В психологии понятие «жизненные стратегии» является относительно новым, сформированным в 90-е годы XX в. В категориальный аппарат современной отечественной психологии понятие «жизненная стратегия» введено К.А. Абульхановой-Славской. Она определяет жизненные стратегии как способность человека проектировать жизнь с учетом своих индивидуальных особенностей, типа личности; способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями человека [6].

Отечественные исследователи Т.Е. Резник и Ю.М. Резник описывают жизненную стратегию как динамичную систему, которая включает в себя смыслы, ценностные ориентации, осознанные цели, образы, нормы. Жизненная стратегия в данной концепции представляет собой сознательный выбор личности, целенаправленный процесс саморазвития, ориентированный на будущее. Авторы выделяют три типа стратегий: стратегии жизненного благополучия; жизненного успеха и стратегии самореализации [7].

О.С. Васильева и Е.А. Демченко под жизненной стратегией подразумевают реализацию определенного способа бытия, позволяющего, по представлениям человека, устроить его жизнь наиболее эффективно. По результатам

⁴ В Душанбе обсудили развитие женского предпринимательства. *Медиагруппа «ASIA-Plus» (Душанбе, Таджикистан)*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20240529/v-dushanbe-obsudili-razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 04.05.2025).

⁵ Там же.

своего исследования авторы обозначают качественные и количественные характеристики жизненной стратегии. «Жизненные цели и систему ценностей, на основе которой выстраиваются эти цели» [8, с. 84], авторы относят к «качественным характеристикам жизненной стратегии, поскольку они отражают ее содержание – то, к чему стремится человек. К количественным характеристикам жизненной стратегии <...> уровень ответственности и осмысленности жизни, поскольку они могут оказывать влияние на удовлетворенность человека жизнью» [8, с. 84]. Одним из основных показателей эффективности жизненной стратегии человека, по мнению авторов, является его удовлетворенность жизнью.

В последние годы в отечественной науке наблюдается всплеск интереса к изучению жизненной стратегии в прикладном аспекте. Анализируются жизненные стратегии молодежи в связи с угрозой социальной безопасности [9], жизненные стратегии современной узбекской молодежи [10]; жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса [11]; жизненные стратегии молодежи в новой реальности [12].

На наш взгляд, исследование жизненных стратегий в Таджикистане, где молодежь составляет около 40% населения [9], представляет собой не только теоретический, но и практический интерес. Анализ жизненных стратегий молодых работающих таджикских женщин позволит в большей степени понять тенденции в развитии самосознания, гендерной идентичности, гендерных автостереотипов мусульманской женщины в изменившихся социокультурных условиях.

В рамках данного эмпирического исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

Гипотеза 1: стратегия «стремление к жизненному благополучию» является универсальной для женщин Таджикистана, независимо от их профессиональной роли.

Гипотеза 2: существуют различия в выборе жизненных стратегий у женщин, занятых предпринимательской деятельностью, и женщин, работающих по найму: женщины, занятые предпринимательской деятельностью, демонстрируют более высокую ориентацию на «стратегии жизненного успеха».

Материалы и методы эмпирического исследования

Процедура

Анкеты для участниц исследования были распечатаны и распространены через знакомых, коллег и родственников исследователя. Часть анкет была роздана участницам региональной конференции по женскому предпринимательству в Душанбе.

Все участницы исследования – жительницы Душанбе, таджички, владеющие русским языком.

Анкету предваряет подробная инструкция, разъяснение цели исследования. Анкеты были составлены на русском языке. Анкеты заполнялись в присутствии исследователя, свободно говорящего на русском и таджикском языках и при необходимости способного дать пояснения. Заполнение анкет в среднем занимало 10-15 минут.

Выборка

Всего в исследовании приняло участие 59 респондентов – молодых женщин-мусульманок Таджикистана, работающих по найму и ведущих собственный бизнес, в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст респонденток – 25 лет. Все респонденты свободно владеют русским языком.

Более подробную социально-демографическую информацию см. в таблице 1.

Таблица 1. / Table 1.

Социально-демографическая информация (N = 59)
Socio-demographic information (N = 59)

	Проценты, %
Образование	
Высшее	57,6
Незаконченное высшее	23,7
Среднее специальное	10,2
Полное среднее	5,1
Неполное среднее	3,4

Семейное положение	
Замужем	23,7
Не замужем	40,7
Разведена	18,61
В отношениях	10,2
Помолвлена	6,8
Тип занятости	
Собственный бизнес	45,8
Работа по найму	54,2

Методики

Вопросы анкеты для исследования жизненных стратегий были составлены на основе типологии Т.Е. Резник и Ю.М. Резника, которые выделяют три основные стратегии: жизненного благополучия; жизненного успеха и стратегии самореализации [7]. Анкеты включали 12 вопросов, например: «Для меня очень важно достижение высокого социального статуса в обществе». Утверждения респондентов оценивались по пятибалльной шкале, где 1 означает «нет», 2 – «скорее нет, чем да», 3 – «не знаю», 4 – «скорее да, чем нет» и 5 – «да».

Социально-демографические переменные включали в себя: тип занятости, семейное положение, уровень образования.

Результаты и обсуждение

Для анализа внутренней надежности и согласованности шкал использован коэффициент альфа Кронбаха. Результаты анализа показаны в таблице 2.

Таблица 2. / Table 2.

Коэффициенты надежности и согласованности шкал Scales reliability and consistency coefficients

Шкала	α
Стратегия жизненного благополучия	0.78
Стратегия жизненного успеха	0.86
Стратегия самореализации	0.75

Для проверки гипотезы о существовании различий в преимущественном выборе жизненной стратегии у таджикских женщин-предпринимателей и женщин, работающих по найму, был использован критерий Манна-Уитни. Результаты статистической проверки гипотезы представлены в таблице 3.

Таблица 3. / Table 3.

Результаты сравнительного анализа выраженности жизненных стратегий у женщин-предпринимателей и женщин, работающих по найму
Results of a comparative analysis of the expression of life strategies among women entrepreneurs and employees

Шкалы	Средние значения		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистиче- ской значи- мости (p)
	Предприни- матели	Работницы по найму		
Стратегия жизненного благополучия	11,7	15,5	24,0	< .001
Стратегия жизненного успеха	15,4	12,0	128	< .001
Стратегия самореализации	16,0	15,1	312	0.048

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о том, что исследуемые группы имеют различия в преобладании жизненных стратегий. Так, женщины, работающие по найму, демонстрируют более высокую степень выраженности стратегии жизненного благополучия (среднее значение 15.5 из 20) по сравнению с женщинами-предпринимателями (среднее значение 11.7). Различия статистически значимы ($p < .001$).

Особенно ярко это проявилось при анализе отдельного аспекта – стремления к личному комфорту и уюту в жизни. Так, при ответе на утверждение «Я стремлюсь к тому, чтобы в моей жизни было больше уюта и комфорта» женщины, работающие по найму, в среднем ставили максимальную оценку – 5,0 балла. Предпринимательницы же в ответах склонялись в сторону низких значений – в среднем 1,56 балла.

Такой результат может быть связан с объективными условиями деятельности мелких и средних предпринимателей в Таджикистане, где ограни-

ченные ресурсы, высокая конкуренция и необходимость постоянного поиска решений нередко заставляют жертвовать комфортом ради профессиональных целей. Напротив, наемный труд, даже в условиях относительно невысокого уровня доходов, предполагает более предсказуемый режим, стабильность, позволяющие заботиться о комфорте.

Примечательно, что в таком аспекте благополучия, как «семья», различия оказались минимальными. Высокие оценки в обеих группах (средние значения около 3.7) подчеркивают устойчивость традиционных ценностей в таджикском обществе, где семья остается основой социальной идентичности независимо от профессиональной роли женщины. Этот результат также коррелирует с выводами исследования жизненных стратегий молодых мусульман, получающих религиозное образование [13]. Проведенные полуструктурированные интервью с обучающимися на старших курсах медресе позволили определить различия в жизненных стратегиях мусульманских девушек и юношей. Девушки были более ориентированы на семью и религиозное образование планировали применять для обучения и воспитания детей. У мусульманок семейные стратегии – приоритетные, в отличие от образовательных и профессиональных.

Важно отметить, что интерпретация результатов должна учитывать специфику выборки, ее культурные особенности. Так, высокие оценки по параметру «семья» могут быть частично обусловлены социальной желательностью, традициями, нормами общества.

Тем не менее статистическая значимость общего результата позволяет говорить о реальных различиях в жизненных стратегиях.

В рамках данного исследования также была изучена стратегия жизненного успеха, которая, как предполагалось, будет более выражена у женщин-предпринимателей по сравнению с женщинами, занятыми наемным трудом. В ходе исследования респонденты оценивали важность для них четырех аспектов жизненного успеха: достижение социального статуса, карьерный рост и финансовую независимость, признание профессиональных достижений, а также стремление к амбициозным целям. Результаты по данной шкале, представленные в таблице 3, показали, что женщины-предприниматели де-

монстрируют более высокую ориентацию на эту стратегию (среднее значение 15.8 из 20 возможных) по сравнению с наемными работниками (среднее значение 12.7). Разница оказалась статистически значимой ($p < .001$).

Особый интерес вызывает анализ отдельных компонентов шкалы. Наиболее значимыми различиями отличались вопросы о карьерном росте (средние 4.15 и 2.62, $p = 0.001$) и амбициозных целях (4.22 и 2.75, $p = 0.001$). Вероятно, ограниченные возможности карьерного роста женщины, характерные для большинства секторов деятельности, побуждают амбициозных женщин выбирать предпринимательство как путь к реализации своих устремлений и к финансовому успеху.

В то же время по таким аспектам, как «социальный статус» и «признание достижений», различия между группами оказались минимальными. Высокие оценки в обеих группах (средние значения около 3.7) отражают универсальность культурных ценностей в таджикском обществе, где уважение и одобрение окружающих остаются приоритетом независимо от профессионального статуса женщины. Социальное одобрение как универсальная ценность может реализовываться в различных аспектах: женщины-предприниматели стремятся к признанию через профессиональные достижения, а женщины, работающие по найму, – через выполнение традиционных семейных ролей.

Третий блок анкеты был направлен на оценку ориентации на стратегию самореализации у обеих групп респондентов. Результаты также представлены в таблице 3. Средние значения в обеих группах довольно близки (17.00 и 15.50 соответственно), различия находятся на границе статистической значимости ($p = 0.048$). Однако анализ отдельных компонентов выявил интересные закономерности. Женщины-предприниматели гораздо выше оценивали важность личностного развития. Средние значения – 4.44 и 3.59 балла соответственно. Женщины, работающие по найму, демонстрировали более высокую склонность к самовыражению через творчество. Средние значения 4.53 и 3.44 балла. Другие стороны по шкале самореализации не выявили особенностей.

Эти результаты позволяют предположить, что самореализация у женщин Таджикистана принимает разные формы в зависимости от жизненных

условий. Для женщин-предпринимателей развитие становится инструментом выживания и конкурентного преимущества в условиях высокой неопределенности предпринимательской среды. Постоянное освоение новых навыков, адаптация к изменяющимся обстоятельствам и стремление к профессиональному росту становятся не только средством достижения успеха, но и способом утверждения своей идентичности в условиях ограниченных ресурсов и высокой социальной ответственности. В то же время женщины, работающие по найму, сталкиваясь с низкой профессиональной автономией и ограниченными возможностями карьерного роста, чаще находят самореализацию вне работы – через творчество, хобби или традиционные формы женского самовыражения. Высокие оценки по параметру «самовыражение через творчество» могут быть также связаны с сохранением культурных практик, таких как рукоделие, кулинария и др.

Ограничения исследования и выводы

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить данные о различиях в жизненных стратегиях молодых таджикских женщин, занятых предпринимательской деятельностью и работающих по найму.

Во-первых, наше предположение о том, что стратегия «стремление к жизненному благополучию» (семья, здоровье, материальная стабильность) является универсальной для женщин Таджикистана независимо от их профессиональной роли, не подтвердилось. За одним исключением: обе группы респонденток высоко оценили значимость семьи как аспекта жизненного благополучия, что свидетельствует о сохранении устойчивых традиционных ценностей в условиях меняющегося социального контекста. Однако было выявлено, что женщины, работающие по найму, демонстрируют значительно более выраженную ориентацию на стратегию «стремление к благополучию» в целом. Напротив, женщины-предприниматели зачастую жертвуют личным комфортом ради достижения профессиональных целей, сталкиваясь с неопределенностью и высокой степенью ответственности в условиях ограниченных ресурсов.

Второе предположение о различиях в выборе жизненной стратегии между женщинами-предпринимателями и работающими по найму полно-

стью подтвердилось: представительницы первой группы показали более высокую ориентацию на стратегию жизненного успеха. Это проявилось в их более выраженном стремлении к карьерному росту, финансовой независимости и реализации амбициозных целей. Такая тенденция может быть объяснена тем, что предпринимательство предоставляет женщинам возможность выхода за рамки традиционных социальных ролей и расширения автономии в принятии решений. При этом важно отметить, что такие аспекты жизненного успеха, как социальный статус и признание достижений, оказались важными для обеих групп, что говорит о значимости уважения и одобрения окружающих как важной ценности.

Кроме того, анализ стратегии самореализации выявил менее выраженные, но статистически значимые различия между группами. Женщины-предприниматели чаще выбирали путь саморазвития как средства достижения конкурентных преимуществ и личностного роста, тогда как женщины, работающие по найму, склонны к самовыражению через творчество и вне профессиональной сферы. Эти различия могут быть связаны с ограничением возможностей для самореализации в рамках наемного труда и с необходимостью компенсировать это через внепрофессиональную активность.

Данное исследование имеет некоторые ограничения. Все респонденты – городские жительницы, свободно владеющие русским языком, что свидетельствует о большей включенности данной группы в широкий культурный современный контекст.

В связи с этим актуальным представляется расширение выборки за пределы столицы, включая сельские районы и другие регионы страны, где традиционные установки относительно профессиональной социализации женщин могут иметь более значительное влияние.

Литература

1. Гильен М. 2030: *Как современные тренды влияют друг на друга и на наше будущее*. Батыгин К. (пер.). М.: Альпина Паблишер; 2022. 394 с.
2. Набиев М.М. *Национально-психологические особенности таджиков и специфика их проявления в этническом общении: Автореф. дис. канд. психол. наук*. 19.00.12. М., 1995. 26 с.

3. Sokolova R. *Gender Politics of Tajikistan: Towards Constructing an Identity of a Tajik Woman in Contemporary Society.* 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mt.osce-academy.kg/handle/123456789/291> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Раоуна А., Мухамеджонова Н., Ергашева У., Таинш Р., Ваткинс Дж., МакБет А. *Устойчивость на Шелковом пути: Отчет о результатах краткой оценки положения по обеспечению охраны психического здоровья родителей и детей в «Первые 1000 дней» в Таджикистане.* School of Health in Social Science. Edinburgh Neuroscience. Edinburgh, 2022. 41 с.
5. Fellmeth G., Rose-Clarke K., Zhao C., Busert L.K., Zheng Y., Massazza A. et al. Health impacts of parental migration on left-behind children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet.* 2018;392(10164):2567–82.
6. Абульханова-Славская К.А. *Стратегия жизни: монография.* М.: Мысль; 1991. 299 с.
7. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности. *Социологические исследования.* 1995;12:76–88.
8. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека. *Вопросы психологии.* 2001;2:74–85.
9. Ладыгина О.В. Жизненные стратегии молодежи: вызовы и угрозы социальной безопасности. *Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 4 апреля 2024 г.).* Пономарев А.В. (под общ. ред.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; 2024. С. 138–143.
10. Рузиев У.М. Жизненные стратегии современной молодежи. *Наука и образование.* 2022;3(4):1599–1604.
11. Гаврилюк Т.В., Гаврилюк В.В. Жизненный путь и жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2021;14(1):29–45.
12. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2020;3:4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688

13. Гибадуллина М.Р. Жизненные стратегии молодых мусульман, получающих религиозное образование (на примере медресе Республики Татарстан). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):527–539. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539.

References

1. Guillen M. 2030: *Kak sovremennye trendy vliyayut drug na druga i na nashe budushchee* [2030: How Today`s Biggest Trends will Collide and Reshape the Future of Everything]. Batygin K. (tr.). Moscow: Al'pina Publisher Press; 2022. 394 p. (In Russian)

2. Nabiev M.M. *Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti tadzhikov i spetsifika ikh proyavleniya v etnicheskom obshchenii: avtoref. dis... kand. psikhol. nauk* [National and psychological characteristics of Tajiks and the specifics of their manifestation in ethnic communication: Abstract of Cand. of Psychological Sciences dissertation]. 19.00.12. Moscow, 1995. 377 p. (In Russian)

3. Sokolova R. *Gender Politics of Tajikistan: Towards Constructing an Identity of a Tajik Woman in Contemporary Society*. 2014. [Electronic source]. Available at: <https://mt.osce-academy.kg/handle/123456789/291> (Accessed: 04.04.2025).

4. Raouna A., Muhamedjonova N., Ergasheva U., Tainsh R., Watkins J. & MacBeth A. *Ustoychivost' na Shelkovom puti: Otchet o rezul'tatakh kratkoy otsenki polozheniya po obespecheniyu okhrany psikhicheskogo zdorov'ya roditeley i detey v "Pervye 1000 dney" v Tadzhikistane* [Resilience on the Silk Road: A Report on "First 1000 days" provision for parent-infant mental health in Tajikistan]. School of Health in Social Science. Edinburgh Neuroscience. Edinburgh, 2022. 41 p. (In Russian)

5. Fellmeth G., Rose-Clarke K., Zhao C., Busert L.K., Zheng Y., Massazza A. et al. Health impacts of parental migration on left-behind children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *The Lancet*. 2018;392(10164):2567–82.

6. Abul'khanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni: monografiya* [Strategy of life: monograph]. Moscow: Mysl' Press; 1991. 299 p. (In Russian)

7. Reznik T.E., Reznik Yu.M. *Zhiznennye strategii lichnosti* [Life strategies of an individual]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1995;12:76–88. (In Russian)

8. Vasil'eva O.S., Demchenko E.A. Izuchenie osnovnykh kharakteristik zhiznennoy strategii cheloveka [Study of the main characteristics of a person's life strategy]. *Voprosy psikhologii* [The Issues Relevant to Psychology]. 2001;2:74–85. (In Russian)

9. Ladygina O.V. Zhiznennye strategii molodezhi: vyzovy i ugrozy sotsial'noy bezopasnosti [Life strategies of young people: challenges and threats to social security]. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: vyzovy i sovremennye tekhnologii raboty s molodezh'yu: materialy Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii (Ekaterinburg, 4 aprelya 2024 g.)* [State youth policy: challenges and modern technologies of working with young people: materials of the International youth research conference]. Ponomarev A.V. (ed.). Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2024, pp. 138–143. (In Russian)

10. Ruziev U.M. Zhiznennye strategii sovremennoy molodezhi [Life strategies of modern youth]. *Nauka i obrazovanie* [Science and education]. 2022;3(4):1599–1604. (In Russian)

11. Gavril'yuk T.V., Gavril'yuk V.V. Zhiznennyy put' i zhiznennye strategii molodezhi novogo rabocheho klassa [Life path and life strategies of the youth of the new working class]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics]. 2021;14(1):29–45. (In Russian)

12. Zubok Yu.A. Molodezh': zhiznennye strategii v novoy real'nosti [Youth: life strategies in the new reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2020;3:4–12. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688. (In Russian)

13. Gibadullina M.R. Zhiznennye strategii molodykh musul'man, poluchayushchikh religioznoe obrazovanie (na primere medrese Respubliki Tatarstan) [Life strategies and plans of young Muslims who receive religious education (Results from the field-study in the madrasah of the Republic of Tatarstan)]. *Minbar. Islamic Studies.* 2019;12(2):527–539. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-527-539. (In Russian)

Информация об авторе

Керимова Изумруд Агаларовна, психолог, кандидат психологических наук, доцент Московского государственного педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Izumrud A. Kerimova, Psychologist, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of Moscow Pedagogical State University, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 02 апреля 2025
Одобрена рецензентами: 14 мая 2025
Принята к публикации: 22 мая 2025

Article info

Received: 02 April, 2025
Reviewed: 14 May, 2025
Accepted: 22 May, 2025

Журнал Minbar. Islamic Studies является рецензируемым научным изданием. Журнал с 12.02.2019 г. входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, сформированный Министерством науки и высшего образования Российской Федерации на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=3344114001&f=3092>). К публикации принимаются статьи, прошедшие процедуру экспертного рецензирования. Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения учредителей и издателей журнала, а также редакционного совета, редакционной коллегии и редакции. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Главный редактор – Р.М. Мухаметшин
Заместители главного редактора – О.С. Павлова, Д.А. Шагавиев
Редакторы разделов – Д.А. Шагавиев, Н.К. Гарипов (История),
Р.К. Адыгамов, Д.А. Шагавиев (Теология), О.С. Павлова (Психология)
Редакторы-переводчики – Н.К. Муллагалиев (английский язык),
Д.А. Шагавиев (арабский язык)
Литературный редактор, редактор-корректор – Л.И. Озтюрк
Технический редактор – С.Р. Батрова
Дизайн – Т.А. Лоскутова
Компьютерная верстка – Р.Р. Ильясов

Дата выхода в свет: 29.06.2025. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 400 экз.; первый завод 200 экз. Заказ № 495. Цена свободная.

Частное учреждение высшего образования «Российский исламский институт».
Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19.
Учреждение «Совет по исламскому образованию».
Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 49, стр. 4.
Отпечатано в типографии ООО «Духовно-деловой центр «Ислам нур»».
423832, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Центральная, д. 72.
Сайт: www.minbar.su
Подписной индекс журнала Minbar. Islamic Studies в Официальном каталоге Почты России
«Подписные издания» – ПИ766.

Minbar. Islamic Studies is a peer-reviewed academic edition. The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, which should be published the main scientific results of dissertations for the degrees of Ph. D, for the degrees of Ph. D habil., formed by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation on the basis of recommendations of the Higher attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=3344114001&f=3092>).

All the manuscripts are submitted to double anonymous peer-reviewing. The journal articles do not necessarily reflect the official views of the Founders and Publishers, as well as of the Board of Advisors and editorial staff. Only the authors are responsible for the information they report in their articles or reviews.

Editor-in-chief – Rafik M. Mukhametshin

Deputy chief editors – Olga S. Pavlova, Damir A. Shagaviev

Section Editors – Damir A. Shagaviev, Nail K. Garipov (History),

Ramil K. Adygamov, Damir A. Shagaviev (Theology), Olga S. Pavlova (Psychology)

Editor-translators – N.K. Mullagaliev(English), Damir A. Shagaviev (Arabic)

Literary editor, proof-reader – Lira I. Oztyrk

Technical editor – Svetlana R. Batrova

Design – Tatyana A. Loskutova

Computer layout – Ramil R. Ilyasov

The Issue Date: 29.06.2025. Format 70x100 1/16. Conventional printed sheets 6.25. Circulation 400 copies; the first factory 200 copies. Order № 495. The price is free.

Russian Islamic Institute.

420049. 19 Gazovaya Street, Kazan, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Council for Islamic Education.

119034. 49 Ostozhenka Street, Building 4, Moscow, Russian Federation.

Printed in the publishing house of Spiritual and business center

«The light of Islam»

423832. 72 Tsentralnaya Street, Naberezhnye Chelny, the Republic of Tatarstan, Russian Federation

Site: www.minbar.su

The Subscription index of the Minbar. Islamic Studies journal
in the Official catalogue of "Subscriptions" of the Russian Post is ПИ 766.